

№ 11

2009

**КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ**

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Э. Г. ДЖИЛКИБАЕВ**
(г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **В. Ф. МИХАЙЛОВ**
(г. Алматы), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ**
(г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ**
(г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **А. М. ШВЫДКО** (г. Алматы),
В. Г. ШЕСТЕРИКОВ (г. Петропавловск).

В номере:

Проза

- О. Шиленко.** Каширская трагедия; Наследный принц;
Она была актрисой... *Рассказы* **3**
А. Зурабов. Пять рассказов **27**
-

Поэзия

- О. Шиленко.** Живая лира. *Стихи* **18**
Л. Феофанова. Мягущийся апрель. *Стихи* **35**
Д. Оспанов. «Только ты мне — из надежд надежда...».
Стихи **66**
Б. Лукин. «Что не упало, то и не поднять...». *Стихи* **81**

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.

Записки редактора. Книга вторая (продолжение) 39

К 65-летию Великой Победы

Г. Кравченко-Жампеисова. Память сердца 74

Культура. Общество. Личность

В. Могильницкий. Родники любви 91

Публицистика

М. Тереник. Целинной эпопее — 55 лет 95

Далёкое — близкое

В. Капустин. Мангышлакская тетрадь 104

Времён связующая нить

В. Владимиров. Досье для Первого, или

По нотам волчьей дружбы. Исторические параллели.

Из цикла «На плахе XX века» (окончание) 118

Критика и литературоведение

И. Невзорова. «Марина Цветаева» идёт по волнам 155

Искусство

Д. Бекова. Творческое восприятие мира 162

В семейном кругу

С. Ломакин. Немой; Девяносто первая весна; Горе 165

Детская комната «Нивы»

Т. Дубовская. «Как у нас тут хорошо...». Стихи 171

Приключения. Детектив. Фантастика

П. Госсен. Три рассказа..... 176

Сатира и юмор

И. Криштул. Интервью; Разговор; Москва. Юморески 187

Изоальбом «Нивы»: из работ Эдуарда Казаряна. На первой странице обложки — гобелен «Летящая птица»; на четвёртой — камин «Ковчег».

Ольга ШИЛЕНКО

Каширская трагедия

Три небесных моря — Свет, Лазурь и Пурпур, медленно войдя друг в друга, слились в неземную гармонию. Только отсюда, с десятого этажа, как с десятого

неба, можно было наблюдать всю эту красоту.

Алёша и Алёна были счастливы. Новая квартира ещё пахла краской, а новый дом на берегу реки казался самым фешенебельным в городе. Их свадьба пела и плясала, была ещё в разгаре, когда Алёша и Алёна уединились в своей спальне любоваться закатом.

Стоял самый длинный летний день. И хотя не верилось, что уже больше десяти вечера, друзья, однокашники и приятели молодожёнов не пытались протестовать против раннего уединения жениха и невесты.

И всё же нашёлся один такой — Пашка Гаранин! Робко, но нагло и настойчиво постучавшись в спальню новобрачных, он вдруг вызвал Алёну на пару словечек, взволнованно заверив, что разговор срочный и очень серьёзный.

Алёне передалось волнение Пашки.

— Я сейчас! — тревожно улыбнулась она, виновато поцеловала жениха и, уже снявшая фату и туфли на высокой шпильке, распуская на ходу роскошные волосы из-под приколок, вышла на “пять минут” к Пашке. Да так и замешкалась с ним на кухне, пропала пропадом.

Или это Лёшке только показалось сдуру, от ревности и досады, хотя причин ревновать не было. Алёнка только что призналась Алёшке в вечной любви, а их общий друг Пашка был счастливо женат на красавице курса Ксении Лыковой.

Однако что-то было в поведении Пашки неестественным и странным. Слишком взволнованным и бледным казался друг, вызвавший Алёнку на “пять минут”.

— Конфиденциально! — жёстко остановил он рванувшегося было следом Алёшку.

И вот это “конфиденциальное” затянулось, словно на целую вечность. Потеряв терпение, Алёшка ринулся из спальни, уже весь, словно в бреду и горячке, с острым желанием ломать дрова и хребет другу, как вдруг увидел невероятное... На кухне никого не было... Алёнка стояла на балконе одна и тихо плакала.

“Не пори горячку! — попытался успокоить себя Алёшка и, тихо подойдя к любимой, уткнулся губами в её горячий затылок. Это было мгновение, когда их последний раз видели живыми.

Наутро непостижимая новость облетела весь городок, заставив ахнуть даже самых чёрствых сухарей и людей с каменными сердцами. Счастливейшая пара в городе, влюблённые безумно друг в друга жених и невеста, за несколько минут до первой своей брачной ночи, добровольно ушли из жизни, выбросившись с десятого этажа квартиры под звуки музыки и песен радующихся их счастью гостей...

Три странных обстоятельства окружали эту трагедию. Во-первых, Павел Гаранин наотрез отказался давать свидетельские показания следствию. На вопросы, почему он вызвал невесту для разговора из спальни молодожёнов и что говорил ей, уединившись на кухне, молодой человек отказался отвечать.

Таким образом, единственная ниточка, ведущая к разгадке тайны страшной трагедии, сразу же обрывалась.

Вторым странным обстоятельством во всей этой истории казалось отсутствие на свадьбе родителей молодожёнов, которые, по словам друзей жениха и невесты, проживали недалеко от города, где проходила свадьба. И наконец, самым непонятным из всего прочего вытекающего из следствия был вопрос: по своей ли воле ушла из жизни невеста? Следствию удалось доказать, что на момент падения с десятого этажа жених Алексей Петровых, обладающий могучими телосложением и силой, держал свою невесту на руках. Непостижимым казалось и то, что, падая, Алексей инстинктивно принял такую позу, чтобы при падении тело любимой оказалось не внизу, а сверху. Создавалось впечатление, что при падении он словно бережно подстелил свои грудь и руки под тело девушки, словно ограждая её от сильного удара. Ещё непостижимей во всём этом был факт, что при падении Алексей, в отличие от своей невесты, не скончался на месте. На момент прибытия “скорой помощи” он был ещё жив и даже попытался приподняться, чтобы последний раз увидев свою невесту, спросить:

— Доктор, скажите, она жива? Покажите мне её, приподнимите меня, я хочу её видеть...

Убедившись, что любимая мертва, он спокойно вздохнул и тихо умер, оставив на губах подобие горькой улыбки.

Тайна гибели этих двух красивых молодых людей мучила потом полгорода и кажется, начала проясняться ближе к осени, когда выросла трава на месте падения влюблённых, а чуть поодаль стали ласково светиться и желтеть две нежные берёзки, посаженные в память о печальной истории немymi свидетелями дома.

... Судьба сводила их упорно и настойчиво. Совпадения были во всём. Ходить на танцы, — так одной дорогой. Поступать в институт, — так на один и тот же факультет, да ещё в одну группу. Сидеть, — так рядом. Идти домой — вместе. Даже характерами были они похожи.

У обоих пристрастие к солёной селедке, любовь к персикам и грушам и особое обожание дешёвого лимонада “Дюшес”.

Она чёрненькая, ладная и гибкая, лучше всех девчонок танцующая вальс. Он тёмно-русый, высокий, пластичный, тоже лучше всех парней танцующий вальс.

Никто так красиво не умел вальсировать, как они. Влюбились друг в друга безумно и сразу, ещё на первом курсе. Обнаружилось, что даже родились они в один и тот же день — девятого мая.

А когда родители Алёши поехали знакомиться к родителям Алёны, то матери сразу узнали друг друга: они к тому же лежали, оказалось, в одном роддоме, в одной палате.

Мило посидели всей компанией вместе, посмеялись, повспоминали. Однако натянутость, возникшую между матерями, дети заметили сразу. Особенно странной показалась Алёнкина мать. Бледная, окаменевшая и

фальшивая вся насквозь, она выглядела отвратительно. Ещё бы: пианистка с мировым именем, жена первого архитектора области, она, казалось, никогда не захочет признать мать Алексея, повариху с большими пухлыми ногами, своей родней, а его отца забулдыгу и вовсе постесняется. С нечеловеческим лицемерием мать Алёны Анна Константиновна первая улыбчиво распрощалась с родителями Алексея, дав им понять, что не просто недовольна выбором дочери, а потрясена им. На что те отреагировали адекватно. Особенно мать Алексея. Посовещавшись на кухне, женщины, однако, решили не торопиться с приговором наметившейся партии, поскольку их мужья и отцы детей миролюбиво ударили уже по рукам и распили бутылку водки.

— Вот такой вот чувак, во! — выпятив большой палец, сказал дома Алёне отец. На что тут же получил возмущённый взрыв насмешек и горестных восклицаний матери.

— О чём ты? Не пара он ей! — категорически резко и непререкаемо заволновалась мать.

— Мама, в чём дело? Тебя прям как подменили. Как будто ты сто лет Алексея знаешь. Или о его матери что-то такое. Мне твои эмоции — оскорбительны. Я люблю его! — сразу отрезала Алёна.

— Д-дура! — истерично выкрикнула мать.

— Ты хочешь убить меня! — взвилась Алёна. — Я без него не мыслю своей жизни!

— А-а ч-чёрт! — сказал Алёнин отец, раздражённо надевая туфли. — Я пошёл!

Дверь хлопнула так, что обвалились куски штукатурки.

— Он слишком похож на твоего отца! — болезненно морщась, наконец-то выдавила с трудом Анна, как только закрылась дверь за мужем.

— Что ж, дочь повторяет судьбу матери, — напомнила расхожую истину Алёна.

— Ну нет уж! — мать заплакала. — Только через мой труп.

— Тыфу-у! Мама, ну чё ты прям как в плохой мелодраме, ей-богу? Всё решено! Я выхожу замуж за Алёшу, одна могила только разлучит нас.

— Я прокляну тебя!

— Поздно, мама!

Дальнейшая попытка разговора оказалась бессмысленной. Заткнув уши, Алёна стремительно собрала вещи, вырвалась из цепких рук кричащей непонятное матери и ушла из дома.

Ярость матери, весь протест и боль передавались на расстояние. Это было страшное ощущение. Три дня после побега Алёна ощущала злое дыхание пропасти между ней и матерью и в душе её не было ничего кроме протеста.

Вскоре раздался звонки преследующей их, возмущённой Анны, которую противно было слышать, даже с полужвука. Надо было замечать следы.

Свадьбу решили сыграть в подмосковном городке, в новом доме друга Пашки, отправившего свою жену в роддом, а потому на радостях готового на всё: и на свадьбу друзей, и на её счастливое продолжение.

Конечно, молодые не подозревали об ужасе и драме в сердцах своих матерей, которые двадцать два года назад дали друг другу клятву, что ни одна живая душа, даже их родные мужья под страхом смерти не узнают о том, что произошло 9 мая 1945 года в роддоме их родного города.

... Случилось это рано утром...

Две молодые женщины, подруги не разлей вода, поступили в роддом в один день. Даже смешно было; всю жизнь вместе и горе и радости делили, а теперь вот и роды...

Охали и ахали рядышком. В перерывах между схватками исповедывались друг другу, как на духу, словно виделись в последний раз.

Тамара была старше Аннушки и вышла замуж ещё до войны. Рожать ей врачи запретили, но она всё же решилась на роды после того, как вернувшийся с фронта муж сказал, что протянет ещё лет пять-шесть — не больше, поскольку с таким ранением в голову, как у него, долго не живут.

“Так и не успели мы с тобой родить сына, — печально сказал он Тамаре, — Алёшку, помнишь, мечтали с тобой... Алёшку или Алёнку...”.

“И вот тогда я подумала, что будет жить он, мой Вася, долго-долго, если рожу я ему сына... перестанет думать о смерти, окрепнет, расцветёт, будет ради чего побороть ему хандру и тёмные мысли. И решилась... — Тамара охнула, жалобно улыбнулась Аннушке: — Не поминай, если что, лихом. Обещай, что не бросишь моё дитя, если... если я, не дай бог, помру...”.

У неё вдруг отошли воды, стало падать давление, врачи забегали, часто повторяя: “Отслойка...”. Увезли в операционную.

Аннушка смотрела на суетящихся врачей, на сестёр и в какой-то момент стала горячо и слёзно молиться за Тамару. Дороже сестры была она ей. В годы войны последней пайкой делились. Было и такое, что от голодной смерти спасла однажды Тамара Аннушку.

Из операционной выскочила медсестра и прокричала, что надо кого-то там вызывать, заказать дополнительную кровь.

— Ребёнка, — прохрипела она, — спасти не удалось. Будем удалять матку!

Это означало, что детей у Тамары больше никогда не будет. Да и сама Тамара, судя по панике в операционной, теперь находилась в милости Всевышнего...

Аннушку с трудом оторвали от дверей операционной. Вскоре она родила двойняшек: мальчика и девочку. И сразу же с болью подумала о неравнозначном жребии: тем, кто жаждал и желал — ни одного, а той, которая не ждала и ничего не просила у Бога — сразу двоих...

Через некоторое время сообщили ещё одну сногшибательную, теперь уже радостную новость: “Победа! Война окончена! По-бе-да!”.

Анна потом всю жизнь не могла простить себя за то радостное затмение, которое вдруг приключилось с ней 9 мая 1945 года. Она решилась отдать новорождённого своего мальчика несчастной и обезумевшей от горя Тамаре, опасаясь за её жизнь и судьбу, и за её мужа, героя войны Василия Петровых.

“У меня ещё будет много детей, а сейчас мне и одного многовато. Концерты, гастроли, репетиции”, — твёрдо решила она. И это было истинной правдой. В то голодное суровое время рождение двойняшек для двадцатилетней честолюбивой артистки, оторванной от родных и самых близких, казалось непосильным бременем...

Если бы она только знала, как потом пожалеет о своём решении, как возненавидит и себя и Тамару, когда, попытавшись вернуть сына, услышит, как подруга обвинит её в безумии и напомнит о слове, которое они дали друг другу, поклявшись жизнью детей, а также собственными жизнями и здоровьем.

Вот эта страшная клятва-то и держала их языки за зубами, даже тогда, когда молчать уже было нельзя, а помешать детям казалось уже невозможно.

Когда Павел Гаранин, услышав по телефону сбивчивый рассказ Анны, пошёл к Алёне, молодые жених и невеста были ещё в своих венчальных нарядах.

Конечно же, Павел успел передать Алёне страшную новость матери, которую она просила больше никому не разглашать кроме Алёны. По всей вероятности, и Алёнке было наказано держать язык за зубами. Поэтому-то выбежавший из спальни жених увидел её плачущей. Плачущей и, скорее всего, молчащей, отчуждённой, непонятной и похолодевшей как лёд. Успела ли Алёнка хотя бы намекнуть Алёше о подноготной? А если успела, то почему Алёшка принял такое безумное жуткое решение? Ведь что бы там ни было, он не имел никакого права распоряжаться судьбой своей сестры... Выходит, не успела. Выходит, была ещё какая-то скрытая причина для отчаяния Алёши. Но какая? Ревность? Старые раны? Тени подозрений? Шок? Затмение? А может, немедленно сработал закон рока клятв-преступления, ведь мать поклялась когда-то жизнью своих детей.

Непостижимая тайна городка так и осталась непостижимой.

— Это мне возмездие за предательство! — шептала себе Анна Константиновна Анохина, оцепенев перед свадебной фотографией своих смеющихся детей. — Это мне за то, что втайне от мужа отдала его сына в чужие руки, за самовольство! Нет, это не просто предательство! Это было двойное предательство. Первое — предательство перед мужем, второе — перед сыном.

Муж Анны потом всю жизнь мечтал о рождении сына, но детей им больше господь не послал.

— Это мне за подлость, — плакала Анна, ненавидя свой рок и проклятые тяжести, навалившиеся на её ещё цветущую, ещё красивую, но, увы, уже бесплодную плоть. — Это мне за самонадеянность, за святотатство!..

Мрачные мысли, словно чёрные осы, жалили её прямо в сердце. Господи, как похож был её сын Алёшка на её мужа! Такой же русский, с ямочкой на подбородке, с большим кадыком на шее, такой же импульсивный и сильный. Такой же улыбчивый и застенчивый. И такой же непредсказуемый и своенравный.

Она вспомнит крепко спелёнутого новорождённого своего Алёшку. Был он крепким и толстоватым, с белыми крошечными, как мак, просяночками-жировичками на курносом носу, горластый и совершенно лысый. Алёнка, родившаяся на несколько минут позднее, была в отличие от брата худенькой и сморщенной, с редкими тёмными волосиками. Такой же хилой и болезненной, темноволосой и тихой она будет и в детстве. Двойняшки в отличие от близнецов редко бывают похожими друг на друга. Даже цвет глаз у них был разный. У Алёшки голубые, у Алёнки серо-зелёные. Никому и в голову бы не пришло, что это брат и сестра.

Единственное, что поразило Анну Константиновну, это то, что её сын, русоволосый крепшй Алёшка, безоговорочно, с первого взгляда при знакомстве понравился не только ей, но и своему родному отцу, её мужу Александру Ивановичу Анохину. “Вот такой вот чувак — во!” — выпятив большой

палец, радостно скажет он Алёнке. Как восхищённо и восторженно глядел он на него, как не хотел прощаться с ним, а потом слушать возражения Анны. Чувствовал, видно, всеми фибрами родство, не подозревая как далеко оно заходит. Она вспомнит, в каком гневе муж ушёл, хлопнув дверью, когда Алёнка и Анна застыли друг против друга, с болью уставясь друг другу в глаза.

Поведать всю правду мужу? Нет! Потерявший дочь, он ещё мог пережить эту трагедию. Но обрести и сразу вдруг потерять сына, о котором он мечтал всю жизнь? Это бы убило его. Анна Константиновна, помятуя о двух инфарктах своего мужа, крепко держала язык за зубами. Поражаясь собственной силе после пережитой трагедии и транса, она заказала немыслимой красоты памятник своим детям. Два свадебных цветка из белого мрамора, тесно соседствуя, были один к одному родственны друг другу. Они произрастали из одного стебля, хотя и были выполнены в виде плывущих кувшинок. Кувшинок, словно плывущих в чёрную реку Лету.

Эпитафию на надгробной плите высечь не успели. Сочиняя её, Анна наклонится, чтобы подбросить дров в догорающий камин, и вдруг, чувствуя, как её повело резко влево, боясь упасть, она откинется на спинку кресла и, взяв в руки часы, так и застынет, навечно вглядываясь в сумрачное серебро циферблата. Чёрные стрелки дрожали, указывая мистическую цифру одиннадцать... Час гибели Алёши и Алёны.

2006 г.

Наследный принц

Рассказ газетчика

Я новорождённый и давний.

Я малёнький и я большой.

Сагин-Гирей

Он сильно напоминал молодого актёра, игравшего Ихтиандра в фильме "Человек-амфибия". И это его неземное сходство тревожило сердца не только дам. Даже мы, мужики, были обезоружены и подавлены его внешностью и олимпийским превосходством.

Он вышел из кабинета редактора газеты с подписанным заявлением о приёме на работу, лучезарно переглянулся с секретаршей, и невидимая аура обаяния и магнетизма его личности сразу заполнила всё пространство нашей конторы.

Наверное, у меня будет очень странное выражение лица. Он с удивлённой растерянностью взглянет на меня, искренне и распахнуто улыбнётся и обезоруживающе просто протянет руку.

— Будем знакомы... Вазир.

Такая открытая, располагающая к себе улыбка была только у него. Равно как и проникновенный голос, исполненный внутреннего достоинства и особого благородства.

Я протяну руку и размякну, чувствуя, как улетучивается не только неприязнь, но и мрачное будничное настроение.

Дело было даже не в его чудесном костюме и не в прекрасных манерах.

Дело было в предчувствиях. Вместе с ним в нашу газету врывался свежий сквознячок.

Даже слова из нового кинофильма "Песни моря", казалось, были придуманы для него:

*... Ведь бывают гитары — они зазвучат,
И большие оркестры покорно молчат...*

Он насвистывал эту песенку, и его тщательно отглаженные брюки и крахмальная сорочка с шёлковым галстуком, как у денди, навевали ощущение праздника жизни.

Высший пилотаж в журналистике Вазир показал в первых же своих статьях. Вот это был слог! Лаконизм. Острота. С чувством вины двоечников-второклашек мы тужились допрыгнуть хотя бы до подножья новых олимпийских вершин, но, увы... Как назло, писалось всё хуже и хуже. Поиск новых форм делал наши перья ещё более неуклюжими. Смехотворность наших потуг была тем более смехотворнее, чем больше мы из себя изображали и выдавливали. Однако зависти не было. Да и злобы тоже. Слишком недосыгаемым он нам казался.

В моду смело входили короткие юбки и белые льняные одежды с приталенными силуэтами. Как слепили эта белизна и мини на продутых озоновыми ветрами улочках. Помню это пронзительное ощущение свежести чувств и занебесной, промытой как стекло синевы. Казалось, оно ворвалось в наш город вместе с ним. Был он неисправимым романтиком. Любил стихи, море, яснолицых, солнечных женщин, и нам хотелось думать, что привела его сюда жажда странствий и любовных приключений. Хотя с его пером он мог бы стать звездой столичной прессы и блистать для всей нашей тогдашней супердержавы. Собственно, Вазир и там блистал. Это было всего пару-тройку раз, но каждая его статья становилась сенсацией.

Сам собой напрашивался и не давал покоя вопрос: что же этот молодой, блестящий человек здесь нашёл? Почему так мелко заплыл при такой-то своей масштабности? Да ещё и честно несёт изнурительные ночные дежурства. Мотается по командировкам, наотрез отказавшись войти в элиту редакции.

Разоблачающий, спасающий и развенчивающий, вечно ищущий правду, он нравился себе не меньше, чем своим коллегам.

Ах как смотрели на него наши женщины!

Накатывало ему уже под тридцать. Был он холост, снимал комнату за умеренную плату у одной старушки, и та всё вздыхала о его донжуанской участи.

— Пора бы на ком-нибудь и остановиться, — говаривала она ворчливо после ухода очередной молоденькой пассии. — Ить разменяешь свой первый золотой, потом поздно будет...

— Ах, Евдокия Григорьевна, милая, не вы ли девушка моей мечты, к которой я опоздал родиться? — отшучивался Вазир, и глаза его странно грустнели. Лицо его при этом принимало страдальческое выражение.

Однако подслеповатая старушенция, не видя, что сыплет соль на раны, ещё больше заводилась от этих слов.

— Чем хоть эта Надя тебе не пара? Высокая, статная, душевная. Тебе что — “богиню” подавай?!

— Богиню не богиню, а вот с ангельскими глазами полюбил бы, — неловко отмахивался Вазир.

— Нешто не ангельские глаза у ей!? — всплёскивала дряблыми ручками хозяйка. И тут же словно спохватывалась: — Занимать всем подряд меньше надо! На такую нищету и ангел-то не позарится!

При этом она грозно смотрела в мою сторону.

— Не так, что ли, говорю, Коля?!

— Ваша правда, Евдокия Григорьевна, одалживаем без возврата, — признался я, потупившись и разглядывая свои старые, выдавшие виды сандалии. Нет, так чистить обувь, как Вазир, у нас никто не умел. Туфли его блестели, как зеркало, и казались очень дорогими.

Что и говорить, бывало, и я принимал Вазира за местного Креза, однако, увидев, сколько охотников до его безразмерного сердца, — понял, что это — наглость.

Что касается женского пола, тут уж не трудно было заметить, как заволновались с его приходом наши редакционные красотки. Стали являться на работу с какими-то немислимыми причёсками, с отчаянно намазанными ресницами и губами, и вот уж чего никогда не бывало, даже начали носить бархатные брюки.

Тихо посмеиваясь, мы жили в предвкушении служебного романа. Уж очень его клеили Катя Сёмина и Ася Бакиева.

Однако агентура вскоре донесла, что наш редакционный Аполлон предпочитает крутить с лучшими красавицами на стороне. И помногу... Блондинки с кротостью голубиц, русые Алёнушки, огненно-рыжие и пепельные... все до одной были с голубыми, либо синими, либо с бирюзовыми глазами. Ангельскими!

Лишь однажды я увидел его на фуникулёре с очаровательной незнакомкой, которая потрясла меня редким контрастом на фоне его светлой коллекции. Знойная Венеция в глазах, заносчиво вскинутая точёная головка. Я отвёл его в сторону и почему-то заволновался.

— Слушай, познакомь меня с этой ведьмочкой! Девчонка явно не твоего романа! Ещё и задавака!

Он со странной досадой взглянул на меня, нервно усмехнулся.

— Да ради Бога! — с подчёркнутой издёвкой в голосе отчеканил он, — позвольте представить вас... Ассоль.

О, как эта девчонка насмешливо взглянула на него, потом на меня. Сердце моё снова забилося как бешеное. Тревожная дерзкая юность, надменная ирония, высокий лоб. Ничего ангельского! Пурпурное платье, этюдник через плечо. Скажи она "да", и, закрыв глаза, я пошёл бы за ней на край света. Увы, она сразу дала мне понять, что там, где прошёл Вазир, там нашему брату делать нечего.

Наивная бедняжка. Для кого, интересно, так струилась и переливалась золотистая ночь её волос, сияли лаковые босоножки и так туго и нещадно затягивал тонкую талию кожаный ремень?!

Знала ли она, что этой ночью его застал в объятьях своей дочери сам ректор политехнического! Я стервозно, хотя и мысленно, разрисовал ей соперницу. Вот уж кто поистине обладал ангельской внешностью, так это она — дочка ректора, немочка по матери, истинная Лорелея, тихая, как утренний бриз. В конторе всё громче говорили об этой истории, как о Лебединой песне... Опустив ресницы, Лорелея приходила и ждала Вазира в конце рабочего дня на лестничной площадке. И мы все ходили по очереди смотреть на её красивые ноги. Как терпеливо эти ножки выстаивали на длиннющих шпильках, переминаясь в нервном ожидании. Как дрожали ресницы, которые она не смела поднять на проходящих мимо неё любопытных Варвар.

Но за плечами Вазира по-прежнему была какая-то необъяснимая тайна. Тень. Если не призрак рока.

Странно, что никто так и не озлился против самого талантливого из нас. Даже безнадежно влюблённые и оставленные им Лорелеи не воспылали жаждой мести, слушая его такие безоглядные, такие ветреные, я бы даже сказал, нагловатые стихи:

*... Чтоб на дальних дорогах,
Если скорбным я буду,
Из возлюбленных многих —
Вспомнить милую Люду...*

Клеймо вертопраха, бабника и повесы неумолимо прирастало к Вазиру в заспинных пересудах... Светлый образ человека-гуманоида был почти развенчан.

И вдруг... что я слышу! Оказывается... из всех его романов, тот самый — малозначительный для внешних наблюдений эпизод, когда он катался на фуникулёре с очаровательной художницей, обернулся вовсе не таким уж эпизодом. Так вот почему он с такой злостью взглянул на меня, знакомя нас.

Оказывается, Вазир был давно и смертельно влюблён в эту ведьмочку. Бросив всё, поехал за ней следом в город, где любимая собиралась сдавать экзамены. Отвергнутый и незамеченный, ходил за ней по пятам, пока она не перевелась учиться в наш городишко. Однако он нашёл её и здесь. Снова бросив всё, поехал за ней, как тень. Снова ходил по пятам и, терзаемый неутолённой страстью, пускался во все тяжкие. Публиковал свои нежные, посвящённые только ей одной стихи, безнадежно ждал назначенных свиданий.

Однажды мне довелось стать свидетелем его припадка, который я приписал нашему безудержному пьянству.

Случилось это вечером, после изрядной порции горячительного. Вазир вдруг начал звонить куда-то. Что уж ему там ответили на другом конце провода, я не слышал. Однако через мгновение я увидел разбитый вдребезги телефонный аппарат и катающегося рядом на полу Вазира. По-моему, он плакал, проклиная свою незадавшуюся судьбу. Говорят, он клялся даже своей квартирной хозяйке забыть эту бестию. И уж, конечно же, искал утешения в ангелоподобных созданиях.

Не надо было быть слишком проницательным, чтобы понять: парень пропал ни за грош.

Вскоре и он, поняв, что мне известна вся его подноготная, не выдержал.

— Что делать, Коля?! — в его глазах стояла мука и безумная тоска отчаяния.

В таких случаях сказать “Плюнь!” — равносильно предательству. Нужны были какие-то особые, веские доводы. И я тугодумно и долго, теряя время, искал их. Искал до тех пор, пока он не повторил в своем убийственном затмении:

— Коля, Коля! Что делать?! Это катастрофа.

— Страдать! — сурово отрезал я.

Девушка в пурпурном платье стояла у меня перед глазами. Как я понимал его!

Он выстрадал её. Преображённый и ясный, он перво-наперво уничтожил адреса и телефонные номера всех женщин. Повёл одинокую жизнь затворника, раз и навсегда покончив с ресторанщиной и запоями. Даже решил брать уроки живописи у своей мучительницы.

Однако, покорив сердце красавца, по которому сохла чуть ли не половина женского населения нашего городка, юная чертовка не спешила в его объятия.

Она долго испытывала его, чередуя дни оттепели с неделями внезапного охлаждения, и былая слава “любовного шнура”, старые подружки и свежеиспечённые Лорелеи снова брали его за горло. На него смотрели как на обречённого.

И вот однажды летним сверкающим днём очень взволнованный Вазир приходит к редактору и просит персональную машину для необычных хлопот — привезти невесту для торжественного бракосочетания.

Обалдевший редактор не поверил. Даже немного осерчал.

— Брось разыгрывать, старик! Опять?!

— Ей-богу! — лицо Вазира сияло так, как будто он откопал сундук с золотом.

— Всё равно вывернешься, либо машина сломается, либо невеста сбежит, — съязвил редактор. — Хотел бы я посмотреть на ту, ха-ха, которая тебя заарканит.

— Милости прошу! — отчеканил Вазир.

— Тогда поехали, — всё ещё не веря, съехидничал редактор в предвкушении очередной заурядной пьянки и скандала.

... Что и говорить, необыкновенная это была пара...

А у необыкновенных людей и свадьбы бывают необыкновенные... То ли сразу же после первого “горько” два горячих сердца, воспламенившись, немедленно решили покинуть присутствующих, то ли снова нашла коса на камень, а только в зале они больше так и не появились...

Всё-то ему прощалось, да и устроители старались. Явились какие-то ряженые в масках. Потом оркестранты. Тамада-балкарец, долго и весело потчует гостей, заставляя верить, что новобрачные рядом с нами.

Щекотливую ситуацию сгладили шашлыки и новая батарея крепчайшего шотландского виски.

Я было отправился к молодым с тревогой и претензиями, однако увидел на их лицах только одно — сумасшедшее счастье и желание послать всех к чертям...

И всё же не это, не это было главной тайной нашего героя.

Спустя месяца три молодые уехали из нашего города. Газета резко посерела без статей Вазира, редакционные девушки и дамы перестали громоздить причудливые фантазии на своих поникших головках, а наши мальчишники превратились в безбожные пьянки. Даже сам редактор попал однажды в вытрезвитель, за что получил по шапке. На его место пришёл другой, вовсе не из журналистов, чинуша из какого-то управления.

Многие наши коллеги, недовольные ухудшением творческой обстановки, предпочли также податься в другие края, благо газет в той великой стране, которой уже нет, было тогда несметное количество.

Мне некуда было податься. К тому же, как журналист я не хватал с неба звёзд. Остался в редакции. Доработал до пенсии. И ... однажды, коротая вечер в сквере с таким же пенсионером из некогда всесильного ведомства, полковником в отставке, вспомнил свои лучшие годы в газете, которые совпали с пребыванием в редакции Вазира. Услышав его имя, мой собеседник почему-то очень оживился.

— Как же, как же, и мне памятен этот молодой человек. Какой умница был. Какой талантище! А главное, никто ведь не знал, не ведал его главную тайну, о которой он и сам почти не подозревал...

— Хм, он что, представлял опасность для страны или, наоборот, был вашим сотрудником? Я так и знал! — вскричал я.

Полковник испытующе долго посмотрел на меня и вдруг усмехнулся.

— Раньше, конечно, ты бы не получил от меня никакого ответа, остался бы при своих тёмных мыслях. Как всё-таки мы привыкли думать друг о друге плохо... Нет, он не был сотрудником КГБ.

И рассказал мне удивительную историю...

Вазиром играла даже не его собственная судьба, а судьба его родителей.

После распада Советского Союза в печати появилось много сногшибательных документов о бесчисленных жертвах сталинских репрессий. Среди этих несчастных были не только советские люди, но и граждане иностранных государств, разными путями попавшие в первую на земле страну равенства и братства. В тридцатые годы все подозрительные личности были отправлены в лагеря или расстреляны. В их числе оказался даже наследный принц Афганистана, которого угораздило влюбиться в советскую девушку. Этот наследник престола ценой невероятных усилий отказался от титула. Поехал в Союз, где его хорошо приняли и даже подняли на щит, мол, как прекрасна наша страна, если в неё стремятся даже царственные особы, чтобы жить свободной жизнью! Молодым позволили соединиться. Им дали хорошее жильё, обеспечили учёбу. Но перед самой войной, когда страну пронзила шпиономания, бывший афганский наследный принц был заподозрен в работе на английскую разведку и заточён в лагерь. В лагерь для жён изменников родины последовала и его молодая супруга, а их маленький сын Вазир был отдан в детдом, где вырос без какого-либо понятия о своих родителях, превращённых режимом в лагерную пыль.

Несчастливая судьба родителей стала преследовать Вазира, как только он достиг совершеннолетия. Уже учась в институте, он был приглашён в органы безопасности, где ему намекнули на его неблагонадёжное происхождение и предложили стать осведомителем. Например, докладывать о неблагонамеренных разговорах среди студентов. Он с негодованием отказался, и его вроде бы оставили в покое. Однако по распределению после вуза, хотя учился он на "отлично", его заслали в невозможнейшую глухомань. Отработав положенные три года в районке, он перевёлся в областную молодёжную газету, и здесь его опять призвали в местное управление КГБ, где вновь предложили сотрудничество по догляду уже за журналистскими нравами, обещая содействие в переводе в центральную прессу.

Получив отказ, рыцари плаща и кинжала посоветовали Вазире навсегда забыть дорогу в Москву, Ленинград и столицы союзных республик, ограничив свою журналистскую прыть уровнем не выше областных городов.

Госбезопасность продолжала держать его под наблюдением. Полковник, конечно, знал через своих коллег в других областях, что Вазир, уехав

из нашего города, работал потом где-то в Центральном Казахстане, Астрахани, Таджикистане, Калмыкии, Ставрополье, а затем приземлился в тихом уголке Украины.

У него с той очаровательной художницей появилось двое детей — мальчик и девочка. Несмотря на свой мощный дар публициста, Вазир выше заведующего отделом областной газеты не поднялся.

Его талантливая жена, приглашённая во Францию, долго металась между Парижем и суженым, пока в их отношениях не наметилась трещина...

— Я с интересом следил за его передвижениями по стране, — заключил мой собеседник. — Не столько по долгу службы, сколько из личных симпатий. Он ведь был во всём неординарен: и внешность, и внутреннее благородство, и недюжинные таланты. А вот, поди же ты, не дала система развернуться! По последним моим сведениям, Вазир бросил работу в областной газете, издал удивительную книгу стихотворений и уже несколько лет служит смотрителем на севастопольском морском маяке, тоскуя по своей парижанке.

Я часто вспоминаю одну строчку из его книги, которая занозой сидит в моём сердце:

*А ты забыл, что ты ничтожен,
Что много горя на земле?..*

2001 г.

Она была актрисой...

“... И когда маки покроют страну могил... Горячее мёртвое море заката... Ветер неведомых знойных стран...”.

Обрывки мыслей всплывали и тотчас же таяли в голове красивой молодой женщины, одиноко застывшей у могилы мужа в печальной скорби.

С мраморного надгробного портрета на неё смотрел светлоглазый молодой блондин с кудрями королевича и жёстким выражением губ погонщика мустангов. Печать самоубийцы угадывалась на его лице, но Лариса никогда не видела этой печати, а потому считала убийцей мужа себя. Она раскаивалась в содеянном и проклинала себя за всё. Теперь она смотрела на себя словно со стороны, и прошлогодняя весна больше не казалась ей самой счастливой на свете. Глупая юность, глупые забавы, глупые интрижки её теперь казались жестокими и вздорными.

Да, она никогда не боялась жестоких игр, роковых страстей и любовных треугольников. С удовольствием мазохистки играла она обольстительницу и в эти зловещие “Бермуды”. Так было на подмостках в театре, так было в жизни.

В ту весну Лариса не уставала проверять свои чары. Как бы ни была очаровательна и умна соперница, но рано или поздно, в конце концов, любой мужчина начинал принадлежать ей безраздельно. Чем уж она притягивала их? Какой имела грех с чёртом — неизвестно.

Если не случалась рядом соперница, Лариса находила друга, бесконечно проверяя своего жениха на прочность, не дорожа любовью, какую бы выгодную партию не сулил ей новый роман.

В такой любовной геометрии и отбил её у жениха Андрей, став любимым мужем.

Медовый месяц выдался дождливым и холодным. Дождь шёл ровно тридцать дней, побуждая влюблённых без памяти молодожёнов к бесконечным любовным утехам и затворничеству. Изнулив себя до прозрачной худобы, а потом и до полного истощения, в тихом упадке сил, посмеиваясь, они немного перевели дух и наконец-то отправились к друзьям на вечеринку.

Вот тут-то и обнаружилось, что и в замужестве Лариса не мыслит своей жизни без любимого хобби.

Несмотря на утолнённую страсть и изнурение она сразу же нацелила свои немного запавшие, но лихорадочно горящие тёмные взоры на старого друга семьи Мишу Зейфа.

Однако Андрей не повёл и бровью, следя за игрой любимой жены. Актриса она и есть актриса... Везде.

Будучи психологом по натуре и режиссёром по призванию, он не собирался следовать сценарию актрисы.

“Сценарий в таких пошленьких интрижках будет моим и только моим! — размышляя, дал себе зарок Андрей... — Дальше флирта у неё дело не зайдёт, но игра может затянуться навечно. Дай ей волю, и вся твоя жизнь превратится в сплошную драму или фарс”.

Нет, щекотать себе нервы Андрей не собирался, а потому, хладнокровно похохатывая, не дал своему воображению разгореться даже на минуту. Она хотела летающих тарелок и кастрюль по дому, истеричных выкриков и пощёчин, и твёрдо знала: чтобы быть вечно любимой и желанной для темпераментного мужчины, женщина должна быть... стервой.

Но Лариса переоценила темперамент своего мужа. Андрей оставался холоден и нем, как рыба. И по гороскопу он был Рыба. И кажется, в любви его рыбаья кровь давала о себе знать всё больше. Благопристойный во всём педант, сдержанный стоик, мягкотелый интеллигентик. Это было невыносимо пресно.

Лариса почувствовала себя бесконечно старой и завядшей уже через полтора месяца брака. Злая от скуки и подчёркнутых любезностей мужа, она хлопнула дверью и ушла капризничать к маме, ожидая, что уже к вечеру Андрей со слезами на щеках, бледный и взволнованный прибежит за ней и упадёт на колени. Она даже прорепетировала сцену примирения и взаимного прощения, не забыла и про свой лучший халатик, который должна была надеть, когда он объявится. И... увы, снова недооценила темперамент и характер возлюбленного.

Андрей даже не позвонил. Он потомился неделю и тоже... ушёл из дома. И к кому? К лучшей подруге Ларисы Рите Серовой, которую Лариса, конечно же, во грош не ставила как потенциальную соперницу. Низкорослая, с короткой шеей, щекастая и вульгарная, Рита напоминала медведицу...

Снова стояли туманы, шли затяжные дожди, лишив цветущую сирень запаха, а город — тополиного пуха, который внушает весне особую прелесть. В воздухе витала хандра. Хотелось бродить по этому млечному озеру пара, глядеть на опадающий голубой пепел сирени вдвоём с Андреем, тесно прижавшись друг к другу, и думать о резиновых сапожках, которые они купят, когда родится сын. Слушать поющих скворцов и мечтать о новом спектакле Андрея, который он поставит исключительно во славу своей талантливой и великолепной жены.

— Как жизнь, предатель? — не выдержав, первая позвонила Лариса мужу. — Кто кого кормит, богема?

— Я... шубу ей купил!.. — невозмутимо парировал Андрей, что означало — дела его пошли в гору.

И хотя в голосе его слышалась тоска, положил трубку. Перезвонил... и снова положил трубку.

Теперь уже было не ясно — игра ли это. Запашок опасности завис и тяжело стоял в воздухе. Всё что казалось вчера смешным — перетекло за грань абсурда. Гротеск превратился в реальность. Балом их любви правил сатана.

... Вскоре на афишах города появилось имя Риты, как ведущей актрисы театра, тогда как имя Ларисы исчезло отовсюду напрочь.

Лариса снова, сатанея, схватилась за телефон.

— Почему ты вычеркнул меня из пьесы и поставил эту бездарь? Она же не актриса!!!

— Я влюбляюсь в неё, — вяло, но искренне предупредил Андрей, ожидая одного: вот сейчас любимая скажет, что пора заканчивать валять дурака, попросит прощения и позовёт его домой...

Он долго молчал в трубку, тихо наигрывая одной рукой что-то печальное на пианино, и едва слышно шептал ей нежности.

Не помня себя от бешенства, Лариса, ещё несколько минут назад мечтавшая признаться мужу в любви, разразилась проклятьями. И лишь тогда, когда он бросил трубку, вдруг вспомнила, что за мелодию он наигрывал...

Это был реквием.

Больше они друг другу не звонили. Однажды лишь Андрей подошёл к ней своего лучшего друга Мишу Коршунова с признанием что... погибает!..

— Живётся ему отвратно и мерзопакостно. Отвратнее не бывает, — изрядно выпив и закусив, разоткровенничался Коршунов, — не проходит и дня, чтобы они не пили. Квартира Риты — свалка, притон, место сделок и оргий...

— Выходит, на почве пьянства сбежались? — горько усмехнётся Лариса.

— Бери выше, там всё куда сложнее! — кисло возразит Коршунов. — Она... ведьма! Зашёл на ночку, а оказалось — навсегда. Теперь их только могила разлучит. Читай отворотную и иди за ним, может, ещё спасёшь...

— Ты хочешь, чтобы я бросилась ему в ноги? — зло прищурилась Лариса, со стуком отставляя стакан.

— Этого мало. Тебе понадобится вся твоя женская хитрость и сила.

— Не-ет! — с болью выкрикнула Лариса. — Да он жить без меня не может!

И всё началось снова. Нашла коса на камень, плетё снова пыталась перешибить обух.

“Ничего: “капля камень точит”, — угрюмо думал Андрей. Вконец обезумев и заставив Ларису грызть яблоко ревности, он готовил ей ещё один садомазохистский финт.

Более всего на свете она ненавидела, когда ей подсовывали яблоко зависти. Слишком утончённая, она впадала в бешенство от этих

дешёвеньких подловато-мальчишеских манёвров, от этих пошло-наивных меленьких иезуитств. Он подсовывал ей яблоко зависти в надежде заставить её грызть это яблоко, как маленькую провинившуюся девочку. Он жонглировал этим яблоком перед носом Ларисы, сделав из бездарной Риты актрису с оглушительно-громким именем. Вместо великолепной, гениальной Ларисы теперь всюду блистало имя Риты. Наивная тактика. Смешная стратегия.

— Я не хочу, не хочу предавать свой театр и предаю его с Ритой, как не хочу предавать свою любовь и предаю, предаю, предаю её! — с пьяным отчаянием хрипел Андрей другу в лицо, плача, с хрустом и кровью давя в руке тонкое стекло фужера. — Что молчишь, рыжая бестия!?

— Ты хочешь исправить её, старик? — имея в виду Ларису, вздохнул друг. — Глупо! Люди неисправимы. Сломаешь! И... ломаешься сам. Никогда никого не надо переделывать. Читай Карнеги.

— Заткнись! — не слушая, скрипнул зубами Андрей.

Ему потребовалось два сезона невероятных усилий, чтобы с помпой прославить серенькую Риту и погубить навсегда Ларису, вернее, её любовь и талант.

На огромных афишах столицы блистали не менее огромные с лакировкой портреты сытоглазой, бесконечно чужой ему женщины, которую он давно уже ненавидел и презирал всеми фибрами души. И чем больше блистало имя Риты, тем тусклее, бесцветнее становился голос любимой.

Нет, Лариса не приползла к нему раненой пантерой, чтобы перегрызть сопернице горло. Не стала умолять о прощении и валяться у него в ногах, как рисовалось в мечтах. Она просто ушла со сцены.

Возобновив звонки, Андрей молча и хладнокровно наигрывал свой реквием, приходя в мрачный экстаз при мысли от своих метких попаданий в цель. Каждый удар по сердцу Ларисы доставлял ему острое садистское удовольствие, а сознание её полного краха, безвестия и окончательной отставки в театре грело душу и порождало азарт и вдохновение. Впрочем, грело ли? Душа отмораживалась, а сердце, заледенев, наполнялось жестокой гордыней и безумием.

Он всецело теперь уже служил не ангелу любви, а демону зла.

Лариса не скоро очнётся от его жестоких ударов. Она бы и не очнулась, если бы однажды, слушая очередной реквием, который наигрывал ей каждый вечер Андрей, не уронила телефон. Разбитый вдребезги аппарат, надолго замолчав, дал ей время опомниться.

— Господи! Что я делаю! Я ведь умираю! — вскричит Лариса и поднимется с постели. И... заведёт роман с первым встречным. А именно, с молодым доктором по вызову, Юрой.

Осенью ей позвонит Рита и предъявит права на наследство. Она даже забудет сказать, что Андрей умер.

... И когда маки покроют страну могил, а горячее мёртвое море заката овеет ветер неведомых стран, Лариса, одиноко застывшая у могилы мужа, вдруг вспомнит, как, впервые увидев Андрея, потрясённо подумала: "Неужели люди с такими гордыми неземными глазами когда-нибудь тоже... умирают?..".

2006 г.

Ольга ШИЛЕНКО

Живая лира

На отшибе, на отшибе
возле чащи и арыков,
возле сада и отрогов
осеняет нас улыбкой
эта самая природа.

Залетает и ликует,
то хохочет, то воркует,
то завоет, то засвищет
Необъятное Живое,
что соседствует с жилищем.

Отчего в глазах улыбка,
подобревшая не сходит?
Оттого, что на отшибе
в гости ходит к нам природа.

То канюк висит над садом,
то гигантские стрекозы,
то заявятся фазаны
с фазанятами, то козы.

На отшибе, на отшибе
возле самой дикой дичи,
заросли в душе ушибы,
вырастают крылья птичьи.
2006

Когда ты дома, дом звучит, как дудочка.
И я под эту дудочку танцую.
Люблю тебя, балую, точно дурочка.
Лишь разве нимб над ликом не рисую.

Мне хорошо с тобой ночами звёздными,
Мне хорошо с тобой утрами росными.
Украшу дом шафранами и розами,
Пол устелю травой богородскою.

Пусть залетят к нам птицы, даже вороны,
Пусть звери входят с добрыми глазами.
Ведь окна здесь на все четыре стороны
Распахнуты и дышат небесами.

На правом берегу, покуда гости,
Живём, а там — на левом, на высоком

Красивый парк, восставший на погосте,
Чтоб жил Харон, как подобает богу.

Настанет срок, он приплывёт за нами.
Откроет дом, а дом звучит, как дудочка.
И мы его, наверное, обманем,
Уйдём гулять по звёздным синим улочкам.

Упоительная цикада,
упоительней Паганини,
упоительней скрипки цыгана.
Только звёзд,
тех огромных, синих,
тебе, маленькая,
не перепеть.
Потому и поёшь лишь с ними,
вместе с ними и замолкаешь,
упоительная цикада,
дочь фонарщика и луны,
укротительница молчанья,
одинокчества, тишины.
Если б знала ты,
как ночами,
Поцелуй его нежны.
2006

Повстречался оранжевый мотылёк,
Трепетал в сухостое он, как огонёк.
И почудилось: вспыхнет сейчас сухостой
И сухая трава, и ромашковый стог.

А в стогу, а в стогу мой любимый не спал,
Закусив стебелёк, он под небом витал.
Мой любимый, любимее нет никого,
И бежала в тревоге я — спрятать его.

От огня, от судьбы, от войны и от бед,
От стихии и сглаза, от прожитых лет.
Сеть морщинок дрожала у ласковых глаз,
И взглянул он и молвил: "Я облако пас.

То как ящер оно, то, глядишь, как дракон,
То архей в небесах, а то дивный девон".
И сказала я: "Знаешь, я видела сны,
Будто в мире осталось три дня до войны".

И вздохнул он и молвил, потупив свой взгляд:
"Тем уж свят, что с учёта военного снят".

Сел на руку мне огненный мотылёк,
Но понять эту сказку о мире не мог.

Бабка перед смертью раздавала
вышитое крестиком бельё.
Скатерти из льна и покрывала
в лилиях да в мальвах у неё.

Вот и мне в наследство перепала
наволочка: розы там и тут.
Сколько уж гостей на них спало,
а они, родимые, цветут.

И привиделось мне, будто бабка
в тонком мире, в кушах и лугах
девочкой бредёт себе с охапкой
розовых цветов в худых руках.

Там же дед мой, словно в перигее,
там же крёстный строит новый дом.
Там же тётки Анна с Пелагеей —
молодые, грезят о былом.

Там сестрёнка милая — сквозь слёзы,
там и ты, любимый брат, весной.
Все, кто спал на наволочке в розах,
почему-то вспомнились пред сном.

Мне приснятся сны, что вы видали
на цветах тех. И заплачу я,
вспомнив свет невыразимых далей
и земное счастье бытия.

Поставить соль, головку лука
И натереть немного редьки.
Вот всё, чем ты могла приветить
Нагрывавших внезапно внуков.

Придвинуть мисочку с малиной
И, не скупясь, нарезать хлеба.
О, бабушка, твой журавлиный,
Прощальный всхлип я слышу с неба.

Мы были слепы, глухи, косны
И вряд ли думали тогда мы:
Должны со снедью ехать гости
И не сидеть тут господами.

А бабушка, что нас растила,
И, помня родинки любого,
За это денег не просила,
Лучилась светом и любовью.

О, как мы шли. Не оглянулись
В огни, в извечные капризы.
Она легла и не проснулась
С улыбкой счастья Моны Лизы.
2006

Небо

В наполненной водой кадлушке
Лежала неба голубень.
Скрипела хижина-старушка,
Бурлило море голубей.

Там на крыльце твои сандалии
И туфли-лодочки мои
Всю ночь на якоре стояли,
Как у причала корабли.

Там бездны гулкие ворочал,
Дробя пространство, соловей,
Бил в наковальню звёздной ночи,
Свивал верёвки из ветвей.

Выкручивая быль и небыль,
Был великан тот мал и тощ.
... А в кадке спал клубочком неба
Вчерашний дикий, зверский дождь.

Я буду красивой старухой,
Пусть даже в морщинах, как ящер.
Я даже от смертной скуки
Не скоро сыграю в “ящик”.

Я буду гадать на рунах
И всем нагадаю чудо.
Я буду волшебной старухой,
Поскольку не подлой буду.

В секрете величья — сила,
Я буду сильной, поверьте.
Дай бог, чтобы я не просила
На этой земле даже смерти.
2006

Мне не хватило дружеских щедрот,
Хороших слов и непритворной правды.
Кривой дорогой те пошли, а тот
Стал отставать и слишком мелко плавать.

Стал самый тёплый холоден и сух,
А самый добрый жаден, как пустыня.
Зыбун. Зыбун. Зыбун корыстных мук,
Где нет презренней муки, чем гордыня.

Закроет гарь последний свет звезды,
Пожухнут краски. И прогнутся горы.
Я захочу домой в объятья моря,
Любимый, где ты? Есть ли ещё ты?
2006

Лучше не родиться, чем умножить мерзость.
Лучше не пробиться, чем пригнуть других.
Что чудесней в мире: роза или вереск,
Что сильнее: шёпот или крик?

Много места здесь под небесами,
А на небе хватит всем вдвойне.
Лучше жить с наивными глазами,
Чем гореть от зависти в огне.

Лучше обижаться, чем обидеть,
Лучше камнем быть, чем с ним ходить.
Лучше слабым слыть, чем ненавидеть,
Чем своим же злом убитым быть.
2005

Стёклышко

Хочу запечатлеть ручей
Серебряный из детства,
Не помню я его речей,
Его священнодействий.

Миры кишели в спорыше,
Валялись свиньи в лужах.
Как было чисто на душе,
Как грело солнце душу.

Но помню я, как он бежал
По гальке конопатой,
И зайчик солнечный дрожал
На дне его горбатом.
2006

Упало стёклышко на дно,
Сияло вдрызг, слепило.
Мне кажется, тогда оно
Моей душой и было.

Средь старых книг на чердаке
Найти забытого поэта.
Пыль отряхнуть и в уголке,

В сквозном пучке косого света,
Где солнышко соткал паук,
Сесть на рассохшийся сундук
И, выплыв из реки забвенья
В златую даль, в урючный дым,
Вдруг прочитать стихотворенье
Поэта, что был так любим.
... А знаете, ну... в общем... это...
Как бы сказать вам, давний мэтр...
Нет, вы не постарели, нет!
Нелепо, что так много лет
Несла нас вдаль река забвенья
На эту старенькую дачу.
... Десятка три стихотворений,
Автограф. Надпись. Я не плачу.
Я просто выну из страниц
Засушенный, как одуванчик,
Заложенный, как перья птиц,
Свет отшумевших дней и солнца,
Свет отсиявших звёзд и лун.
... И он из глаз моих прольётся
Всё так же добр, всё так же юн.
2006

Душа-цветник и виноградник,
И бурелом минувших дней.
Листает ветерок тетрадку —
Историю любви моей.

От майских лун до листопадов,
От поцелуя до слезы.
В пространстве памяти и взгляда
Провисли звёздные весы.

Судьба нас осенила светом,
Судьба нас горем обожгла.
О, наши юные портреты,
Они одни не помнят зла.

Смеёмся мы из дали дальней,
Грустим, что прошлое ушло.
И лишь любовь осталась тайной.
Нам от неё светлым-светло.
2006

Над обрывом

Ночь Нереида или Мириада,
дрожащая живая плоть пространства.
Уходит Млечный путь меридианом
непостижимый, как вселенский разум.

А мы с тобой вцепились в край дороги —
в оборванный над морем кончик суши.
Светло молчим, ласкают волны ноги,
Как удочки, воздеты в небо души.
2006

Пока в росе дрожат лучи-иголки,
вон та гора совсем не мышь рождает.
Пятнистую, как яйца перепёлки,
гора несёт луну и дышит далью.

Очнувшейся совою изумлённой,
протяжно ахнет капище покоя,
как Дух Великий, веющий бессонно
рекой любви, наполненной тоскою.
2006

Яблоки

Наливные, розово-янтарные,
В крышу раскалённую ударили,
Рассиялись, ярко засветились,
Со смеху как будто покатались.

Со смеху как будто покатались
Яблоки, щекастые наливочки.
И забилося сердце, и забилося
У блаженных глупых двух счастливчиков.

Яблочный стоял в ту пору Спас.
Двух блаженных от любви не спас.
2005

Двор. Солнце. Детство. Маменькин сыночек —
тяжёлый, важный, круглый, как бокал,
сидел, играл в песочнице в песочек
и никого туда не допускал.

Моё-ё! Моя-я! Он строил там ограду,
он крепость строил, злился и сопел,
когда играть хотел с ним кто-то рядом,
толкался он и мира не хотел.

Он стал поэтом, но при всём при этом,
сел у кормила, и когда читал
тот важный мальчик ближнего поэта,
то он его в журнал не допускал.

Моё-ё! Мои-и! Как золотист песочек —
посверкивает так, что жаль песка.
Ах старый мальчик, одинокий очень,
играй, играй, играй ещё пока..
2006

Ты сказал мне между прочим как-то,
что наш мир лишь промысел небес,
Солнце — это атомный реактор,
а земля — Эдем, где правит бес.

Мы пришли на этот свет рабами
и уйдём рабами. “Божий раб...” —
пишут под могильными крестами.
Может, кто придумал это, — прав?

Видно, по-другому невозможно
было глину жизни замесить.
Прав создавший нас с тобой художник.
Так о чём же нам его молить?

Не молись, пусть отдохнёт Создатель.
Он от наших глупостей устал.
Он ушёл. Оставил свой реактор,
Остальное — раб его создал.
2006

Скучаю по лугам, стогам, копёшкам,
невстреченным рассветам, деревьям.
И даже по коровьим тем лепёшкам,
и даже по кусучим муравьям.

Хочу бродить с любимым до рассвета.
И ночевать с ним где-нибудь в стогу.
Хочу купить куда-то два билета,
уехать с ним и жить на берегу.

Мне всё равно: речушка или море,
Мне всё равно: избушка или сруб.
Хочу, чтоб ивы зашептали горе,
заговорил тоску дремучий дуб.

Кукушечка поёт да скрип уключин,
покой земной да чистый ветерок.
Вот родина моя, не знаю лучше,
И где она — не знаю, видит бог.
2006

Живёт себе бабушка Фёкла
в заброшенном гиблом селе.
Лучок посадила и свёклу,
картошечку в скудной земле.

Заезжему репортёру
сказала: "Не пропадём!
Вон сколько орехов и тёрну
И чё бы не жить? Проживём!"

Она показала курятник,
Евангелие от Луки.
"Мамаша, но как ты, но как ты
без радио здесь, без муки?!"

На стенке портрет Горбачёва.
"Сыночек, какой нынче год?
Война или мир, или чё ли,
куда подевался народ?"

Бывает, взгрустну, знамо дело,
Бывает, заглянет медведь,
живая душа, на неделе —
в малинник ко мне посидеть"...

Трунит, улыбается Фёкла,
свой мир как себя возлюбя.
Не хочет в наш город далёкий,
Надеется лишь на себя.

2006

Я так хочу любить людей,
очароваться всем и каждым.
А жизнь плывёт в игре страстей
смешным корабликом бумажным.

Плывёт кораблик в море бед —
из свежей сделанный газеты.
И шрифт кричит, что счастья нет,
Но есть на "Золушку" билеты.

Плывут из утренних газет
Кораблики по океану.
И грустно то, что счастья нет,
но есть счастливые обманы.

2006

г. Алматы.

Армен ЗУРАБОВ

Пять рассказов

В тумане

Это случилось уже давно, где-то недалеко от станции Кропоткино, на Северном Кавказе. Я шёл ночью по железнодорожным путям, был плотный туман, который не пробивали даже огни путевых светофоров. На станции, где я сошёл с московского поезда и должен был пересест на местный, мне советовали подождать до первой утренней электрички, к тому же в районе орудовала шайка бандитов. Но мне было двадцать лет, и я был влюблён и ехал к той, кого любил, и ничто в мире не таило для меня опасности, а было вокруг только то же, что и во мне, — уверенное ожидание счастья.

До мостопоезда (там она работала) было не больше десяти километров, и я прошёл, вероятно, уже большую часть пути, когда донёсся гул поезда и возникшее впереди мутное пятно света стало быстро расширяться, расплющиваться о стену тумана, и уже совсем рядом, метрах в ста, пробилис вдруг сквозь туман и хлынул на засверкавшие передо мной рельсы яркий сноп прожектора. Поезд долго пронёсся, оглушая грохотом, а потом стало ещё темнее и тише, чем было до него, но и в мгновенной грохочущей вспышке света я успел разглядеть впереди фигуру человека, стоявшего на насыпи, и невольно подумал о том, что и он, вероятно, успел увидеть меня и теперь будет ждать, когда я подойду.

Я увидел его снова только уже шагах в пяти от себя — он стоял всё на том же месте, на краю насыпи, и ждал меня, заложив одну руку в карман большой телогрейки. И пока я подходил к нему, я, конечно, помнил о бандитах, про которых мне говорили на станции, но даже решив, что это один из них и в кармане у него нож или пистолет, я по какой-то странной нелогичности не мог и подумать о возможности проявления ко мне чьей-то злой воли — а может быть, это было и вполне логично, потому что исходило из того, что и у меня не было к нему никакой враждебности и я это даже сам услышал в интонации своего голоса, когда протянул ему руку и уверенно поздоровался. Он облегчённо вздохнул, молча сжал мою руку и, не отпуская её, помолчал ещё. А потом глухо, коротко ответил: “Здорово, брат!”.

Потом, не раз вспоминая этот случай, я думал о том, что все мы в жизни идём в тумане по своим путям, и в наших встречах на этих путях

**Армен
Арамович
ЗУРАБОВ —**

прозаик, драматург, режиссёр, член Союза писателей и Союза кинематографистов России, автор сборника рассказов, известной телефильмы “Лица”, романа “Тетрадь для домашних занятий” (в 1984 году опубликован в “Новом мире”) и снятого по нему на ЦТ трёхсерийного телеспектакля “Монолог Камо”, фильмов “Обвал”, “Рождение”, “Пять писем прощания”, “Трюк Синадо”, “Песни песней” и др.

Закончил институт инженеров железнодорожного транспорта, заочное отделение Литературного института имени М. Горького и Высшие режиссёрско-сценарные курсы при Союзе кинематографистов. В связи со своей первой профессией инженера-мостовика работал на Кубани, Волге, Урале, в Сибири. Живёт в Москве. В “Ниве” публиковался в № 2 за 2009 год.

нам мешает только недоверие друг к другу, и если хватит веры первому протянуть в туманное пространство руку, то в ответ тоже протянется рука и с благодарной готовностью пожмёт твою руку.

Вечная жизнь

Мужа её расстреляли в 37-м, а она десять лет провела в лагерях, и говорили, что с её характером она чудом выжила. Ничего больше о её жизни в лагерях мы не знали, да и не помнили о том, где она была до того, как вернулась к сыну (он к тому времени кончал школу. Когда её сослали, он поступил в первый класс).

Она собирала нас, товарищей своего сына, в маленькой комнатке, заставленной остатками старинной мебели, а на стенах, на светлых выпцветших обоях висели фотографии в изящных овальных рамках, и это были фотографии её и мужа в молодости, — и давала нам читать толстые литературные журналы, которые выписывала на гроши, зарабатываемые частными уроками (их хватало ещё и на её жизнь с сыном), и в журналах были отметки карандашом для нас — отдельно для каждого, потому что она же знала, что может каждого из нас интересовать. А после того как мы их прочитывали, было о чём говорить, и она незаметно вовлекала в разговор Эсхила, Швейцера, Данте, Толстого, Шекспира и других, как она называла, “вечных людей”. Она помнила их слова и неожиданно и просто отвечала ими на наши вопросы и разрешала наши споры.

А главным человеком в этой комнатке был Пушкин — не только его книги и книги о нём, но и он сам, такой, каким он был в её рассказах: он мог молча завалиться в низкое старинное кресло или прыгнуть вдруг на кушетку, скрестив по-восточному ноги, и крикнуть: “Кукареку!”. С ним можно было дурачиться, болтать, спорить, пить вино — за отсутствием вина наливали в старинные хрустальные бокалы чай и пили как вино, с долгими прекрасными тостами.

Она не была для нас ни учителем, ни наставником жизни — она просто вовлекала нас в мир, в котором жила сама, и мы чувствовали себя в нём значительнее и выше, потому что в нём не было придуманных правил жизни, а была сама жизнь, та истинная и, может быть, единственно реальная, которая была над временем и которую она научила нас называть вечной наперекор принятым тогда плоским словам, оградившим мир от его таинственной беспредельности.

А через годы, в том, как мы их прожили, стало ясно, что она навсегда осталась в нас, оберегая от соблазнов корысти и тщеславия, что так неумолимо и щедро предлагает нам жизнь, прежде чем доверить истинные радости.

Молитва

Узкоколейка от Джезкаргана до Карсаклай стрелой упиралась в горизонт. На холмах паровозик отчаянно лязгал буферами, откатывался назад, долго неслышно набирал пар и вдруг, с разбегу снова шёл на подъём.

Станции встречались редко. На станциях были саманные домики, юрты, верблюды, голые дети и женщины, укутанные в шали.

По степи медленно ползли тени вагонов.

Я сидел на подножке открытой товарной платформы, заваленной глыбами медной руды, и дремал.

Кто-то толкнул меня и спокойно сказал:

— Посторонись, начальник. Старики сядут.

Их было трое. Они стояли за его спиной и молча смотрели на меня. Узкие прозрачные бородки, в тёмных тяжёлых складках сморщенных лиц — выцветшие глаза.

Я помог им подняться. Они сели на куски руды, как садятся на ковёр — поджав под себя ноги, и облокотились на низкие борта, как облокачиваются на подушки. Потом они посмотрели на солнце и что-то по-казахски сказали тому, кто меня разбудил. Он был широкий, квадратный и очень плотный. Он не ответил им, махнул рукой и присел рядом со мной на подножку.

— Боятся, — сказал он. — Солнце сядет, а они помолиться не успеют.

— Пусть молятся, — сказал я. — Кто мешает?

— Для молитвы земля нужна.

Поезд тронулся. Старики на платформе закрыли глаза и задумались.

— Всю жизнь в овец и верблюдов вложили, а сыновей проморгали, — сказал тот, что меня разбудил.

— Умерли сыновья? — спросил я.

— В город уехали. Старики хотят их теперь в юрты вернуть.

— Вы из города или из юрт? — спросил я.

Он работал в Карсаклае на медеплавильном заводе. У него был отпуск, и товарищи попросили его привезти стариков. Сыновья надеялись уговорить стариков остаться с ними.

— Мой отец тоже в юрте, — сказал он. — Мой отец всё понимает. Он не уговаривал меня остаться. Но он не поехал со мной. И я его понимаю.

Далеко впереди забуксовали колёса паровоза. Поезд остановился.

— Пару не хватает, — пояснил мой собеседник. — Назад пойдём.

Резкий толчок. Быстро бегущий от платформы к платформе лязг буферов. Поезд ползёт назад.

Старики на платформе открывают глаза и удивлённо смотрят на нас.

Из лиловых туч на горизонте сползает на землю большое солнце.

Старики начинают волноваться, о чём-то быстро говорят, мой собеседник успокаивает их.

Поезд замирает. Старики решительно, торопливо перелезают через борта платформы, и мы помогаем им, потому что они могут упасть.

На земле они отбегают от поезда, скидывают туфли, торопливо достают из-за пазухи маленькие подстилки, разостлав их, становятся рядышком на колени, поднимают голову к небу и что-то ищут.

Собирают в ладони землю, протирают ею руки, высыпают землю перед собой. Вдруг, всплеснув руками, резко опрокидываются, запрокидываются, схватившись за голову, безмолвно, истово вызывают о помощи. Обессилев, припадают к земле, затыкают руками уши, лихорадочно шепчут, шепчут, шепчут...

Паровоз впереди взвизгивает и гулко встряхивает вагоны. Поезд трогается.

Они испуганно оглядываются на поезд, невольно поворачиваются лицом к нам, растерянно, в замешательстве простирают к нам руки.

Мы не смеем нарушать безмолвие молитвы и не можем крикнуть. Мы молча бежим к паровозу и размахиваем руками. Поезд останавливается.

Потом наступает тишина.

Старики молятся и смотрят на нас, стоящих около паровоза, и низко опускают головы, и мягко, нежно покрывают землю ладонями.

В багровой беспредельности степи слышится нам мольба о нашем счастье. И мы узнаём в ней забытую доброту наших отцов. И наши порывы. И тайную нежность скрытой от нас сыновней любви.

Сад

Я просыпаюсь от кудяхтанья кур, долго, не понимая, смотрю на низкий дощатый потолок и вдруг, всё вспомнив, прямо с кровати босиком бегу в сад...

Накануне вечером меня сонного вынесли из вагона поезда, посадили рядом с мамой под опущенный тент, из-за широкого зада извозчика донёсся топот копыт и, расплываясь, пронеслись мимо узкие, вознесённые в небо тополя знакомой привокзальной аллеи. Потом снова разбудили, когда фаэтон въезжал во двор, и у ворот, в слабом свете закопчённого фонаря, мелькнула Татик.

Я называю её по-армянски, чтоб отличить от бабушки, живущей в Тифлисе. Татик живёт в маленьком армянском городке Караклисе, между Тифлисом и Ереваном, и у неё есть сад.

Ей было двадцать пять лет, когда от случайной простуды умер её муж и когда у неё было уже двое сыновей. Родственники мужа настаивали, чтоб она вышла замуж, и она была красива, но она отказалась от замужества, и родственники воспользовались поводом для обиды и не стали ей помогать. На последние, накопленные мужем деньги она купила землю, посадила на земле сад и, возделывая его, прокормила и поставила на ноги своих сыновей.

От дома в сад ведёт тропинка. Первая, у самой тропинки, среди вишен, — китайская яблоня. Похожа на вывернутый зонт, засыпанный сверху мелкими красными яблоками. Не останавливаясь, с разбегу, поджав ноги, повисаю на низкой толстой ветке, забираюсь в гущу ветвей, небо усыпано красными яблоками. Срываю их горстями — не от жадности, не от желания есть — от того, что они рядом и их можно срывать, и от того, что проснулось забытое за год чувство беззапретности и свободы. Можно срывать яблоки, залезая на деревья, можно валяться на земле, можно бежать босиком по мокрой шелковистой траве, от которой ноги наполняются силой и радостью, — и через весь сад, подпрыгивая и хватая кончики веток и листья и снова срывая яблоки, и вишни, и абрикосы, и расталкивая подсолнухи, скрываясь за их смыкающимися головами, и вынырнуть вдруг среди зарослей роз перед Татик, которая собирает букет, — испугалась, обняла, поцеловала, что-то хотела сказать, молча вытерла слёзы, улыбнулась растерянно, спросила, как спал, а я не ответил и побежал снова по мокрой траве... С разбегу взлетаю по наклонному стволу какого-то дерева, не добежав до верхушки, заблудившись среди веток и яблок, прыгаю вниз — на землю, на траву — и прижимаюсь к ней грудью, лицом, захватывая в рот мокрые и сочные стебли. Что-то переливается в меня из земли и бьётся мне в виски, и, может быть, это просто бьётся моё вялое городское сердце, отвыкшее за год от бега и от прыжков и от этой свободной, упивающейся собой радости.

В первую же ночь сплю с Татик в саду — охраняем сад от воров, — под большим четырёхугольным столом, вбитым в землю и загороженным на ночь с трёх сторон листами фанеры.

Под столом уютно и темно. Я ложусь на спину у незакрытой четвёртой стороны, закидываю голову, вижу тени веток, смутные яблоки и звёзды. Татик рассказывает о Немо. Каждую зиму она перечитывает трилогию о капитане Немо и с нетерпением ждёт моего приезда, чтоб поговорить.

Она подробно вспоминает целые главы, наизусть повторяет диалоги и, всегда потрясённая, с удивлением, с суеверным восторгом рассказывает о зёрнышке, из которого выросло пшеничное поле.

Знакомые образы непривычно возникают из её армянских слов, из её тихого журчащего шёпота, а снаружи, из сада, залетают под стол шорохи.

— Из одного несчастного зёрнышка... — шепчет она замирающим голосом. — Из одного только зёрнышка.

Она беспомощно смолкает и, дождавшись этой паузы, где-то далеко заливается петух, ему отвечает испуганный лай, потом всё стихает и падает большое спелое яблоко.

— Почему все так глупо живут?

Она вздыхает. Яблоки среди теней и звёзд едва заметно покачиваются, превращаются в лица людей, скорбные и несчастные, и я начинаю жалеть их, думаю о их глупости и о их вине перед собой, перед мной, перед падающими в темноте на землю невидимыми яблоками. Она снова вздыхает, проваливаясь в напряжённую тишину сада.

— Книжки пишут, самолёты придумывают...

Над головой раздаётся громкий мягкий удар. Она смолкает, долго молчит и потом чуть слышно, озабоченно произносит:

— Полить надо сад. Ветки ослабли.

И, уже не останавливаясь, говорит о том, что вода стала дороже, что воду теперь пускают из реки Ванандзор и она долго течёт вдоль всей улицы, прежде чем доходит до сада, и что воду по дороге воруют, а ночью воруют меньше, и ночью вода стоит дешевле, но надо, чтоб за ночь она успела пройти по всем канавам и грядкам сада и успела в них постоять, чтоб земля спокойно приготовила свои соки и напоила ими корни растений и деревьев.

Пока она говорит, я вспоминаю, как поливали сад в прошлом году, ночью, в мелькании жёлтых фонарей, в свете ярких безлунных звёзд, вспоминаю, как вода вошла в сад через узкий тоннель под каменной оградой и как вдруг каналы стали озаряться серебристым сиянием. Сад окутал снизу призрачный пар. В темноте возникли мерцающие стволы деревьев, и земля под деревьями лежала обнажённая, с проступившими из глубины серебристыми жилами, и я бежал по ней босой, спотыкаясь на корнях и царапая в кровь лицо, руки и ноги, а рядом со мной, впереди меня и позади в молчании бежали босые взрослые и дети, и я вместе с ними был не отдельным существом со своей жизнью, со своей памятью о себе, а был только частью огромного тёмного щедрого тела, давшего жизнь каждому яблоку и каждому из нас.

Надо мной — чуть слышный, переполненный вздохами шёпот, копшение теней и звёзд. Их бесшумная зыбь томительно затягивает в глубине, напёрстную словами и шорохами, и я вытягиваю руку, чтоб дотронуться до неё. Кажется, ещё немного — и я дотянусь, я тянусь изо всех сил, вздымаюсь, плыву вверх.

Я просыпаюсь от криков. Над головой — золотой свет, белые яблоки, густая зелень. Крики из глубины сада — голос Татик: ночью в сад залезли воры, очистили дерево и переломали ветки.

Татик кричит громко, на весь сад — так, чтобы слышали соседи. Потом, всё ещё продолжая причитать над поломанными ветками, подходит к столу, под которым я лежу, и высыпает из передника перед самым моим лицом огромные снежно-белые шары. И я узнаю их по чёрным крупинкам земли в сочащихся трещинах.

Учитель

Он пришёл в аудиторию до звонка и, когда все уселись, отвернулся к доске, ткнул в неё мелом и, не оборачиваясь, громко сказал:

— Муха! Села на доску. Как её поймать?

Кто-то робко пошутил:

— Вызовем милицию.

— Не успеют! — ответил он серьёзно и всё так же не оборачиваясь. — Надо действовать самостоятельно и решительно. Вот так! — он провёл из точки две линии. — Накидываю на муху лассо, привязываю за оба крыла: одно к оси “х”, другое — к оси “у”. Есть ещё третья. — Он приставил палец в пересечение осей, слегка отошёл и вытянул руку, не отрывая её от доски. — Многие могут подумать, что это моя рука. Ничего похожего! Это — ось “z”! Откуда взялись три оси? Никто не знает. Ясно одно: без них в мире были бы хаос и анархия. Есть гипотеза о происхождении осей: говорят, что это остатки трёх китов, на которых стоял мир. Есть и возражения: считают, что мир стоит на китах по сей день. У меня на этот счёт мнений нет. У христиан есть отец, сын и святой дух. В начертательной геометрии есть “х”, “у” и “z”. Это всё, что я могу по этому поводу сказать. В начале бог сотворил Землю и небо. Кого не устраивает, может переезжать на другую планету. Отмечать не буду. Колы ставлю так: из трёх вопросов на два не ответил — кол!

Был он высок ростом, грузен, с лицом древнего пророка и мальчишеским чубом коротких белых волос.

В конце первого семестра мы увидели его на сцене. В спектакле драмкружка он играл чудака-профессора, который удивлялся тому, что люди глупо живут. В финале профессор кончал самоубийством из-за любви к девятнадцатилетней девочке. (На следующий день на лекции странно было видеть его живым).

К концу первого курса, проникнув в драмкружок и ощутив в себе непреклонную волю к новаторству, я предложил поставить на сцене всю историю человечества — от Адама до наших дней. Предложение моё было торжественно отклонено на совместном заседании всех институтских комитетов (местного, партийного и комсомольского), но я собрал второй драмкружок из тех, кто имел неосторожность одобрить мою идею, и принялся за репетиции.

Затея моя оказалась достаточно безумной, чтоб привлечь и его внимание. То ли из чувства сострадания, то ли из-за протеста против общественного благоразумия он взялся исполнять на пианино музыкальную часть постановки. Ему пришлось играть композицию из кусков “Лунной сонаты”, Первого концерта Грига, “Революционного этюда” Шопена, концертов Мендельсона, Рахманинова и Чайковского. Потом, на спектакле

(который длился пять часов и представлял собой беззастенчивое смешение крика, мистического шёпота, патетических музыкальных обрывков и бешеного мелькания разноцветного света), успокаивая в антрактах потрясённых зрителей, он мрачно объяснял:

— Мы ломаем отжившие традиции! Современность требует ритмов. У нас нет времени слушать отдельно Бетховена, а потом Грига. Мы совмещаем их в Григо-Бетховена. Григ поразительно дополняет Бетховена! В следующем акте Рахманиново-Шопен с Андерсено-Пушкино-Блоком. Держитесь!

И, подтягивая под кителем полковника широкие брюки, серьёзно прибавлял:

— Пузо никак не вырастет. Штанам не на чем держаться!

Играл он ещё на альте и на скрипке в квартете. На репетициях руководитель квартета студент первого курса Вайншток-Габуня кричал на него:

— Брехня! Альт вам не начертательная геометрия! Трудиться надо.

Он молча повторял неудавшиеся пассажи, а после репетиции называл Вайнштока-Габуня великим музыкантом и жертвой технического двадцатого века. А на занятиях по начертательной геометрии протыкал его корявые чертежи остро отточенным карандашом и, посапывая от напряжения, ставил колы.

В молодости он преподавал биологию. Потом, неожиданно для всех, рассчитал какой-то новый котёл и получил звание доктора математики. Через несколько лет сделанный по его чертежам котёл взорвался, и его лишили звания и уволили из университета, где он к тому времени читал математику... Нигде не работая, живя впроголодь, он стал изучать строительную механику, защитил диссертацию, получил звание кандидата и поступил в железнодорожный институт читать сопротивление материалов. Однажды на заседании кафедры назвал заведующего "доисторическим моллюском", перешёл на другую кафедру и стал читать начертательную геометрию.

Была у него дочь. Она вышла замуж и уехала. Домой к себе он никого не приглашал. На стенах в его комнате висели написанные им маслом и акварелью картины. Бывали у него Вайншток-Габуня и я. Вайншток переехал на третьем курсе в Архангельск, а я после второго курса уехал в Москву учиться в Литературном институте.

Меня провожали товарищи, которых я успел приобрести за прожитые к тому времени двадцать лет. По радио объявили, что до отхода осталось пять минут. Я стоял на подножке вагона и первый увидел его большое, прячущееся в толпе тело в чёрной железнодорожной шинели. Я побежал к нему. Мы обнялись, и он сказал то, что я запомнил на всю жизнь:

— Бог создаёт полуфабрикаты, человеком каждый становится сам. Или не становится. Трудись. Буду следить издали.

Мы поцеловались, и потом, отбежав и вскочив на поплывшую вдоль перрона подножку, я смотрел, как он шёл за поездом, опутив голову и толкая людей. Я подумал, что больше его не увижу, — очевидно, по ассоциациям, вынесенным из книг. Мне ещё несколько лет потом предстояло вытравлять из себя книжность — в студенческих заработках на ночных вокзалах, в открытии собственных пороков, в непредвиденном величии первой любви. Я узнавал вокруг себя то, что до этого видел только в себе. От этого у меня возникло к людям чувство родства с ними, и я стал их любить.

Я увидел его через десять лет, когда вышла первая книжка моих рассказов. Я надписал её и пошёл к нему домой. Он сам открыл дверь, и я его узнал сразу, потому что он не изменился. Он ожидающе смотрел на меня.

— Это — я! — возвестил я уверенно, предвидя его радость.

Он отошёл от двери и сел в кресло.

— Закройте за собой дверь, — сказал он, не глядя на меня.

Я сел, помолчал и достал книгу.

— Вот! — сказал я. — Моя книга.

Он взял книгу и, не раскрывая, повертел в руке.

— Не помню, голубчик.

— Я у вас учился в институте. Я писал пьесы, и мы их ставили. Вы играли на пианино, приходили ко мне домой на репетиции. Ещё был Габуния-Вайншток...

Он жёстко перебил:

— Не помню!

— Вы провожали меня, когда я уезжал в Москву. Вы сказали, что будете следить... Я принёс книгу.

Он, напрягаясь, смотрел мне в лицо.

— Какую книгу? — спросил он, тяжело дыша. — Не помню, голубчик...

— Моя книга, — ответил я. — Тут мои рассказы. Они, вероятно, ещё плохие, но я хотел подарить вам первую книгу.

Я чуть не сказал: "Успеть подарить". Я знал, что ему уже больше восьмидесяти и он несколько лет назад ушёл на пенсию.

Он напряжённо смотрел мне в лицо. Потом поднял книжку к губам и несколько раз быстро поцеловал обложку.

— Вспомнили! — сказал я радостно.

Он заплакал.

— Не помню! — повторил он, обливаясь слезами. — Не могу вспомнить. Извините, голубчик!

— Вы ещё сказали на прощанье, что бог создаёт полуфабрикаты! — в отчаянии закричал я. — На вокзале, когда я уезжал...

Он устало закрыл глаза и сидел так долго, словно собирая внутри себя силы, чтобы ответить. Потом открыл глаза, посмотрел на книгу, которую всё ещё держал в руке, и, успокаивая меня, тихо произнёс:

— Я ничего не помню. Это — божья милость: чтоб легче умирать.

Помолчал и прибавил ещё тише:

— Я прочту книгу. Может быть, я ещё вспомню. Не обижайтесь на меня, голубчик.

Был тёплый весенний день. "Для чего мы приходим в этот мир, — думал я, — если даже лучшие из нас — те, кем мы восхищаемся и кому хотим подражать, — если и они в конце концов приходят к тому, к чему мог бы прийти и вовсе не живший? В чём смысл поисков, страданий, способности вбирать в себя всё, что я вижу и слышу, что открываю в мучительных усилиях души и ума, если всё это потом исчезает и остаются бессильные слёзы и обида на исчезнувшую жизнь?"

Впрочем, я недолго предавался этим древним, наскучившим человечеству вопросам. Светило солнце, мелькали лица людей, сквозь гул машин пели птицы. Тепло и свет наполнили моё тело, и я перестал о чём-либо думать и только наслаждался великим чудом весны, для чего-то обновлявшей каждый год весь этот мир и всё живущее в нём.

г. Москва.

Любовь ФЕОФАНОВА

Мятущийся апрель

Ах эта ликующая чехарда —
Воскрешенье из пепла метелей...
И летят из души — как гнезда —
Чувства, птицы, навстречу каплям.

В каждой клеточке зреет Любовь,
В каждой почке — предчувствие жизни...
Скоро, скоро рождённая Новь
В мир зелёной надеждою брызнет!

Мысль взметнулась встревоженной птицей —
И упала в предрассветный туман...
Обман,
Бред тополей, постепенно приходящих в сознание.
Предсказания
Ущербной луны — неутешительны и неясны...
Но в сны —
По-весеннему чуткие — волнующей музыкой
Врывается сентиментальная капель...
Постель
Смята... всю ночь сердце ворочалось и вздыхало...
Мало-помалу
Оттаивает, оживает...

Постигшие законы бытия

Стоят потухшими свечами дерева —
Жизнь медленно струится сквозь тела...
Их научила мудрая природа —
Сил не растрчивая зря —
Ждать, замирая, тёплого восхода,
Чтоб вдруг, очнувшись, не узнать себя.

В тот миг забродят, как вино, в них соки...
Хмельные почки, нарушая сроки,
Вдруг заведут такую кутерьму —
Безудержно врываясь в песню Мая,
На волю, на свободу выпуская
Пронзительно-зелёную листву.

Расправят плечи сторбленные клёны,
К ногам берёзок луч скользнёт влюблённый, —
И в небо заглядятся тополя...
Жизнь продолжается... И бьётся под корою
Такое ж сердце — трепетно-живое —
Постигшее законы бытия.

После пасхи

... И праздничные хлопоты стряхнув,
Весна осенней грусти пригубила...
И мокрую щекой к окну прильнув,—
Вдруг снова стала скучной и унылой —

Послушницей в заштопанном платке...
А как была прекрасна в полушалке!
Носились в небе очумело галки,
Замешивая утро на тоске.

И колокол натруженно молчал,
И солнце закатилось за Врата...
Как будто кто-то божий день украл
У только что воскресшего Христа.

Мятущийся апрель

Апрель был явно не в ладу
С самим собой... и бусым,
Метался десять дней в бреду —
То минусом, то плюсом.

Бросало день то в жар, то в дрожь —
То солнцем, то бураном...
И сам себе не рад был дождь,
И небо было пьяным.

И воздух сыростью бродил,
И растекался болью...
И были — выбившись из сил —
Мы не в ладу с Любовью.

Не хватает терпенья и нежности...
Недомолвки — как псы по пятам...
Я теперь — не такая, не прежняя,
Да и ты изменился сам.

Я всё чаще и чаще плечи
Опускаю... и слёзы коплю.
Ты меня не целуешь при встрече —
И не балуешь словом "люблю".

Как же так — рядом мы, но не вместе?!
Может, мы разучились любить?..
Я — мелодия прерванной песни.
Ты — сюжет, где запутана нить.

Боже, научи меня быть терпимой!
Когда — не в глаза, не на встречу — а мимо...

Когда — мимо губ, мимо рук и объятий,
Когда холодок тяжелей, чем проклятье, —

На вздохе, на пульсе — петлёю мёртвой..
Когда даже из памяти тела стёрта

Нежность самых крылатых мгновений..
Боже, ну где же взять столько терпенья?!

Не жду от тебя ни брильянтов, ни злата,
Ни дальних круизов, ни модных нарядов..
Так что же ты смотришь, мой друг, виновато? —
Ведь я и простому вниманию рада.

Но ты не умеешь — а может, не хочешь? —
Презрев суету, от земли оторваться..
А ты разучился читать между строчек.
А я разучилась тебе улыбаться...

Осталось любви так мало —
Лишь капля в разбитом сосуде..
А раньше её хватало
На праздники и на будни.

Осталось любви так мало —
Лишь строчка в тетрадке тесной..
А раньше её хватало
На тысячу лучших песен.

Осталось любви так мало...

Уж я свою боль выплакивала, выдыхивала..
А она, злодейка, под дыхло мне —

За шрамы, за страхи цепляется,
В закоулках души укрывается.

Я смирить её хотела молитвою...
А она то иглою, то бритвою —

Колет, режет меня паче чаянья, —
Видно, хочет довести до отчаянья.

И противным голоском: “Что посеяла...
Ты сама меня вскормила и взлелеяла...”

Ах, какое тяжёлое небо —
Серым прессом сдавило мне грудь...
Мне бы с ветром поспорить, мне бы
Утро взмахом ресниц не вспугнуть!

Сердце, что ж ты, как белка, пугливо —
Замираешь и снова дрожишь?..
Смотрит месяц в окно сиротливо:
От себя — никуда не сбежишь...

Стекал рассвет по стёклам рам
Слезами мутно-серыми..
И мы, устав с тобой от драм, —
Опять в весну поверили.

Шёл вперемежку снег с дождём —
Весенних гроз предтеча..
Ты мне кивнул: “Переживём!” —
И молча обнял плечи.

Сходил барометр с ума,
От влаги пухли крыши..
И наши души, как дома,
Друг к другу жались ближе.

Я сегодня не буду сидеть допоздна..
Потому что на небе колдует луна,
Потому что звезда заглянула в окно —
И задела нечаянно сердце моё.

Я сегодня устрою душе выходной..
Потому что нарциссы пахнули тобой,
Потому что сирень закипает у дома
Чароитовым, сладко-сиреневым стоном...

Выврвусь вздохом из ночи тягучей, из платья —
В жар твоих раскалённых, как солнце, объятий..
Не кори меня, Муза, не грусти у окна —
Не тобой я сегодня, а Любовью больна.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга вторая

(Продолжение. Начало в № № 1-10 за 2009 год)

23 сентября

А. И. Солженицын заявил, что надеется навсегда вернуться в Россию в мае будущего года. В Подмоскowie уже строится дом, в котором будет жить семья Солженицыных.

“Я не могу опоздать в Россию, — заявил он, — так как убеждён, что более глубокие процессы там ещё впереди, и наше российское несчастье не будет очень долгим”.

Перепечатываем из “Московских новостей” материал о жизни дочери Сталина Светланы Аллилуевой в Англии. Там она имеет вид на жительство, снимает небольшую квартиру в районе для бедных и получает государственную пенсию — 40 фунтов стерлингов в неделю. Англичане говорят, что жить в Лондоне на эти деньги нельзя, хотя большинство наших сограждан умудряются жить на ещё меньшие деньги целый месяц.

25 сентября

300 тракторов выпустил в прошлом месяце наш тракторный завод. В былые годы их сходило с главного конвейера до пяти тысяч ежемесячно. Завод, похоже, умирает, несмотря на геройские усилия сменяющих друг друга директоров наладить его работу.

Материал Бейбута Байдилова об ужасающих условиях работы в городских моргах. Материал, кстати, хороший...

В этом же номере подборка стихов Ольги Григорьевой, где есть и такие строки о нашем сегодняшнем житье-бытье:

*“Убожество больниц,
приютов, поездов.
Ухоженность тех лиц,
кто был всегда готов.
От пенсии гроши
считает молча мать.
И шинами шуршит
“тойотовская” рать”.*

Лучше не скажешь...

26 сентября

Собрался с силами записать впечатления о путешествии на Мангышлак, в Шевченко, куда делегация нашей области наносила ответный визит. Летели мы спецрейсом — на “Як-40” туда, при встречном ветре, с двумя посадками

(в Кустанае и Актюбинске) — более семи часов, обратно, при ветре попутном, с одной посадкой — более пяти часов.

Такие у нас в Казахстане пространства. Мало кто знает, что расстояние от Павлодара до Шевченко чуть больше, чем от Павлодара до Москвы. А я это знаю, потому что собирался работать там собором “Казахстанской правды”. Это тогдашний редактор и наш земляк А. А. Устинов предложил мою кандидатуру, а собкор “Казправды” В. Д. Ступак, с которым я сотрудничал, поддержал меня. Ещё и агитировал: там у собкора из-за надбавок самый большой оклад — 240 или 250 рублей. Но не оклад меня прельстил, а подталкивало к перемене мест ощущение того, что я пересидел в сельхозотделе все возможные сроки — уже шесть или семь лет... Ольга тоже была за переезд — может, даже больше, чем я. И я, наконец, согласился, сказал об этом С. П. Шевченко. Он закричал: “Да у меня тоже виды на тебя есть — минимум как на завотделом...”. “А мой первый учитель Владимир Мартынович Калиновский, — отвечал я ему, — говорил так: запомни, молодой, расти надо не по отделах, а по газетам!”. — “Тоже правильно, — согласился С. П. — Но ты всё равно подумай”.

Я же, по правде говоря, не хотел ехать в Шевченко. Уж очень это было далеко — так далеко, что туда даже самолёты из Павлодара не летали. Во все областные центры от нас были прямые авиарейсы, а туда — нет, только с пересадкой... И билет в Шевченко был чуть-чуть дороже, чем в Москву. “Захочешь оттуда домой приехать — сутки надо будет лететь”, — говорил я сам себе, холодея от мысли, что всё же окажусь там.

В конце концов вопрос решился помимо моей воли: их обком партии настоял на кандидатуре местного журналиста. Я же, получив в очередной раз “отлуп” от “Казправды”, если и расстроился, то не сильно, и ещё какое-то время продолжал “трубить” в родном сельхозотделе “ЗП”.

И вот — летим. Я — с особым чувством: какой он, этот таинственный полуостров Мангышлак, место моей несостоявшейся работы?

Компания подобралась пёстрая: главы области, Павлодара и Экибастуза, руководители крупных предприятий, представители нарождающегося бизнеса, ансамбль дворца металлургов “Аль-Аки” и мы с А.М. Ажибаевой — представители прессы.

Едва наш “Як” набрал высоту, стали разносить выпивку и закуску. Водки я с удовольствием выпил, вперые, кстати, в самолёте, закусив сверхвкусной кониной, а полагающуюся мне банку импортного пива “зачил” для Ольги.

В полёте мне повезло — моим соседом оказался председатель облсовпрофа А. С. Малышкин. До этого я знал его плохо, а за несколько дней путешествия мы подружились (и жили в одном номере), он — очень интересный человек.

Аркадий Степанович перво-наперво обставил меня в шахматы, они у него были с собой — портативные, с магнитом. Я было пытался взять реванш, но скоро понял, что шансов у меня — никаких. А он пришёл в благодушное состояние и за время полёта много чего успел мне рассказать. Например, как его трижды награждали медалью “За освоение целинных земель”. В первый раз по указу, когда он ещё работал на заводе “Октябрь”. Второй раз на крупном совещании в Целинограде, когда награждали всех его участников. “Я шепчу зампреду крайисполкома: у меня уже есть эта медаль... А он мне: молчи, так тебя и так!”. И в третий раз — опять скопом — награждали советских работников, к каковым тогда он относился. Потом уже он сам награждал этой медалью — “от имени и по поручению”, и они у него всегда были в запасе — на всякий случай, вместе с чистыми удостоверениями. И он нисколько не жалеет, что без всякого указа наградил целинной медалью ленинградцев — главным образом архитекторов, которые помогали разрабатывать генеральный план застройки Павлодара (Аркадий Степанович в ту пору был председателем горисполкома). “Верите,

у некоторых из них слёзы на глаза наворачивались, когда я им вручал эти медали, которым по сути счёту не было... Для них это было важно — так оценили их труд в преображении целины”.

Ещё Аркадий Степанович рассказывал, как ему довелось в Экибастузском кафе “Белочка”, где угощали лишь самых высоких гостей, обедать вместе с президентом Академии наук А. Александровым. Академику в то время было уже за 70 лет. Сказал, что пьёт только водку, попросил налить сразу стакан. Выпил, слегка закусил, сказал, чтобы налили второй... После чего с большим аппетитом стал есть, пояснив присутствующим: “Если бы не пил, то с моей работой давно бы уже не жил!”. Что он имел в виду — свою давнюю связь с атомной энергетикой или президентство — уточнять не стал, но, вероятно, и то, и другое. “После обеда, — говорит Аркадий Степанович, — снова поехали по объектам, и он двигался так, что мы за ним едва поспевали!”.

Обратил внимание на любимую присказку Малышкина-рассказчика... Когда он выпьет, часто к месту и не к месту говорит “в нос ногой”, иногда при этом рождаются забавные словесные конструкции. Вот, например: “И тогда я ему говорю: что же ты, в нос ногой, делаешь?”. Или: “Ишь ты какой, в нос ногой, грамотный!”.

Отличный мужик — Малышкин. Власть его нисколько не испортила!

Очень хотел увидеть море с высоты нашего полёта, и я всё посматривал в иллюминатор, чтобы не прозевать... Оно оказалось не голубое, не синее, не зелёное, какое-то ещё — между этими цветами и со всеми их оттенками. На огромной территории, прилегающей к морю, — дороги, разбегающиеся во все стороны, — картина, чем-то напоминающая паутину...

Вечером того же дня был официальный приём в честь прибытия нашей делегации. Всё как всегда: речи, выпивка, еда. Глава здешней облминистрации Новиков, давая мне слово, не преминул пошутить: “Ещё неизвестно, что он напишет... А то я дал нашему Вове (это фамилия редактора местной газеты) 20 миллионов, он вместо благодарности через несколько дней так меня раздела!”.

Я сказал, что и нам деньги из бюджета выделяют, однако мы в этом году пока что не взяли из них ни копейки, а дали бюджету в виде налогов миллионы. Кто-то спросил: “А тираж у вас какой?”. Я сказал, что у субботного номера — под сто тысяч. Вокруг загудели — то ли одобрительно, то ли недоверчиво...

А Вова, которого на приёме не было, на следующий день сразу стал выговаривать мне: “Ты чего там вчера расхвастался на банкете? Мне Новиков звонил. Говорит — надо тебе в Павлодар съездить и поучиться у их редактора работать...”. — “Приезжайте, — отвечал я, слегка задетый его тоном, — научим уму-разуму”. После чего и он сбавил “обороты”, дальше мы объяснялись уже мирно. Оказывается, он вскоре уезжает в Москву — там у него живёт мать, есть квартира...

На следующий день А. С. Малышкин поднял меня засветло, часов в шесть, и потащил на берег — слушать море. На улице темно — хоть глаз выколи, кругом — ни души, даже спросить не у кого — куда идти. Спустя полчаса вышли на невидимый в темноте берег. Никаких романтических чувств я не испытал. Ещё и потому, что откуда-то сбоку несло ужасной вонью. Потом нам объяснили — рядом выносит на берег водоросли, они гниют, оттого и запах.

Днём на берегу мы были всего раз, и то недолго. Запомнилась вереница тяжёлых птиц над морем, похожая на строчку. Это летели куда-то к себе домой бакланы, которых я прежде никогда не видел.

Шевченко (ныне Актау) мне очень понравился. Он чем-то сродни нашему Павлодару. Только поменьше. И зелени совсем немного. Кажется, самой природой здесь жить человеку заказано: солончаковая безжизненная земля, полное отсутствие пресной воды, пригодной для питья: дикая жара летом, лютые морозы зимой.

Считается, что Актау обязан своим рождением гигантским месторождениям нефти и газа, разведанным на Мангышлаке в середине нашего века. Это и правда, и неправда, вернее, только часть правды. Нефтегазодобыча действительно составляет одну из основ экономики региона. Но город начинался не с нефти и газа, а с суперсекретного рудника неподалёку от него, где добывалась и до сих пор добывается открытым способом урановая руда. Мы побывали и здесь. Внешне рудник напоминает наши экибастузские угольные разрезы. Уровень радиации наверху — фоновый, а внизу, где идёт добыча, до 70 микрорентген, что тоже не опасно для здоровья. Руда здесь же обогащается и отправляется дальше, на другие предприятия СНГ.

Сам бывший Шевченко строился, в отличие от нашего Павлодара, сразу набело — как город, поэтому в нём вообще нет одноэтажного или ветхого жилья. Это единственный в мире город с населением более 150 тысяч человек, который живёт полностью на опреснённой морской воде. Здесь действует огромная атомная электростанция с первым в мире реактором на быстрых нейтронах. Его энергия используется и для опреснения морской воды. Мы её пробовали — вода как вода, но попробовали бы вы обычную воду из Каспия!

В квартирах у горожан течёт из кранов три вида воды: так называемая техническая, горячая и, наконец, питьевая. Первую используют для туалета и прочих подобных нужд, второй — моются и стирают и т. д., и только третью — пьют и готовят из неё пищу. Горожане к подобному разделению функции воды привыкли и расходуют наиболее дефицитную воду весьма бережно, а приезжие — не всегда. Поэтому у нас в гостинице питьевой воды из крана в номерах не было, за ней мы ходили к горничным.

Редчайший в истории случай — городу Шевченко в середине семидесятых годов была присуждена престижная международная премия ООН (или ЮНЕСКО) — за гуманизацию окружающей среды.

Вообще же Актау — ещё один пример того, когда всё делается не благодаря, а вопреки. Вопреки всему люди построили в этом богом забытом краю земли город. И живут в нём, гордясь делом своих рук.

Наш визит был приурочен к 30-летию Шевченко. Мы поучаствовали в праздничных мероприятиях, и я поразился тому, сколько на улице светлых, радостных лиц. Люди как будто позабыли о тяготах жизни...

С городского праздника нас повели в нарядную юрту, где украшением дастархана стал бешбармак из каспийской белуги... Так что хозяева не ударили лицом в грязь.

Домой возвращались навеселе и уже с песнями... Может, потому и долетели быстрее, чем на Мангышлак — за каких-то пять с небольшим часов...

27 сентября

США и их союзники из семёрки ведущих развитых стран мира выступили в совместном заявлении в поддержку политики Б. Н. Ельцина. А сам он предупредил местные Советы, что все главы администраций — под защитой президента, и он не даст в обиду никого из руководителей, чётко выполняющих его указ. Несчастные главы администраций и председатели Советов — кого им слушать, чьи указания выполнять?

С. П. Шевченко не хочет сидеть без дела. Недавно учредил молодёжную литературную студию “Надежда”. Собирается учить молодых основам теории литературы и литературного творчества, журналистики, документального кино, риторики и т. д. и т. п. Набирает и специальную бизнес-группу, которую будет учить за деньги. Уже открыл расчётный счёт в банке и агитирует в нашей газете перечислять на него деньги.

Что из этого получится — сказать трудно, но неуёмность Сергея Павловича и какой-то молодецкий задор вызывают уважение.

28 сентября

Вторник. Обвал дел, суета, одно наслаивается на другое... Остался после обеда дома, чтобы вычитать накопившиеся материалы, собраться с мыслями.

На работе тупиковая ситуация с публикацией опровержения. Суд обязал нас опубликовать его до восьмого октября. А истцы, чтоб им провалиться, не принимают нашего варианта. Сегодня Штарк встречался с Гётманом, и они опять ни до чего не договорились. Придётся теперь мне идти на переговоры с главой теркома Алибаевым, а смерть как не хочется... Конечно же, нас решили основательно проучить на этом деле, которое не стоит выеденного яйца; чтобы мы, как та унтер-офицерская вдова, сами себя высекли. Мне лично за невыполнение решения суда светит денежный штраф (минимум), или до года исправительных работ (максимум).

Воюем с молодёжной биржей — отказались давать им газету для продажи в розницу. Мы ей отдаём по десять рублей за номер, а её “клиенты” гонят его по 30 рублей. Это, конечно, хорошо, что субботняя “ЗП” с программой ТВ пользуется спросом, но совесть-то надо иметь!

Кавардак на работе. Один из журналистов съездил с “пульсовцами” в Испанию — другие наши недовольны и прямо мне об этом говорят: мол, не за красивые же глаза ездил, прирабатывает у них, а ты глаза закрываешь на это... Я, честно сказать, не знаю как себя вести: реагировать или делать вид, что ничего не произошло...

Коммерческий директор подал заявление об уходе и теперь больше делает вид, чем работает... А заменить его некем.

Пьёт женщина — завхоз, и я тоже не знаю, что с ней делать...

Поцапались в очередной раз с нашим мэтром, который любые замечания по его материалам принимает в штыки...

Так всего и “насобираешь” за день, что потом всю ночь не спишь. Всё говорю себе, что надо вырабатывать философское отношение к жизни, а на деле ни хрена не выходит.

По-прежнему не знаю, куда девать накопленные “семейные” 300 тысяч рублей, которые “худеют” день ото дня. Посоветовался с одним из “новых”, он призадумался и развёл руками: “Не знаю-не знаю, уж сильно маленькая сумма...”.

А я такой никогда в руках не держал.

Сегодня уже летали первые снежинки, а у нас в квартире по-прежнему летают комары — подвальные — и жрут наше семейство по ночам со страшной силой.

О делах московских... Похоже, Ельцин пока что одерживает верх в противостоянии с Верховным Советом. Во всяком случае, так это преподносят московские телеканалы. Против него открыто выступили лишь глава Брянской обл. администрации, выдворенный после этого из своего служебного кабинета, и глава Новосибирской обл. администрации Муха, чья участь, видимо, будет подобной.

Наиболее стойкие из российских депутатов остаются в здании парламента, есть там и другие... Но силовые министры по-прежнему ельцинские, а уволенный им прежде и вновь назначенный Верховным Советом Баранников заявил о своей лояльности президенту.

Сам Ельцин на днях вновь заявил, что он против одновременных досрочных выборов — депутатов и президента.

29 сентября

Ходил договариваться о тексте опровержения к председателю теркома по госимуществу С. Б. Алибаеву. Не договорились... Сошлись на том, что предоставим суду наш и теркомовский вариант, а суд пусть решает..

Ещё неприятность: принесли мне нашу газету с любопытным объявлением: “Организация примет заявки на изготовление оснастки для печатей” и телефон. Всё это делаем и мы — через рекламно-коммерческий отдел. Позвонили с Семерьяновым по указанному телефону. Отвечают: если платите наличными — всё вам доставим домой, а если перечислением, то счёт вам выпишет в “ЗП” Олег Борисович. То есть наш коммерческий директор. Стало быть, решил завести собственное дело под крышей нашей конторы. Это оплеуха мне лично — за мои романтические иллюзии. Выходит, меня элементарно обманывали...

30 сентября

Второй вечер подряд гуляю после ужина с Пашкой. На душе у меня хреново, и я использую и Пашку, и эти прогулки как психотерапевтическое средство. Пока помогает не очень...

Пашка меня пытается про машины: “А у тебя какая самая любимая?”. — “Запорожец”, — отвечаю не без лукавого умысла. “Ты ещё “инвалидка” скажи”, — обижается он и вновь ведёт речь об иномарках — как они ему нравятся и насколько они хороши по сравнению с нашими машинами. Говорит, что начал учить английский (!) язык. “Зачем?” — спрашиваю я. Он — рассудительно: “Ну как... Потом поеду в Америку, в Англию — там же всё на английском...”. Я ему про родину, про то, что лучше всего жить дома... Он — о своём: “Знаешь — как переводится “бой”? — “Нет”. — “А хэллоу?”. — “Нет”. — “Хэллоу, бой! — привет, мальчик!” — торжествующе заключает он.

Помолчали, и он вдруг спрашивает: “А птеродактиль (с ударением на “и”) летает быстрее самолёта?”

Да, мне с ним теперь не скучно. Вот только патриот из него вряд ли вырастет.

Половина рабочего дня ушла на “следствие по делу Александрова”, в котором открываются всё новые малоприятные подробности. Сидел в грустных размышлениях и вспомнил вдруг одно из изречений матери: “Станный какой-то человек: где уж шибко умный, а где такой, прости Господи, простодыра!”. Это — точно про меня.

В Москве ситуация, похоже, усугубляется — во всяком случае обстановка вокруг “Белого дома”, блокированного милицией и военными. Депутат генерал Макашов (он якобы с другими защитниками низложенного Верховного Совета внутри) заявил: если кольцо блокады и дальше будет сжиматься и перейдёт некую критическую черту, из здания парламента будет открыт огонь на поражение.

Сторона Ельцина обращается к тем, кто ещё остаётся в “Белом доме”, с призывом покинуть его и сдать оружие, обещая, что таковым ничего не будет. Как будто установлен и предельный срок, когда здание должно быть освобождено, — 4 октября.

Ряд областных Советов народных депутатов — Новосибирский, Кемеровский, Алтайский, Томский — осудили ельцинский указ и высказались за одновременные перевыборы Верховного Совета и президента. Обсуждаются предложения об учреждении Сибирской и Уральской республик.

2 октября 1993 года

Н. А. Назарбаев выступил с заявлением в связи с ситуацией в Москве. Суть: “Мы призываем конфликтующие стороны поддержать посреднические усилия для налаживания диалога и выхода из политического кризиса...”.

В Алма-Ате “изучается вопрос” о возможном перенесении столицы в другое место. В качестве новой столицы называют Целиноград и Кокчетав. Но на официальном уровне никаких заявлений пока не звучало.

Н. А. Назарбаев, побывавший в Семипалатинске, сделал ряд важных заявлений, касающихся ближайшего будущего экономики. “Наша страна не может содержать убыточные предприятия. Лучше платить пособие по безработице, чем выпускать не имеющую спроса продукцию. Поэтому с 1994 года нерентабельные хозяйства перестанут получать дотации...”. Иной станет и кредитная система — невозврат кредитов повлечёт за собой продажу предприятий с аукциона.

Всё вроде правильно: жить надо по средствам и взятое в долг возвращать. Но разве не само государство швырнуло добрую половину прибыльных совхозов и колхозов в долговую яму, принуждая их продавать хлеб, молоко и мясо по явно заниженным ценам, не покрывающим затраты хозяйств? В их числе оказались у нас в области многие колхозы и совхозы, что всегда были рентабельными. Опять действуем по принципу: лес рубят — щепки летят?

И ещё: с будущего года отменяется очередь на получение жилья. Тем же, кто стоял в ней десять и более лет, государство выплатит первичный взнос на строительство домов с предоставлением налоговых льгот. Государственное жильё будет строиться лишь для определённых групп населения (каких — не уточняется).

Тем временем наша отечественная экономика продолжает разваливаться. Дефицит товаров и продуктов вызван ещё и тем, что предприятия области перестали производить 36 видов товаров народного потребления, которые пользовались спросом. “Бросив всю торговлю в рыночную стихию, лишив её прежних фондов и государственных поставок, наше правительство тем самым поставило отрасль и население республики в условия самовывживания: спасайся — как можешь”. Это пишет в нашей газете заведомо обладминистрации Н. Набиев.

Но есть хорошая новость: Павлодарский аэропорт пополнился новым самолётом “Як-42”. Купила его фирма “Мади”. Возглавляет её мой земляк Ербол Этекбаев, говорит, что он родом из “Весёлой рощи”. Но откуда же у него такие деньги в пору всеобщей бедности?

3 октября

Воскресенье, утро... Все ещё спят, только мы с Пашкой уже встали. Он принялся за свою игру, которую называет “калькулятором”, а я за “Хронику”...

В пятницу объяснялся с О.А. Поразительно, как обстоятельства меняют облик людей. Год назад он получил в редакции новую должность, дающую ему немалые права, и вот уже от скромного, немного нескладного парня почти ничего не осталось — передо мной сидел хамоватый самоуверенный молодой человек, который едва ли не одолжение делал мне, отвечая на мои вопросы. Что ж, я, наверное, больше других виноват в том, что он стал таким — слишком доверял ему, мало контролировал... Нельзя мне на моём месте очаровываться людьми... История эта выбила меня из колеи.

Ольга вчера утром ушла в магазин, в половине девятого, и... пропала... Такого ещё не бывало... Вернулась уже после часа дня — злая и со слезами на глазах: четыре часа простояла в очереди за сыром и сливочным маслом, которых в свободной продаже давно нет... А тут вдруг “выбросили” — так теперь говорят, если в торговле неожиданно появляются дефициты. И стояла она наполовину зря, потому что масла ей не досталось, а сыра давали по полкило “в одни руки”. Она его даже есть потом не стала ...

В Москве ситуация всё больше обостряется. Объявился новый политический лидер — президент Калмыкии Кирсан Илломжинов. Вступив в должность, едва ли не первым делом распустил местный Совет (и правда — что с ним церемониться!), а теперь дал от своего имени телеграмму руководителям краёв и областей, призывая их собраться на Совет Федерации. Наплодили в России президентов — ещё наплачутся с ними.

В Москве сторонники Верховного Совета перегородили Садовое кольцо у Смоленской площади, жгут костры, устраивают стычки с милицией... Православная церковь пыталась выступить посредником в конфликте президента и Верховного Совета, но пока безуспешно...

Прозвучала информация о том, что “Белый дом” наводнён оружием и что кроме пистолетов и автоматов там есть также пулемёты, гранатомёты...

Требование Ельцина: сначала сдайте оружие — потом будут переговоры. Ответ упразднённого Верховного Совета: сначала снимите блокаду с парламента — потом будут переговоры.

Регионы в основном выступают за одновременные перевыборы Верховного Совета и президента. С этим не соглашается Ельцин.

5 октября

Позавчера (в воскресенье) ходили с О. на новоселье к Кульпаш Коныровой. Она — наша нештатница, газета помогала молодёжному жилищному кооперативу, в котором они с мужем состояли, “добить” строительство их жилого дома, поэтому она нас позвала.

Домой вернулись около одиннадцати вечера, включили телевизор: показывали столкновения демонстрантов и милиции на Смоленской площади... Первая программа вдруг “отрубилась”... И вскоре после этого — вторая... Данька (он ещё не спал) заметил: “Ну всё, захватили или разгромили телевидение...”.

И он был недалёк от истины... В воскресенье сторонники Верховного Совета перешли в наступление, смяли ряды милиционеров и “омоновцев” и, кажется, прорвали кольцо блокады у здания парламента. Руцкой с его балкона призвал своих сторонников штурмом взять “преступную мэрию и продажное Останкино”... В здание Останкино сначала выстрелили из гранатомёта, потом протаранили бронетранспортёром вход... Завязалась перестрелка, которая продолжалась несколько часов. Есть убитые и раненные... Захватить Останкино нападавшим не удалось. Уже ночью возобновились передачи Российского телевидения.

А утром начался штурм “Белого дома”. Здание обстреливали из танков, в нём почти не осталось целых окон, оно горит... Поняв, что дальнейшее сопротивление бесполезно, его защитники стали выходить, сдаваясь на милость победителей...

Радио и ТВ сообщают о десятках погибших. Что, в общем, неудивительно: вокруг парламента полно зевак, пришедших посмотреть с набережной, как российские танки расстреливают Верховный Совет России... Остальные россияне наблюдают эту апокалиптическую картину в прямом эфире: одна из зарубежных телекомпаний, кажется, “Си-эн-эн”, ведёт телерепортаж, установив свои камеры в здании гостиницы “Украина”, откуда прекрасно виден и “Белый дом”, и всё, что происходит вокруг.

В Москве объявлено чрезвычайное положение, введён комендантский час.

Бедная наша Россия... Бедные люди... Ольга вчера плакала, глядя по ТВ на это кровавое месиво...

Все они — преступники: и “победитель” Ельцин, и “побеждённые” Руцкой с Хасбулатовым, о судьбе которых пока ничего не известно...

Тот же день, вечером... Всё время “ловил” новости — по радио, ТВ... “Белый дом” взят, сильно обгорел снаружи, частично сожжён внутри... Сдались Хасбулатов и Руцкой... “Эн-би-си” показало плёнку из “Белого дома”: в одну из критических минут штурма Руцкой обращается ко всем, кто его слышит, и предлагает своим боевым друзьям-лётчикам поднимать самолёты и бомбить Кремль... Тут же, рядом, Хасбулатов — бледный и какой-то безучастный... Затем показали, как их выводят из здания — уже арестованными... Руцкой — в камуфляже... Их отвезли в Лефортово. Я почему-то думал, что Руцкой застрелится.

Арестованы сотни людей — часть депутатов, находившихся в здании парламента, и наиболее активные его защитники.

Указом Ельцина назначен новый генеральный прокурор России — А.И. Казанник, тот самый, что на Первом съезде народных депутатов СССР уступил своё место в Верховном Совете Ельцину, которого московская депутация избирать туда не захотела. Тут, конечно, можно было бы и порассуждать на тему законности этой “рокировки”, но тогда Ельцин оказался в числе депутатов Верховного Совета и теперь, вероятно, решил отблагодарить Казанника. Бывшему генеральному — Степанкову — он, надо полагать, не простил его колебаний и “игры на два фронта” во время своего противостояния с Верховным Советом. Неизвестно, правда, работал ли вообще в прокуратуре Казанник — правовед и преподаватель омского вуза, но вряд ли это сегодня кого-нибудь интересует.

Приостановлен выпуск газет “Правда”, “Советская Россия”, “Гласность”, “День” и других... Так что методы борьбы с противниками у демократов ельцинского разлива не шибко отличаются от “гекачепистских”, также приостанавливавших выпуск газет, которые они посчитали неблагонадёжными.

ТВ беспрерывно повторяет сообщения о поддержке, высказываемой Ельцину лидерами западных стран... Некоторые местные Советы запоздало каются... Главы регионов, до последнего времени выжидавшие, затаились — будто их нет.

“Останкино” всё время “крутит” кадры про то, как сторонники Руцкого и Хасбулатова штурмовали телецентр... Вообще же обо всём, что происходит в Москве, телезрители узнавали не от российских тележурналистов, а в первую очередь от “Эн-би-си”. Иногда складывалось такое впечатление, что американцы как будто знали о грядущих событиях... Или просто работать умеют лучше нашего...

Вечером “Тема” по ТВ. Обсуждали событие в Москве. Ведущий Молчанов обратился к одному из своих коллег, до последнего остававшемуся в “Белом доме”: “Мы в августе 1991 года чувствовали себя в его стенах весьма комфортабельно и даже получали время от времени по бутылке коньяка от господина Бурбулиса... А каково было вам?”. И тот ответил: “А мы не один раз прощались с жизнью...”.

Участники передачи были единодушны в оценке случившегося, взяв сторону Ельцина. И только политолог Ципко сказал: не будем лукавить — нынешняя ситуация берёт начало с 21 сентября, с указа Ельцина; и второе: была упущена возможность одновременных досрочных выборов — Верховного Совета и президента... В итоге случилась трагедия, в которой несчастны и те, и другие. Но сказанное им не было воспринято остальными: на российском ТВ новый идеологический шабаш — нагнетание победно-обвинительной истерии.

“Властью, данной от Бога, мы заявляем, что тот, кто подымет руку на беззащитного и прольёт невинную кровь, будет отлучён от Церкви и предан анафеме”. Такое заявление было распространено 3 октября вечером священным синодом Русской православной церкви.

Но кровь в Москве всё же пролилась...

7 октября

Б. Н. Ельцин и его команда пришли в себя и продолжают закручивать гайки. Б.Н. выступил с обращением к народу, выдержанном в весьма жёстких тонах. Речь его изобиловала выражениями типа “диктатура”, “переворот”, “коммуно-фашисты” и т. п. Досталось Конституционному суду, который, оказываясь, руководствовался в своих действиях политическими мотивами и сочувственно, если не сказать больше, относился к деяниям Верховного Совета... Местные Советы, поддерживавшие Верховный, также повинны в том, что произошло в Москве, а посему должны самораспуститься...

Правильно: покончить разом со своими противниками — и все дела! А что там вякает Совет Федерации насчёт одновременных досрочных выборов обеих ветвей власти — так с ним тоже можно не церемониться. Победителей не судят!

У меня не было и нет никаких симпатий к Хасбулатову, которого неизвестно зачем сам Б. Н. за уши вытащил в председатели Верховного Совета, а к Руцкому, если и были — как к боевому офицеру — давно улетучились... Но образ героя, который Российское телевидение лепит из Ельцина, у любого нормального человека может вызвать лишь отвращение. Если в нём осталась хоть капля совести, как он может сегодня жить? В этой своей телевизионной речи он напоминал мне лающего бульдога, изрыгающего не слова, а сгустки злобы. Неужели этот тот самый Ельцин конца восьмидесятых — кумир всех тех, кто ждал перемен и верил в них? Мне казалось, что в нём было тогда что-то по-настоящему чистое, искреннее... Или, попадая во власть, и особенно на самый её верх, люди и впрямь меняются до неузнаваемости?

Ольга принесла цитату — как будто специально: “Власть сама по себе обладает определёнными свойствами, и с какими бы хорошими намерениями человек ни приходил к власти, власть неизбежно испортит его, заставив поступать

вразрез с лучшими нравственными идеалами, которые он исповедует. А власть имущий всегда сам найдёт — или услужливые люди подскажут ему — оправдание самым грязным и самым безнравственным поступкам... Симптомы этой болезни рано или поздно проявятся у всех людей, облечённых властью". Слова эти принадлежат Уильяму Болито Райаллу, а я даже не знаю — кто он такой.

Получили сегодня на двоих с О. немисливо огромную зарплату — более 600 тысяч рублей. Но купить на них что-нибудь стоящее нельзя... В коммерческих киосках — заграничные ликёры по 12-14 тысяч рублей за бутылку (нашей местной водки, кстати, в свободной продаже нет), стограммовые баночки кофе — по 5-6 тысяч... Самая дешёвая жвачка — 150 рублей. Нет приличной детской одежды, которая нам нужна, да и взрослой — тоже.

Если верить нашей газете, первый павлодарский фермер П. И. Леонтьев, как и мечтал об этом несколько лет назад, стал миллионером. И хотя цена его миллионам не та, о которой он помышлял, дела у него вполне хороши. Каждый из 260 гектаров посевов принёс ему 23 тысячи рублей прибыли. В закромах более ста тонн гречихи и столько же горчицы. Первая пользуется большим спросом, а из второй получают дефицитное масло и горчичный порошок.

Леонтьев рассчитался за взятые кредиты и недавно купил за 20 миллионов рублей современный передвижной асфальтовый завод, на котором, кстати, высушил всё собранное осенью зерно. По подсчётам Павла Илларионовича, общая стоимость фондов его фермерского хозяйства уже перевалила за сто миллионов рублей.

Но Леонтьев — всё же исключение из правил, он такой один на всю область.

Директор машиностроительного завода М. В. Бабий раскрывает в "ЗП" "секреты" банковского бизнеса и технологии "быстрого и надёжного перевода денег в Россию". Деньги предприятий находятся в коммерческих банках, которые дают их в кредит под 200 и более процентов. Но получить кредит — полдела. Надо ещё заплатить малому предприятию, которое возьмётся перевести их в Россию — "всего-то" за 40 процентов от проплачиваемой суммы. Такая вот "рационализация"...

И как бы в подтверждение этих слов авторитетного руководителя объявление в нашей газете: "Организирую проплаты в Россию" — и телефон. И другое объявление: "Обналичим на дензнаки 1993 года за короткий срок". Это при том, что в Казахстане никто не отменял денег прежних годов выпуска.

12 октября

На первом организационном съезде союза "Народное единство Казахстана" его неформальным лидером утверждён Н. А. Назарбаев. Да уж, нам без партий никак нельзя.

В Москве, у Мавзолея Ленина, будет упразднён почётный караул. И я, и мои старшие дети ещё успели полюбоваться его чеканным шагом. А Пашке, скорее всего, уже не доведётся...

Факт по нынешним временам почти невероятный: в Жанатане, на третьем отделении моего родного совхоза "Михайловский", введён в эксплуатацию водопровод.

Область до сих пор не закончила уборку. Намолочено чуть больше миллиона тонн зерна, но госзаказ — 220 тысяч тонн — выполнен примерно на две трети. Руководители хозяйств всеми силами придерживают зерно — им госзаказ не выгоден, а выживать надо.

Не исключено, что часть неубранных полей окажется под снегом.

С. Абдильдин — председатель Верховного Совета Казахстана — дал интервью собкору “Российской газеты” Сергею Скороходову (моему, кстати, однокурснику), посвящённое недавним российским событиям. Действия Ельцина Абдильдин характеризует как противоречащие Конституции России, а потому автоматически влекущие за собой его отставку. Деталь: интервью датировано 24 сентября (ельцинский указ обнародован 21 сентября), а опубликовано 5 октября, то есть на следующий день после кровавых московских событий.

Тут же, кстати, приводятся слова Н. А. Назарбаева о том, что действия Ельцина — один из путей выхода из российского политического тупика. Так что есть, конечно, разногласия во взглядах и позициях у наших президента и главы парламента...

Ещё Абдильдин критикует лидеров государств и других видных политиков, поддерживающих диктаторские замашки Ельцина, и недвусмысленно высказывается за введение собственной казахстанской валюты.

Отдал 500 тысяч рублей знакомому коммерсанту (и немножко литератору), который обещал “пустить их в дело” и вернуть с процентами... Забогатею вряд ли, а прогореть могу с этой “акцией” запросто...

Б. Н. Ельцин наградил звёздами Героев и орденами “За личное мужество” “силовых” министров и участников штурма парламента. Опять из трагедии стряпается фарс. Ну чем лично рисковали в недавней заварушке министры? Разве что отставкой, если бы даже верх взяли Руцкой и Хасбулатов? Впрочем, могли бы, наверное, и посадить.

13 октября

Очередная партия бумаги, которую мы по случаю купили, оказалась бракованной. Это, скорее, не бумага, а отходы, так называемый её “отбор” с разным браком. Она всё время рвётся, до 40 процентов попадает в отходы. То есть работать на ней нельзя. Надо или менять на другую (обмен, само собой, не будет равноценным), или искать-добывать новую партию, что тоже проблематично.

Вторая хреновая весть: из суда сообщили, что принят вариант опровержения, предложенный территориальным комитетом по госимуществу. Думаю, они всё же договорились между собой, чтобы проучить нас. Сколько сил потрачено впустую! Руки чешутся написать обо всём этом: на одной странице дать это самое опровержение, а на другой — описать историю его появления.

Какая прекрасная осень стоит! Чудо, а не октябрь: тепло, солнечно... Благодарить... Я же в этом году ни разу в осенний лес не выбрался... И теперь уже вряд ли успею, хотя так люблю эту замечательную пору в лесу.

Первый вице-премьер России Шумейко вновь заявил, что газеты “Правда”, “Советская Россия”, “День” закрыты — как совершившие уголовно наказуемые деяния. В свою очередь, редактор “Известий” Голембиовский сказал: газеты могут быть закрыты только по решению суда.

Б. Н. Ельцин отправился с визитом в Японию, видимо, демонстрируя тем самым, что дома у него всё в полном порядке.

Московские газеты полны материалов о событиях начала октября. Многие очевидцы, побывавшие в “Белом доме” накануне штурма (в их числе и боевой офицер, имеющий опыт афганской войны, Руслан Аушев), говорят одно и то же: никакой серьёзной обороны там организовано не было. Из чего следует вывод: акция устрашения со стрельбой из танков прямой наводкой по зданию парламента была совершенно неадекватной ситуации, и многих человеческих жертв можно было бы избежать...

Отличный материал в “Комсомолке” Юрия Полякова (автор популярных повестей “Сто дней до приказа”, “ЧП районного масштаба”, “Апофегей” и т.д.) — едкий, умный, образный. “Останкино” он именует 500-метровой дубиной, которую те, кто находится у власти, перекалывают то в правую, то в левую руку и беспощадно лупят ею по головам телезрителей, просвещая их нужным образом.

Да, нынешнее российское ТВ просто противно смотреть.

14 октября

Публикуем программную статью Н.А. Назарбаева “Идейная консолидация как условие прогресса Казахстана”. В ней осмысливается нынешняя общественно-политическая ситуация и ставятся программные задачи в области идеологии — по сути нового общественного сознания.

Несколько цитат: “Создание в Казахстане за годы Советской власти мощной промышленности и сельского хозяйства, уникальных технологических комплексов, всеобщая грамотность и многое другое было бы невозможно без индустриализации Казахстана. Наш сегодняшний капитал — это в какой-то степени результат прежнего строя. Отрицать это можно только в полемическом запале...

... Однако, если оставаться на объективной, а не эмоциональной точке зрения, то становится очевидным, что социализм оказался в глубочайшем кризисе именно как система социально-экономических и политических отношений... Речь идёт о кризисе широкого масштаба...

... Двойная мораль управляющей элиты не могла не привести к подобной морали миллионы людей... абсолютно не верящих в провозглашаемые лозунги... Социалистические идеалы в последние годы вызывали не больше, чем иронию...

... Либеральные идеалы и либеральная идеология — результат длительной многовековой эволюции западной цивилизации. В их основе лежат объективные предпосылки — частная собственность, психология индивидуализма и демократические политические институты. Её зачатки у нас либо отсутствовали, либо были прерваны почти столетие назад...

... Таким образом, речь идёт о необходимости поиска собственных путей в становлении идеологической платформы...”

В качестве основополагающих национальных приоритетов называются следующие: укрепление государственных начал, построение правового общества, становление национального полнокровного рынка на новой технологической

структурной, институциональной основе, и в том числе — о создании профессионального парламента.

Далее вновь говорится о радикальных экономических реформах, создании социально ориентированной смешанной рыночной экономики и других составляющих нового курса.

Отдельный большой раздел статьи посвящён идейной консолидации общества и, в частности, обеспечению межнационального согласия, укреплению внутринационального единства, утверждению высокой языковой культуры, воспитанию казахстанского патриотизма, созданию атмосферы стабильности и гражданского согласия.

Статья занимает около двух газетных полос. Это программа действий для идеологов, да и не только для них, на многие годы. И, конечно же, она даёт обильную пищу для размышлений.

Что теперь воруют (из нашей “Криминальной хроники”)? У пенсионерки, жительницы Павлодара, из сарая украли ночью: 108 пачек стирального порошка, 50 тюбиков зубной пасты, 130 кусков хозяйственного мыла... Откуда у неё этот склад дефицитов, не сообщается.

Соседи украли у односельчанки корову и продали за 74 тысячи рублей.

У неработающей жительницы Павлодара украли: 12 пар золотых серёг, семь обручальных колец, четыре золотых цепочки, кольцо с бриллиантом, четыре тысячи долларов и газовый пистолет. Один из организаторов “тайной экспроприации” — её пятнадцатилетний сын.

А это объявление из сегодняшнего номера: “Возьмём кредит в 50000000 рублей. Условия — по договорённости”.

Какое время — такие и нравы.

Видел сегодня в магазине старушку, покупающую одно-единственное куриное яйцо... Говорю: “Возьмите хотя бы пять — я заплачу”. Отказалась...

16 октября

Четыре дня шёл несанкционированный митинг в Грозном с требованием к руководству России освободить из-под стражи бывшего председателя Верховного Совета РФ Р. Х. Хасбулатова. Теперь центральная площадь города блокирована военной техникой и усиленными милицейскими нарядами.

В областном суде начинается процесс над бывшим директором фирмы “Мегаполис” В. Скляром, которого обвиняют в хищении средств в особо крупных размерах и в других преступных деяниях. Процесс будет открытым.

17 октября

Летал в Кокчетав — на встречу редакторов. После взлёта долго смотрел в иллюминатор на проплывающую внизу землю: убранные пшеничные поля, петли дорог, чаши озёр. Эта немного грустная, но умиротворяющая красота успокаивала, навевала воспоминания.

В аэропорту меня встречала Людмила Клыкова. Одиноко стоявшая в стороне от всех, она как-то опасно посматривала на меня, выходявшего из аэропортового автобуса... Обнялись, без особого, впрочем, энтузиазма... И она сказала, что у неё всего три часа времени, а потом надо возвращаться в Чистополье, до которого ещё три часа пути.

Так что встреча наша была суматошно-сумбурная, полусумасшедшая. Кажется, и поговорить-то толком не успели... Пригубили коньяку, она заплакала...

Я пытался шутить: “Ты что, впереди у тебя целых три часа пути — ещё заплачешься...”. А у самого тоже на душе кошки скребли...

Она говорила — какой я молодец и какая замечательная у меня жизнь. А я всё убеждал её в том, что жизнь моя — как у всех, а в чём-то, может, ещё хуже...

Хотел записать на диктофон песню, которую Людмила нам пела в студенчестве, там есть строки: “И пахла лесная малина и таяла сладко у рта. Малина как будто манила: сорвите скорее с куста...” — но, оказалось, сели батареек...

Так что нам не очень везло в тот вечер... Я ещё сказал ей, что не очень верил в её приезд и даже заготовил телеграмму всего из двух слов, которую собирался в таком случае отправить. Эти слова: “... Очень жаль...”. Договорились, что напишу небольшой рассказ под таким названием и посвящу ей — она ведь приехала.

Потом я проводил её до машины, а сам вернулся в гостиницу. И неизвестно ещё — кому было хуже, ведь уезжать, я думаю, всегда лучше, чем оставаться...

На следующий день разыскал своего совхозного земляка и друга Сашку Шляхова — ныне кандидата наук (кажется, физико-математических), доцента местного пединститута. Он, к счастью, остался всё тем же замечательным парнем, которого я когда-то знал, хотя, конечно же, повзрослел и посolidнел... Подарил мне автореферат своей кандидатской, провожал меня в аэропорту. Кроме него, в числе провожающих были пять редакторов областных газет.

Мы с ними обсуждали накануне наши рекламно-коммерческие дела и — так уж вышло — именно мне пришлось делиться опытом. Договорились создать региональный совет редакторов областных газет и встречаться не реже двух раз в год. Затея неплохая, но последует ли продолжение?

Был сегодня на базаре. Цены окончательно с цепи сорвались. Мясо — до 3,5-5 тысяч рублей за килограмм, колбаса — до 7 тысяч. “Дутые” сапоги, что выпускает наш нефтеперерабатывающий завод (такие наши сотрудники получили в подарок от него в честь юбилея газеты) — до 80 тысяч рублей. У наших корреспондентов оклады меньше.

Читаю Эдуарда Лимонова — “Это я, Эдичка”, “Иностранец в смутное время”. Обе вещи — шокирующие. Особенно первая. Она о том, как небесталанный русский парень, индивидуалист и бунтарь, оказавшись в Америке, попадает едва ли не на самое дно её жизни. О том, как люди расстаются с иллюзиями — в том числе и относительно западных ценностей жизни и западной цивилизации вообще. А ещё эта книга — о любви, всепоглощающей, страстной до безумия. Лишившись предмета этой самой страсти — любимой женщины — герой, он же автор, пускается во все тяжкие — вплоть до полового акта с первым попавшимся негром. И всё это со всеми физиологическими шокирующими подробностями, когда все вещи называются своими грубыми именами, с отборным русским матом...

Тем не менее, он писатель, но писатель особого рода, я бы назвал его повестью грязным реализмом. Эпатаж — его творческий метод, при этом он не щадит никого — ни своих близких, ни себя самого... Авторитетов для него не существует. Показательна в этом смысле вторая повесть — по сути репортаж о его поездке в Москву и родной город на Украине после двадцатилетнего отсутствия. Достается в ней и Горбачёву, и Сахарову, и собратьям-писателям... И опять же самому герою-автору.

В газетах Лимонов яростно выступает против российских либерал-демократов (прежде всего — из ельцинского окружения), против распада России.

Демократические СМИ, в свою очередь, выставляют его реакционером, необольшевиком, недоумком, хотя он раньше них восстал против системы, по воле которой в итоге и был вышвырнут из страны, и сделал себя сам. Он — безусловно, новое явление литературной и общественной жизни. Другой вопрос — какое это явление...

18 октября

Такое ощущение, что у меня как будто вновь просыпается интерес к “Хронике”. Хорошо, если бы это было именно так — может быть, вслед за этим у меня проснётся интерес к жизни вообще? А то ведь я недавно сказал одному человеку: “Я ехал к тебе с ощущением, что придётся прощаться...”. Человек заплакал: “Ну что ты такое говоришь?!” И я потом подумал: уже из-за одних этих слёз стоило ехать к тому человеку...

Вернулся с улицы. Гулял сегодня вечером один: Пашка отказался составить мне компанию, а старшие давно со мной не гуляют.

В Димкином классе “проходят” на биологии тему “атавизмы”. В частности, он узнал, что оволосение — это атавизм и, в принципе, человечество должно прийти к облысению... И вот какой Димка из этого сделал вывод: придя домой, заявил во всеуслышание: “Наш папа — человек будущего!”. Так что с чем-чем, а с юмором у наших детей всё в полном порядке.

А погулял я замечательно. Осень в этом году явно подзаблудилась в нашем краю: до сих пор стоят тёплые, солнечные дни, а по вечерам на Набережной хоть и свежо, но тихо... Гулять — одно удовольствие.

Бурные дебаты на “летучке” по поводу гришинских заметок “Я — боюсь...”. Мне кажется, ей на удивление точно удалось передать ощущения психологической и моральной подавленности, неуверенности ни в чём, которые переживают большинство людей в это безумное время. Причём ей удалось это сделать в весьма изящной и лаконичной форме... И вот одни сразу приняли эту её вещичку, а другие “встали в принцип”: так нельзя, уж слишком пессимистично и ничего не предлагается в качестве альтернативы...

Я сказал: это ведь её ощущения, притом близкие многим, а другие — те, что ощущают время по-иному, пусть напишут о своих чувствах. Вообще же эта Людкина вещь сделала бы честь любой газете — от областной до центральной. Но этого при всех я говорить не стал.

Сегодняшняя “летучка” вообще удалась... Почти все выступили — спорили, говорили дельные вещи. Вот бы всегда так было...

В завтрашнем номере публикуем речь Н. А. Назарбаева на открывшейся сессии Верховного Совета. Говоря об антиинфляционных мерах, он настаивает на контроле за ростом зарплат и ограничении его темпами роста производства. Говорит о том, что банки спекулируют кредитами, что надо всем жить по средствам. Всё вроде правильно, но сколько можно говорить об одном и том же и ничего не делать в реальности.

19 октября

Опять вчера начитался газет до одурения... Интересно, что в условиях полного отсутствия оппозиционной прессы в сегодняшней России эту миссию отчасти взяли на себя “Комсомолка” и “Известия”. Первая из номера в номер публикует материалы о бесчинствах и беспределе милиции по отношению не только,

скажем так, к противникам режима, но и к депутатам вообще, включая сторонников Ельцина, попадавшимися милиции под горячую руку, и даже к журналистам... Рассказывается жуткая история о том, как наряд милиции насильовал женщину в присутствии других задержанных, невзирая на её мольбы.

Эта же газета опубликовала запись радиопереговоров милиции и кого-то из защитников парламента — жуткий поток ненависти и грязных ругательств и угроз с обеих сторон... Особенно упражнялись “правоохранители”: “Повесим уса- того таракана (читай — Руцкого) за яйца рядом с чеченской проституткой (читай — Хасбулатовым)... Соответственно им и отвечали, хотя из “Белого дома” доносился порой и голос разума...

Американская тележурналистка, которая вела из гостиницы “Украина” прямой репортаж о штурме “Белого дома”, ужаснулась: “Боже мой, русские убивают русских!”. Зато у нас группа известных писателей, считающих себя либералами, демократами (в их числе был и уважаемый мной Юрий Черниченко), призывала на страницах “Известий” “раздавить гадину”, имея в виду окопавшихся в здании парламента депутатов и других его защитников. И это властители дум, сами не раз пострадавшие от несправедливости режима... Дело совсем не в том, что я защищаю Руцкого и Хасбулатова, их на пушечный выстрел нельзя допускать к постам, на которые их возвёл Ельцин. Просто “давить гадину”, то вместе с ней — и значительную часть российского народа, чьи симпатии были отнюдь не на стороне победителей. Или лес рубят — щепки летят?! Но чем в таком случае демократы лучше вчерашних большевиков?

В “Известиях” очень резкая по тону, если не сказать — злая, статья о “пожарном”, то есть поспешно-суетливом награждении “силовых” министров, подавлявших “депутатский мятеж”... Министр внутренних дел Ерин получил “Героя России”, министру обороны Грачёву Героя не дали потому, что он уже имеет это звание, они с Голушко (он несколько дней назад возглавил министерство национальной безопасности) удостоены орденов “За личное мужество”. Таким образом, Ельцин расплатился со всеми тремя за их верность ему, и ни у кого из трёх не хватило ни мужества, ни совести спросить: за что? За то, что “русские убивали русских”? Подобного цинизма давно не видел мир. Чем не театр абсурда? Или как кто-то написал когда-то: Россия для того и существует, чтобы поразить весь мир собственным безумством?

Продолжается процесс по делу ГКЧП. Но оно теперь приобретает новый оборот: в качестве свидетелей в нём должны участвовать Руцкой и Хасбулатов — герои-победители образца августа 1991 года, а ныне такие же сидельцы-арестанты, но уже по “делу октября 1993 года”. И защитниками у них — адвокаты членов ГКЧП... Если бы в книге или фильме была описана подобная ситуация, я бы первый, наверное, сказал: что за ерунда, разве подобное бывает? Но жизнь, оказывается, может быть самым парадоксальным и непредсказуемым режиссёром.

Решением Министерства печати России освобождены от должностей редакторы “Правды” и “Советская Россия”, хотя министерство их не назначало. Газетам надлежит пройти перерегистрацию и, соответственно, будут переназначены (переизбраны?) их редакторы. Интересно, как себя поведут журналисты обеих газет, Союзы журналистов России и Москвы? Последние двое, всегда причислявшие себя к стану демократов, будто воды в рот набрали.

Вечером в редакцию прибежала телетайпистка Насима Айтымова: “Суюн-ши”! То есть я ей должен подарок за радостную весть: меня наградили Почётной грамотой Республики Казахстан, которая приравнивается к государственной награде. Награждённых по Казахстану — человек 20, в их числе и я. А представляли меня ещё в феврале или марте — к 75-летию газеты. Знающие люди говорят: эта грамота гарантирует какую-то прибавку к пенсии. Но мне про неё (пенсию) думать рано.

Тем же вечером всей семьёй “воспитывали” Димку: в школе ленится, не делает домашние задания... Я наорал на него до собственной головной боли. Поможет ли? И так ли надо воспитывать?

21 октября

На заседании коллегии областной администрации обсуждали подготовку к широко рекламированной акции — участию граждан в национальной программе приватизации. В Павлодар поступила первая партия инвестиционных чековых книжек — 160 тысяч штук. С их помощью — через инвестиционные приватизационные фонды — все мы должны получить собственную долю общегосударственной собственности. Но как это будет выглядеть в реальности, я себе слабо представляю.

23 октября

В Экибастузе проспект Индустриальный переименован в проспект Кунаева. Некоторые горожане предлагали дать ему имя А.И. Солженицына, который в своё время ходил под конвоем на работу по этому маршруту. Но после скандально известной статьи Солженицына “Как нам обустроить Россию” с весьма шокирующими заявлениями, касающимися территориальной целостности Казахстана, его имя у нас для многих действует как красная тряпка на быка.

24 октября

Воскресенье. Ещё вчера был приличный осенний день, а сегодня с утра мокрый снег — идёт и тает...

Вчера ходили с Пашкой на дачу, окончательно готовили её к зиме. Натолкали дровяшек в бак с водой, чтобы его не разморозило зимой. Спрятали под картофельную ботву железную печку, чтобы не утащили незваные гости. Потом жгли костёр... Голо и неудобно в эту пору на даче, но всё равно хорошо... Пригубил вина, сделанного из нашего же дачного винограда (ещё прошлогоднего), пообщались с Пашкой “за жизнь”...

Накануне в четверг не пошёл с утра на работу. За три часа — махом — накатал материал “Вагон особого назначения” — о том самом “сталинском” вагоне, который мне показывал А. С Саркыншаков. Железнодорожное начальство, кстати, предписывало ему вернуть этот уникальный экспонат железнодорожной техники, но — редкий случай — Аби Саркыншакович ослушался, считая, что экспонатом он может быть и у нас. Осталось убедить А.С. в том, что материал мой должен увидеть свет, а он всё ещё сомневается — не хочет огласки...

После обеда думал, что буду принимать поздравления в связи с награждением грамотой, а принесли решение облсуда, предписывающее публиковать не наш, а “теркомовский” вариант опровержения. Плюс требование — опубликовать в

ближайшем субботнем номере, т.е. через день, и вторичное напоминание о санкциях мне за неисполнение решения суда...

Я задёргался, хотел позвонить судье... Собрал "совет мудрейших"... Мнения разделились, ведь и печатать без объяснений нельзя, и не печатать нельзя. И тогда решил: комментарий напишу сам. На одной странице дадим текст опровержения, а на другой расскажем, как мы к нему шли.

Плохо ещё то, что собирался в этот день в гости к С. П. Шевченко — у него день рождения. Вместо этого предстоит нудная и неблагодарная работа с неизвестным результатом (имею в виду реакцию теркома и суда на мой комментарий).

В субботу утром — звонок домой... Глава обладминистрации Д. К. Ахметов: в "ЗП" вышло два материала о том, как и почему растут цены, и в одном из них ссылка на Башкирию, где методом "сплошной фермеризации" цены удаётся сдерживать... Я уже приготовился было приводить свои аргументы, но дальше последовало вовсе неожиданное: у Д. К. родилась идея направить в Башкирию группу специалистов для изучения тамошнего опыта, вместе с ним пусть поедет и наш журналист, всё опишет.

Дожились: звонят не для того, чтобы устроить выволочку, а с предложением, от которого нельзя отказаться...

Не думаю, что глава области очень доволен теми нашими публикациями, хотя, может быть, в них было и нечто созвучное его собственным мыслям. Скорее, Д. К. Ахметов даёт мне понять: он ничего не пропускает, всё замечает и демонстрирует при этом новый стиль взаимоотношений первого лица области с редактором... Вряд ли в Башкирии создан "фермерский рай" — дела сегодня повсюду одинаково хреновые, но, может быть, удастся выудить там что-то полезное и для нас...

Спустя несколько минут звонит перепуганная пресс-секретарь главы:

— Вам только что звонил Д. К.?

— Звонил.

— А зачем?

— Благодарил за публикацию, — отвечаю, не моргнув глазом, хотя на самом деле этого не было, — и теперь направляет группу специалистов в Башкирию, с которой поедет и наш журналист.

Пресс-секретарь, видно, ожидала взбучки от своего шефа: почему не работаете с газетой? Раньше бы спросили: почему не следите за газетой? А теперь всё же другие времена, когда не только они нас учат, но в чём-то и мы их...

26 октября

Благодаря миллиардному кредиту вновь заработал главный конвейер тракторного завода, откуда ежедневно сходит до 70-80 тракторов. По нынешним временам — это рекорд, хотя в не столь уж далёком прошлом суточная производительность тракторосборки была в три с лишним раза больше. И ещё неизвестно — надолго ли хватит взятых в долг денег, ведь спрос на павлодарские тракторы катастрофически упал.

27 октября

Зима всё ещё не наступила... То снежок начинает идти, то опять солнце, а земля по-прежнему полуголая...

В московских газетах — "Известиях", "Комсомолке", "Литературке", "Независимой газете" — всё громче звучат уже трезвые оценки по поводу случившегося в начале октября. И только телевидение по-прежнему вещает одно и то же, как будто пребывает в сомнамбулическом сне.

Василий Луков (Б. В. Исаев) написал актуальные стихи “Снова Русь во мгле” и добивается публикации их в “ЗП”. Я упираюсь: хотя злоба дня налицо, но мы ведь у же не Россия...

Брат Петька передал из Усть-Каменогорска целое ведро цветочного горного мёда. Вкус, как говорил герой Аркадия Райкина, “специфический”, то есть совершенно замечательный... Мы такого мёда ещё не едали...

Вроде пора уже в отпуск, но нет ничего “на выходе” — более или менее созревшей (или созревающей) во мне вещи, над которой можно было бы поработать. О. говорит: “Да отдохни ты просто...”. А мне жалко, как-то даже неудобно “просто” отдыхать.

“Сельская жизнь” неожиданно опубликовала мою зарисовку о художнице-флористке Ирине Павловне Воробьёвой “Платье из гладиолусов для Маргарет Тэтчер”. Прошло, наверное, года полтора с тех пор, как я отправил им этот материал. Переживал: дадут или нет? А теперь мне почти всё равно...

28 октября

Был в биржевом торговом центре — своего рода витрине нарождающейся рыночной экономики. Посетители туда ходят больше на экскурсию; потому что цены на выставленные продукты и промтовары большинству не по карману. А в прилепившемся к торговому центру коммерческом киоске прочитал объявление: покупаем старинные монеты, ордена, нагрудные знаки. Спросил — почём ордена? “Красную Звезду” возьмут в лучшем случае за пять тысяч, “Славу” — максимум за семь... Два этих отцовских ордена, вместе взятые, не вытягивают даже на бутылку заграничного ликёра, который продаётся тут же за 15 тысяч рублей.

30 октября

Сессия облсовета — рутинно-обыкновенная: ни шума, ни споров, ни скандалов. Похоже, нынешний Совет себя исчерпал. Депутатка Долотова — одна из самых непримиримых-независимых — всё заседание демонстративно читала Библию...

Была, впрочем, и на этой сессии неприятная неожиданность, во всяком случае для меня... Переименовали моё родное село и совхоз: нет теперь ни Берёзовки, ни “Михайловского”, зато есть “Актау”. Доложили: собирался сельский сход — обсудили, проголосовали... Грустно всё это. Конечно, и Берёзовок и “Михайловских” на свете пруд пруди, но и Актау (Белая вершина) не шибко оригинально, тем более ни гор, ни вершин в округе нет и никогда не было, но, по преданиям, было то ли стойбище, то ли заимка с одноимённым названием... Хотя целинный совхоз начинался с колышка на новом месте. Наверное, не шибко мудрствовали, нарекая его “Михайловским”, рядом, в двадцати километрах, уже была Михайловка... Тогда не мудрствовали и теперь не мудрствовали... Осталось, правда, ещё название школы — она по-прежнему Берёзовская.

Уволил О. А. По собственному желанию, хотя мог бы и иначе. Как быстро скурвливаются люди, попадая на “хлебные” должности. Что, в общем-то, неудивительно: когда через твои руки проходят деньги, и немалые, а самому при этом достаются крохи в виде зарплаты, трудно оставаться прежним...

Позвонили из Целинограда: готовы наши с Ю. А. Ковхаевым книжки из серии “Павлодар литературный”. Мы их ещё не видели. Со времени сдачи подготовленных к изданию рукописей прошло около двух лет... Не такой уж плохой итог — выпустить к сорока годам книгу, которая самому тебе дорога...

ТВ — передача Эльдара Рязанова о Лиле Брик, а также четырёх её мужьях, включая Владимира Маяковского, который недолго был её вторым мужем, но любил до конца своей жизни. Во время их любовных отношений он называл себя (для неё) щен (от “щенок”), и она потом даже выпустила книгу о нём с таким названием. Что само по себе кое о чём говорит.

Потом Лиля охладела к Маяковскому, что было для него величайшей трагедией.

Рязанов уверял в своей передаче: её главным женским талантом было умение приводить находившихся рядом с ней мужчин к творческому вдохновению. Но между тем и несчастий она им приносила немало (это я уже от себя добавляю — взять того же Маяковского, хотя и он, думаю, был в их отношениях далеко не паинькой). Маяковский и Брики жили в одной квартире. И хотя Лиля не состояла больше в плотских отношениях со своим “бывшим”, не думаю, что такое совместное житьё уж очень нравилось Маяковскому. Но то было иное время с иными нравами, и, вполне возможно, я ошибаюсь...

Лиля Брик немного не дожила до 90 лет, постоянно оставаясь в центре внимания московской — и не только — богемы. Она сломала шейку бедра и, не желая никому быть обузой, как и жить в этом своём новом состоянии, приняла яд. Свой прах завещала развеять...

Поразительная судьба! Когда стали замалчивать Маяковского, Лиля написала письмо Сталину, после чего и родилась его чеканная, будто отлитая в бронзе формулировка о талантливейшем и величайшем поэте нашей эпохи. Как будто есть свидетельства, что Л. Брик уже попала в расстрельный список, и якобы Сталин собственноручно начертил против её фамилии что-то вроде “не трогать жену поэта”, хотя она таковой уже давно не была...

А. С. Саркыншаков, как я его ни уговариваю, не хочет обнародования моего материала о сталинском вагоне. Буду продолжать осаду...

Похоже, в очередной раз зашли в тупик переговоры России и Казахстана о рублёвой зоне нового типа. Казахстанская делегация чуть не уехала из Москвы, видя бесперспективность дальнейших дискуссий. Потом поговорили между собой два президента, и переговоры возобновились.

2 ноября 1993 года

Проснулся утром — за окном буран. Настоящий. Жалко — часам к десяти уже утих. В городе жуткий гололёд: идя на работу, упал и чуть не свернул шею.

Дороги песком никто не посыпает — у автобазы спецмашин нет бензина. Начальник этой “фирмы чистоты” В.М. Шиншиков, чей опыт центральные газеты рекламировали по всему Союзу, пришёл к нам в “ЗП”, чтобы прокричать “караул!”. Всё у них там разваливается, а из-за нехватки бензина мусор теперь будет вывозиться через день... Материал дадим, но толку-то?

Сегодня утром Пашка, едва проснувшись, говорит Ольге: “Мне хороший сон приснился... Дядя Коля Лиханов купил себе “БМВ”. Оказалось — пошутил.

Когда гуляем с ним, не даёт покоя: увидев любую иномарку, допытывается: “Ты бы хотел такую машину?”.

Добавление из мая 2008 года. Сбылась Пашкина заветная мечта. И пятнадцати лет не прошло, как он стал обладателем собственного подержанного “Мерседеса” — своего ровесника по возрасту.

Дописал материал о “сталинском вагоне”. А. С. Саркыншаков ещё раз устроил мне экскурсию по нему. Абики показывал уникальный ведёрный самовар из благородного металла. Он крепился стационарно, не мог опрокинуться, а труба выходила наверх через крышу. Самовар — настоящее произведение искусства, ему больше ста лет, но ещё прочитывается по боку марка изготовления с “ятами”. “Поставщик двора его Императорского Величества Николай Иванович Боташов”.

Уже почти склонил Аби Саркыншаковича, что материал надо давать, но он всё ещё сомневается...

Из передачи по российскому ТВ — репортаж собственного корреспондента по Киргизии: “Остров демократии” (так иногда именуют суверенный Кыргызстан. — **Ю. П.**) вскоре может стать необитаемым — выезд из республики русскоязычного населения в последнее время приобретает характер массового бегства. Несмотря на декларативные заявления президента А. Акаева, “некоренные” не видят здесь для себя перспективы и бегут, зачастую бросая жильё, имущество...

Сегодня позвонила Таня Конобейцева: они тоже твёрдо решили уезжать из своей Карабалты, что неподалёку от киргизской столицы. Едут в Германию, несмотря на то, что Таня, уже побывав там, сама видела, через какие лишения и унижения проходят в ней переселенцы из СССР.

А накануне звонила из Алма-Аты Ирка Круч — тоже уезжает в Германию — через месяц... А сколько уже уехало? Удастся ли потом увидеться с Татьяной и Ириной?

Фарс “Россия — Казахстан — единая рублёвая зона” продолжается. Как это всегда случается, политические декларации — одно, а реалии жизни — другое. Как заявляют российские “младореформаторы”, их страна не намерена больше иметь на шее “нахлебников”, а посему готова дать Казахстану свои новые рубли лишь на условиях государственного долга. Для Казахстана это неприемлемо. Тогда вводите свою “промежуточную” валюту, выравнивайте её по курсу с рублём, приводите в соответствие законодательство — рекомендует российский вице-премьер А. Шохин...

Чем всё закончится — одному Богу известно. Пока же Казахстану уготована роль “мусоросборщика” для старых российских рублей, которые стекаются к нам со всех концов бывшего СССР, добывая и без того дышащую на ладан экономику.

Может быть, правы туркмены, которые ввели свой манат? Им хорошо: у них газа едва ли не больше всех в мире и к тому же лучший в мире президент. Ещё недавно был первым секретарём ЦК Компартии республики, а теперь он Туркменбаши — отец всех туркмен.

Скандал на сессии Верховного Совета республики. Генеральный прокурор, говоря о проявлениях коррупции, дважды упомянул фамилию бывшего главы нашей обладминистрации, а ныне вице-премьера А. А. Жабалина. Суть претензии:

Ж. без достаточных оснований освободил от уплаты таможенных пошлин некое казахстанско-чешское предприятие. И ещё: брат вице-премьера — вице-президент международного торгового дома “Ансат”. Этому “дому” наш завод ферросплавов продаёт свою продукцию ниже себестоимости, а тот “гонит” её дальше уже по мировой цене. При этом завод ферросплавов уже лишился выручки примерно на миллион долларов. Кроме того, завод выделил одной из павлодарских частных фирм 850 тысяч долларов, которая при этом не взяла никаких конкретных встречных обязательств. Эти выдержки из прокурорской речи привела газета “Экспресс-К” (бывшая “Ленсмена”).

В ответ на прозвучавшие обвинения А. А. Жабагин решил провести пресс-конференцию. У кого-то в Алма-Ате возникла идея пригласить на неё и павлодарских журналистов. Я позвонил Мишке Чиркову, обретающемуся теперь в высших сферах — пресс-службе президента, и понял, что приглашение это неофициальное. Поразмыслив, решил не ехать...

И вот смотрю по “Новостям” казахстанского ТВ встречу А. А. Жабагина с журналистами. Сначала он пространно говорил о положении дел в экономике, о ситуации с “рублёвой зоной”, а потом коснулся и прокурорской речи. Охарактеризовал касающуюся его самого часть выступления прокурора “как полуправду, которая может быть хуже неправды”. При этом никак не пояснил, что имеет в виду, зато заявил, что у него нет никаких претензий к прокурору, во всяком случае, юридических. Что же касается стороны моральной, то это, мол, разговор особый...

У нас в детстве была такая игра: чёрное с белым не носить, да и нет не говорить... Что-то подобное было и тут. Хорошо, что не поехал...

Приятная неожиданность: на 1 ноября у нас уже 58 тысяч подписчиков. Я рассчитывал в лучшем случае на 40 тысяч. Сегодня долго дебатировали в редакции и решили не прекращать подписку, хотя нам хватило бы и уже набранного тиража. Главное — бумага пока есть, “Местснаб” обещает к концу ноября ещё два вагона (мы эти 80 тонн оплатили), так что какая-никакая перспектива просматривается.

4 ноября

Опять несколько раз начинался буран. Но какой-то невсамделишный... Подразнит — и нет его. Я люблю побродить по бурану, но так и не смог поймать момент: то мне некогда, то бурана уже нет.

В городе по-прежнему сильный гололёд. Наверное, отчасти и он стал причиной гибели нашего бывшего замредактора Л. И. Устюжанинова. Его сбила машина на улице — и сразу насмерть.

Я с Леонидом Ивановичем не работал, в последние годы по его просьбе несколько раз бывал у него дома — снабжал бумагой, авторучками. Близкими наши отношения не стали, но меня поражало его упорство: преодолевая свою физическую немощь, он каждый день писал, вставая ещё до рассвета. Писал главным образом историю своей жизни. Это была исступлённая, горячая работа, вероятно, придававшая некий смысл его одинокой, не слишком устроенной жизни. Некоторое время назад он передал мне увесистую рукопись романа “Захарова борозда”, напечатанную на машинке. Я пробовал было читать и отложил — не впечатлило. Впрочем, и Леонид Иванович не требовал от меня каких-то скорых шагов, связанных с этой его вещью. Теперь тем более не знаю, что с романом делать, что станет с другими его рукописями?

Хоронить будем из редакции. Вероятно, придётся взять часть расходов на “ЗП”...

Звонил в Идринское — разыскал брата Шурку. В редакции его не застал — он уже перебирается к детям в Шушенское. В редакции мне пожаловались, что в последнее время братан попивал и его даже воспитывали, без всякого, впрочем, успеха...

Я ему говорил: если ты думаешь, что можешь жить как жил, то на привязанность детей, которые успели от тебя отвыкнуть, не рассчитывай, они тебя вовсе не станут признавать... Клялся, что всё понимает... И вот... Хотелось бы думать, что это была "прощальная гастроль", но люди в нашем возрасте, увы, редко меняются...

Был на двухэтапном юбилее нашего знатного земляка Музафара Алимбаева. Это казахская традиция — отмечать круглые даты великих земляков на их родине. Сначала аксакала казахской литературы чествовали в Павлодаре, а затем — на родине, в Щербактинском районе. Дарили автомашину, коней, ковры, посуду, чапаны... Последних было так много, что Музафар, казалось, уставал надевать и снимать их.

Сам он, похоже, относился к происходящему не без иронии. Записывал всё на диктофон. Мы с А. М. Мухамеджановым тоже держали речь на банкете в честь юбиляра. Когда мы оказались рядом, М. Алимбаев спросил, какой у нас тираж; я назвал цифру, он переспросил, потом предложил напечатать его новые вещи, которые уже переведены на русский язык. Договорились: он их пришлёт, вернувшись в Алма-Ату.

Кажется, ни один месяц не обходится у нас без пышных юбилейных празднеств. Понимаю: всё это достойные, заслуженные люди, но, мне кажется, не столько на этих тоях популяризируют творчество поэтов, писателей, учёных, сколько гуляют — пьют и едят... Хотя все эти деньги было бы лучше пустить на издание произведений юбиляров.

В Туркменистане теперь официально объявлено о введении национальной валюты — маната. Один манат стоит 500 российских рублей или полдоллара. Так что процесс и вправду пошёл...

7 ноября

День Великого Октября уже второй год не празднуем. И номер сделали обычный. Л. Гришина написала по моей просьбе заметку — считаю, хорошую... "Нынешнему поколению, точно так же, как 76 лет назад, безжалостно свергнувшему прошлых кумиров, нечем пока особенно гордиться. Разрушая, мы ещё не построили ничего такого, чему позавидовал бы весь остальной белый свет...".

Российский театр абсурда действует без остановки. Коллектив совхоза имени Ленина Тульской области выдвинул кандидатом в Совет Федерации своего председателя В. Стародубцева. И всё бы ничего, если не иметь в виду, что он находится в тюрьме — под следствием, как один из членов ГКЧП.

9 ноября

Идея "единой рублёвой зоны нового типа" лопнула как мыльный пузырь. Казахстанская делегация на переговорах, которые длятся уже не один месяц, уверяет: Россия вытолкнула другие республики из этой самой зоны. Кто-то употребил даже более сильное слово — выпнула. А российская сторона говорит: наши законодательства так разнятся теперь, что требуется время для их состыковки...

Президенты, подписавшие политическую декларацию о единой рублёвой зоне, молчат, будто воды в рот набрали, а народ мечется, пытаясь хоть как-то сбыть свои никому не нужные “старые” рубли.

Казахстан собирается вводить собственную национальную валюту. Как скоро это произойдёт, никто не говорит, но, как будто, уже в этом году. Вроде уже завезены эти новые деньги — 54 тонны.

А пока что вышел указ Н. А. Назарбаева, ограничивающий хождение наличных денег. Установлен перечень товаров и услуг первой необходимости, за которые можно будет платить “наличкой” — продовольствие, лекарства, хозяйственные товары повышенного спроса, коммунальные услуги, похороны... Вся остальная наличность зачисляется на специальные счета без права их дальнейшего использования. Речь идёт о “старых” российских рублях, обращение которых, по сути, замораживается.

Народ — в шоке. Ведь практически у каждого есть какая-то сумма наличности, приберегаемая на “чёрный день”. Что теперь с ней делать? Купить что-нибудь ненужное из разрешённого списка или затаиться и ждать обмена? Бедные люди, сколько же можно издеваться над ними?

У нашего семейства — ещё одна связанная с объявленным “мораторием” беда. Ольга сестра Лена затеяла коммерческую операцию: набрала в Новосибирске шоколадок, носков, чулок, колготок, чтобы продать их в Павлодаре. И продала — на 500 тысяч рублей. Поехали они с Ольгой на барахолку — в надежде обменять эти старые рубли на новые — и вернулись ни с чем. Куда их теперь девать?

Вдруг вспомнил о недавнем тое в честь юбилея Музафара Алимбаева — ему, помимо прочего, надарили ещё и денег — миллиона два или три. Что он будет с ними делать?

Б. Н. Ельцин как будто ненароком обмолвился, что не намерен объявлять обещанных ранее досрочных президентских выборов (на июнь 1994 года) и останется на посту до истечения срока своих полномочий, то есть до 1996 года. И ни одного комментария в российской прессе. Только находящийся в Австрии с визитом премьер В. С. Черномырдин тут же одобрил этот шаг, назвав его достойным и мужественным. И правильно: чего церемониться с российской общественностью — главные оппоненты разгромлены, другие загнаны в угол — никто и не пикнет. Впрочем, ещё неизвестно, станет ли будущая Госдума сговорчивее разогнанного Верховного Совета?

11 ноября

Володя Бугаев ездил на родину — в Алтайский край. Привёз снимок: на “условной” границе Казахстана и России — Кулундинского и Щербактинского районов, прямо на автотрассе, россияне установили бетонные “ворота” — основу будущего ангара, то ли пограничного, то ли таможенного... Рядом сиротливо притулился памятный знак в честь 250-летия добровольного присоединения Казахстана к России.

Словом, будут нам скоро “прозрачные границы”, совсем недавно объявленные на весь мир Б. Н. Ельциным...

13 ноября

Историческая суббота. Объявлено о введении национальной валюты — тенге, достоинством 100, 50, 20, 5, 3 и 1. Курс: один тенге за пятьсот российских рублей. Обмен продолжится неделю, обменяют по сто тысяч рублей на брата. Акция будет одноразовой.

Прошёл сегодня по магазинам. Народ мечется в бесплодных попытках хоть чем-то отovarить “лишние” обесцененные рубли. Но либо прилавки пусты, либо магазины вовсе закрыты. Торгуют лишь хлебом и молоком, за которыми большие очереди. Всё продают по паспортам. Даньке вчера не дали хлеба, пока прибежал домой за Ольгиным паспортом и вернулся в магазин — хлеб кончился. Никак мы не можем без идиотизма.

На барахолке самые дешёвые сигареты стоят полторы-две тысячи рублей за пачку. Цены на мясо (на базаре) выросли с прежних трёх-четырёх тысяч за килограмм до 10-17 тысяч.

Теперь о событиях, предшествовавших исторической субботе. На четверг выдали номер с интервью начальника облфинуправления В.З. Бочина, в котором он весьма критически отозвался об идее введения национальной валюты. Считает: надо было соглашаться на любые кабальные условия, но оставаться в рублёвой зоне, потому что в Казахстане нет надёжной производительной и валютной основы для стабильного обращения собственных денег.

Публикация вызвала бешеный гнев у главы обладминистрации. Он вызвал Бочина и, обвинив его в непрофессионализме, аполитичности, противодействии линии правительства, предложил написать заявление об уходе с поста начальника облфинуправления.

Может быть, интервью и не давало повода для столь резкой реакции, однако момент для его публикации мы выбрали крайне неудачный и, хотели того или нет, но подставили Бочина. Есть тут и моя вина — я должен был предупредить Виктора Захаровича о возможных последствиях.

Чем дело закончится — не знаю. Я постарался убедить Бочина, чтобы сам он заявление не писал, просил поддержки у его шефа — замглавы А. С. Павлова, который тоже против этой отставки.

А глава обладминистрации жаловался на меня Сергею Гурбунову: Поминов ведь профессионал, бывает на всех наших главных совещаниях, в курсе дел, что же он так себя ведёт в такой момент, подогревая страсти?

Интервью это готовил по собственной инициативе Ю. А. Ковхаев, с которым мне уже давно надоело “собачиться” по каждому его материалу. Вот и оказываюсь меж двух огней. А в данном случае из-за нас может пострадать и доверившийся нам человек — хороший, между прочим, мужик.

Вчерашняя пятница была чем-то сродни тем временам, когда мы публиковали доклады генсеков на съездах партии. С утра нас с А. М. Мухамеджановым и председателя телерадиокомпании А. М. Ажибаеву вызвали к главе обладминистрации, и он в присутствии своих замов показал нам большой синий пакет с грифом “Совершенно секретно”, в котором, по его словам, находятся документы особой важности (об их содержании ничего сказано не было), и мы должны будем опубликовать эти документы, как только поступит сигнал. Когда он поступит — неясно, возможно, сегодня, и нам надо быть готовыми работать в особом режиме. Тут же договорились задержать выход субботнего номера, оставив в нём до полутора-двух полос для предполагаемых материалов.

Уже с утра нас предупредили по телетайпу, что в восемь часов вечера по телевидению выступит с важным сообщением Н. А. Назарбаев. Нам было бы куда проще, если бы нам заранее сообщили примерный объём его речи и других материалов, если таковые будут, и мы бы спокойно делали оставшуюся часть номера. Но нет, режим дурацкой секретности держали до самого вечера.

Незадолго до времени “икс” мне позвонил из “органов” знакомый подполковник и попросил срочной встречи. Я думал — речь пойдет о подготовленном к печати письме “Славии”, отстаивающем идею двойного гражданства, которое я уже снял из этого номера в связи с сегодняшней ситуацией. Приготовил письмо и комментарий к нему прокурора области: вот, мол, смотри сам — всё сделано профессионально.

Но оказалось — он совсем по другому поводу. Им поручили обеспечить секретный режим работы с теми самыми документами, которых мы ещё в глаза не видели, в обеих редакциях и в типографии. И для этой цели выделено аж три ответственного.

Я позвонил А. М. Мухамеджанову и директору “Полиграфии” Г. А. Кузину, попросил прийти, после чего мы, уже четвером, стали обсуждать, как будем обеспечивать этот самый режим...

В шесть вечера опять позвали к главе. Нам было объявлено о переживаемом историческом моменте — введении национальной валюты (конверт вскрыли без нас), о нашей особой ответственности. Затем возникла заминка — не знали, как осуществить приёмо-передачу документов... Вызвали “секретчицу”, и она в своём кабинете отдала нам под роспись девять документов: указы, постановления, инструкции...

На работе были в семь вечера. Там нас уже ждали трое молодцев из “органов”, чью миссию, которой они, похоже, и сами тяготились, я так и не понял. Куда мы могли деть эти бумаги, если уже через час о них узнает вся республика, и не только она? Предложил им чаю, дал шахматы...

Вычитали с В. Г. Семерьяновым материалы, распределили по полосам, заслали в типографию и стали слушать по ТВ выступление президента. Выглядел он уверенно, говорил спокойно: всё было сделано для того, чтобы остаться в рублёвой зоне, но выдвинутые Россией условия оказались неприемлемыми; это не повод для разрыва отношений, все связи будут сохранены, как и свободное перемещение людей и капиталов. Курс тенге по отношению к рублю будет устанавливаться через доллар.

Работу над номером закончили около полуночи.

Вчера же получил, наконец, свою книжку “Помню и люблю”. Такое событие, но даже порадоваться в суете не успел. Одновременно вышла и ковхаевская книжка “Волька Баклан”. Наш Димка не преминул заметить, что ковхаевская по содержанию лучше моей; он, мол, очень сожалеет, но что есть, то есть... И добавил: такой уж он (Димка) человек — любит иногда говорить гнусности, таким мы его воспитали. Я, замордованный дурацкой круговертью, отвечал что-то вроде: пусть так, хотя, может быть, со временем ты станешь думать иначе.

Стоят морозы — за тридцать градусов, но они даже приятные, сухие, без ветра. Хорошо в такую пору на улице. И в редакции тепло — не зря ремонт делали. Хотя метеорологи уверяют: таких морозов в эти дни ноября не было с тридцатых годов.

Продолжение следует.

Догалак ОСПАНОВ

“Только ты мне — из надежд надежда...”

Где-то село есть

Памяти Сергея Кипера из Чернозубовки

Не пора ль остыть мне и прервать свой поиск,
Резко оглянуться, да — в своё село?
Говорят, в Рузаевке намело по пояс,
Говорю: в Рузаевке будет мне тепло!

Там живут — я помню! — непростые парни,
Грешному, мне с ними будет по пути.
Мы оплачем юность под надрыв гитарный, —
Только бы мне вырваться, только бы дойти!

Там дожди — что надо, а ветра — под стать им,
Не с того ль, ребята, мне так серо тут?
Здесь и сам, случайный, я смотрюсь некстати,
Знать, пора вернуться в край, где, может, ждут.

Пусть любовь была там не всегда взаимной, —
Для меня нет города ярче той глуши!
Мы о сокровенном не слагаем гимны,
Сочинил вот песню я — просто для души.

Догалак Рахмеджанович ОСПАНОВ

родился 11 ноября 1950 года в Рузаевке Кокчетавской области, там же окончил среднюю школу, проработал год корректором, литсотрудником редакции районной газеты “Ленинец”. В эту редакцию же вернулся в 1976 году после окончания факультета журналистики КазГУ имени С. М. Кирова. С осени 1986-го до января 1992 года был заместителем редактора кокчетавской районной газеты “За коммунизм” в селе Красный Яр. Затем два года работал в Кокчетаве корреспондентом ведомственной газеты “Экологичес-

кий вестник” Кокчетавского облуправления экологии и биоресурсов.

В марте 1994 года переехал в село Юргинское Тюменской области Российской Федерации. Был фотокорреспондентом, корреспондентом, заведомом социальных проблем районной газеты “Призыв” до лета 2000 года. Ныне на контракт-

ной основе печатается в различных периодических изданиях. Стихи Д. Оспанова вошли в вышедшие в Тюмени два сборника лирики юргинских поэтов, опубликованы в литературно-краеведческом альманахе “Врата Сибири”.

В “Ниве” выступает впервые.

Эту песню в клубе друг аранжирует,
Озаглавим чинно, милым посвятим.
Стол наш будет скромным, кто ж из нас жирует?
Всё ж, хоть ночь, рузаевцы, ох и посидим!

И всерьёз скажу вам, как могу, как знаю:
“Мы ещё прорвёмся, лишь бы быть людьми!
Лишь бы процветала сторона родная,
Занимая в сердце материк любви!”

Неповторимое бесценно:
Нет мне дороже тех часов,
Когда бродили мы бесцельно
На фоне собственных же слов.

С годами проще жить на свете:
Пришёл сентябрь — и листья жги.
Но неслучайно бабьим летом
Грустят украдкой мужики.

И я под старость неслучайно
Веду подсчёт сторовших лет...
Под утро рядом с кружкой чая —
Стихи на кухонном столе.

Слишком много вчера заброшено,
Чтоб сегодня что-то иметь;
Разменяли мы золото прошлого
На паскудно неверную медь.

Нас уже величают по отчеству,
Отцвели, да не дали плодов.
Невозможного больше не хочется,
И со лба не сползает ладонь.

Нет друзей, — с кем сегодня вы, лучшие?
Нет рассветов — закаты строги.
Горек запах надежды дотлевающей,
Сколько там — до последней строки?

Мясорубкою будней изжёван,
Гробом вижу и школьный пенал...
Мне б лишь знать, что не будет дешёвой
Та строка, за которой — финал.

Над окном слезящимся
Кровля нависает,
Словно дом надвинул
Кепку на глаза.

Знать, дома — как люди:
Если их бросают,
Плачут, но пытаются
Боль не показать.

Ты не пройдёшь незамеченной,
Если бы и захотела,
Девочка — девушка — Женщина,
Быстро же ты повзрослела!

Юностей несовпадение,
Господи, непоправимо!
Я прохожу тихой тенью,
Может, и рядом, да — мимо.

К вечеру и не вспомнишь,
Кто там кивнул тебе грустно...
Я ухожу — не догонишь,
Только вот... и не отпустишь!

Дай утонуть в твоих глазах, —
Желанней нет конца иного!
Как много хочется сказать,
Но лучше, милая, — ни слова.

Как сложно всё переплелось!
Но разрублю, и сам заплачу,
Что снова чудо не сбылось,
И проще надо жить, — иначе.
И ждать, когда же отболит
Та боль, что сам себе доставил...
Уехать бы на край земли
И жить, не открывая ставней!

Но ведь пробьётся и туда
Сквозь время и пространство взгляд твой,
И позабуду я тогда
Свою мальчишескую клятву
Уйти, забыть, не вспоминать,
Не сравнивать тебя с другою...
Как далеко ты от меня,
Хоть рядом мы пока с тобою!

Я обзвоню лысеющих ребят,
Запью по-русски... Это не поможет!
Как я смогу не думать про тебя,
Когда ты — есть, и нет тебя дороже!

Когда ты есть, и можно позвонить,
А то зайти, уж я нашёл бы повод!
Но... не порвать бы тоненькую нить,
Которой я пока к тебе прикован.

Не погасить бы добрый мой маяк,
А погашу, и курс мой будет ложным;
Мне по душе зависимость моя,
Так не кончайся, праздник мой тревожный!

Я не скажу, ты не поймёшь сама,
Пусть всё пройдёт, куда девать мне память?!
За бабьим летом скатится зима,
За тихой грустью — холодок меж нами.

Я люблю эту Женщину,
Жаль, что с ней я — на “Вы”,
Жаль, иду незамеченным
Мимо... мимо... увы!

Пусть умру неотмеченным
Теплотой её глаз,
Я люблю эту Женщину
Как любил первый раз!

Этот путь бесконечный мне
Стал привычным уже,
Как забыть эту Женщину,
Если — в сердце, в душе?!

Годы... годы... невечны мы,
Вот седею я... но
Я люблю эту Женщину, —
Ей стареть не дано!

Под музыку Вивальди...

Рискованно-раскованно
Нам дышится в апреле,
Его со сладкой грустью
Вспомянем мы, когда
От зелени вчерашней
Потянет остро прелью,
Светлея, успокоится
Остывшая вода.

И всё же будем веселы,
Пока живём в апреле,
Ах как он дирижирует
Оркестриком весны!

Мы вспоминаем песни,
Что в спешке недопели,
К нам в комнаты на цыпочках
Цветные входят сны.

Не проходи подольше,
Дай подышать свободой,
Когда-то не успели
Мы надышаться впрок...
Как радостно-беспечно
Нам бродится в апреле,
А он играет нами...
Отчаянный игрок!

Пусть не боятся кошек
Скворцы, на миг глупея,
Пусть не забывшим юность
Весь месяц не до сна, —
Ведь звонкий день — длиннее,
А небо — голубее,
А мы, брат, молодеем,
И всё это — весна!

Акростих

Видел мелодию, да не услышал,
И не успел записать, чтобы спеть,
Кружится ларго — всё выше и выше,
Тают следы на короткой тропе.
Осенью вспомню, бессонницей мучаясь,
Радость ту тихую, что потерял,
И закручусь о песне той лучшей,
Ясной и чистой, как снег января...

Наталье. Жёнушке моей

Я говорю тебе: “Здравствуй!” —
Значит, велю не болеть.
Милая, тихий мой праздник,
Не проходи тышу лет!

Я говорю: “До свиданья!” —
Значит, вернусь я, примчась, —
Час без тебя длится данью
Всем, кто меж нами в тот час!

Верю, не станешь мне давней,
Нам — понимать и прощать...
Не говори: “Никогда” мне,
Не говори мне: “Прощай”.

Как же так? Календарь мне твердит, что весна,
Похудев на без малого сотню листов,
А на улице — снег как из мутного сна,
И в степи шоферам не найти мягких слов.

Я так ждал свой апрель, ну а мне — Юрьев день!
Мне подсунули осень, зря шубу снимал,
Календарь, что наводишь ты тень на плетень,
Ведь на улице — снег и на сердце — зима!

Мой апрель заблудился меж сопок в степи,
Где мелькают отчаянно фары машин,
А на улице — снег... может, печь затопить?
Как вчера я к апрелю душою спешил!

Этот ветер сырой, этот серый рассвет...
Лебединая песня зимы — не про нас!
Твой звонок телефонный, твой звонкий: "Привет!",
И бегу я по снегу:
"Ну здравствуй, весна!"

Аэропорт-разлучник

Мне нескоро доведётся снова,
Угощаясь самым сладким ядом,
Охмелеть легко от полуслова,
Полужеста, даже — полувзгляда.

Наша встреча — тоненький огарок:
Догорит... погаснет и — исчезнет,
И она же — лучший твой подарок
Мне за то, что пред тобой я честен.

Только ты мне — из надежд надежда,
Что не даст залезть в запой иль в петлю,
Потому и маюсь я так между
Встречами... когда же нам допеть их?

Вот динамик хрипло предлагает
Проходить в холодный накопитель,
Командир, — уходит Дорогая,
Вы уж там... побережней летите!

Малыш, расстаёмся,
Как будто сдаёмся,
Ещё не остыв
И ничуть не устав,
Без нашего спроса

сейчас нас разбросит
веками хранимый
нелепый Устав.

Да, были мы вместе,
но станет мне мезтью
По каждый апрель
Приходящая боль,
Зря морщусь я постно:
Что — после? Всё поздно!
Как странно молчишь ты...
Малыш, что с тобой?

Бетонное поле
Так жутко, до боли
Разделит на два
То, что было одним,
Взметнётся “Як-40”,
Там будешь ты скоро
С тем, кто и не ждёт...
Тем не менее — с ним!

Твой город, как странно,
Теперь — иностранный,
Меня, как чужого,
Приняв, не поймёт,
Когда прилечу я,
Вёрст в небе не чую...
Динамик прокашлялся:
Твой самолёт!

— Прощай? — До свиданья!
Без слёз, без рыданий
Проходит мой праздник,
Уходит... ушёл!
Без нашего спроса...
Курить, что ли, бросить? —
Так больно кольнуло,
Так не-хо-ро-шо...

Жизнь начинается...

— Откуда в небесах вода?
— А кто в трубе так жутко воет?
Жизнь начинается, когда
Почувствуешь, что всё — земное.

Пускай в немыслимую вязь
Сплетает детство быль и небыль, —
Ты сознаёшь вдруг эту связь
С огнём, с водой, с землёй и небом,

С травой (всё лето босиком!),
Со скоростью (ничем не связан!),
С зимой (как яркое снежное ком!) —
Со всем и всеми... Жизнь — как праздник.

Стекает детство в никуда,
Что веселило — вдруг заботит,
Жизнь начинается, когда
Ты сознаёшь, что жизнь — работа.

Прекрасно, что в работе той
Ты видишь расширение связи
С Землёй — и грешной, и святой,
Которой жизнью ты обязан.

Приходит Женщина... Беда
И Счастье — Женщины той имя,
Жизнь начинается, когда
Ты тонешь в нежности к любимой,
Когда терзаешь телефон,
И почты ждёшь, как ждут подарка,
А всё вокруг — лишь бледный фон
Твоей любви, печально-яркой...

Пыль стряхнув со сборника Рубцова

Сколько ж лет и зим мы без Рубцова!
Кем он был и что теперь он значит?
Пели мы с причмоком леденцовым,
Пошленько стихи переиначив,
Пели мы о листьях улетевших,
Пожалев любовь его и нежность,
А сейчас иные песни тешат,
Помянуть бы Шарфика, да где ж нам?..
Почитал сейчас, и так свинцово
На душе... Спросить бы Ту, и — прозой! —
Женщина, убившая Рубцова,
Как тебе в крещенские морозы?!

Галина КРАВЧЕНКО-ЖАМПЕИСОВА

Память сердца

*Посвящается моим родителям —
Анатолию Брониславовичу и Ольге Адамовне
Кравченко, активным участникам
партизанского движения в Белоруссии*

... В 1940-м году весна пришла рано. Земля была готова принять в своё лоно новое семя, обещая богатый урожай. Рабочих рук не хватало в семье Адама Гусинца. И хотя сыновья, Михаил и Фёдор, работали с утра до ночи, всё равно они не справлялись со всей работой.

Как-то вечером к ним постучали, и на пороге появился высокий, лет двадцати с небольшим парень. Голубоглазый, с тёмными волнистыми волосами.

— Добрый вечер, панове, — произнёс незнакомец.

— Добрый вечер. Проходите, кали ласка, — отвечал Адам на белорусском диалекте.

— Я ищу работу. Умею всё делать по хозяйству. Работать буду добросовестно, если возьмёте, — заметно волнуясь, продолжил молодой человек.

— Вообще-то мне нужен работник... Сев на носу.

— Я готов помогать!

— Ладно. Проходи. Как тебя зовут?

— Антон. Я из Восточной Белоруссии. Антон Рудобельский.

— Поляк, что ли?

— Поляк...

— Присаживайся к столу, вечерять будем. Посмотрим, какой из тебя работник: как есть будешь, так и — работать, — уже с улыбкой сказал Адам.

Из сеней вошла высокая, красивая женщина с полным ведром молока — жена Адама Степанида.

— Стеша, я работника нанял. Поляк, Антоном зовут.

— Ну и ладно, лишь бы хорошо работал, — ответила жена и прошла на кухню, стала греметь посудой.

В это время в комнату стремительно влетела девушка, лет восемнадцати, с короткой стрижкой и такими же голубыми, как у матери, глазами.

— Папа, я уже управилась во дворе! Можно на посиделки?

Увидев рядом с отцом незнакомца, она смутилась:

— Мам, а это кто?

— Отец работника нанял. Поляк он, из Восточной Белоруссии.

— А-а... Красивый какой!

— А ты, Оля, не заглядывайся. Неизвестно ещё, что он за человек.

— Да я и не думаю заглядываться!

— Вот и хорошо. Будем подавать ужин. Вон и Федя с Мишей идут.

Пожинав, мужчины вышли покурить. Потом Адам повёл Антона в сарай, где было пять коров, две лошади, три кабана и десяток овец.

— Вот моё хозяйство, Антон. Принимай!

Так и зажил Антон в Западной Белоруссии, в семье единоличника Адама Гусинца.

Оля потихоньку стала привыкать к парубку. Он держался скромно, работал добросовестно и, конечно, не упускал случая украдкой поглядывать на Олю. По воскресеньям она ходила в церковь, пела там в хоре, на парней раньше не заглядывалась, а вот Антон ей приглянулся...

Как-то вечером, закончив домашние дела, Оля вышла за калитку, села на лавочку у забора. Издалека доносились звуки гармошки — молодёжь собиралась на посиделки. Появился в воротах Антон. В поводу он вёл стреноженных лошадей. За оградой он отпустил их пастись, а сам подошёл к Оле:

— Какой тёплый вечер... Может, прогуляемся? Слышишь, молодёжь собирается? — негромко, как будто готовый к отказу, предложил Антон.

— Не знаю. Надо бы маму спросить... — растерялась Оля.

— Сходи, спроси. Я подожду, — просяще выдал из себя Антон.

— Ладно. Я быстро, — она вскочила и пошла к дому.

Антон чувствовал — тянет его к этой кроткой девушке. Её синие, как небо, и такие добрые глаза не давали ему покоя. Отец девушки с ней был очень строг, да и Антона с самого начала предупредил, чтоб "не шалил", не обидел бы ненароком ребёнка...

И Антон придерживался этого требования. Он чувствовал, что и Оле он не безразличен, хотя она и не показывает этого. Её ласковое слово, взгляд, одно то, что часто она по делу и без дела просто оказывалась рядом с ним, — всё это говорило Антону, что он ей интересен. Оля никогда не кичилась тем, что она — дочка хозяина.

"Сегодня же поговорю с ней, — решил Антон, — и постараюсь убедить её: она мне нужна. Не для баловства. По-настоящему!" — так думал Антон.

В эту минуту дверь дома хлопнула, и кто-то вышел на улицу. Это была мама Оли:

— Антон, Оля никуда не пойдёт. Мала ещё. Рано ей ходить по ночам. Да и тебя мы ещё мало знаем, — и вернулась в дом.

Антон вспыхнул, но слов, чтобы ответить чем-то, не нашёл. Он отправился на сеновал, где ночевал. Расстелил овчину и лёг на спину, закинув руки за голову. Долго лежал с открытыми глазами. Нет, он не отчаялся. От Оли он не откажется. Он упрямый. Он добьётся, его оценят. Все...

Было уже поздно. Деревня затихала. Сон опускался на землю, давая отдохнуть всему живому.

Наутро мужчины отправятся косить сено. Июнь заканчивался. Нужно успеть с кормами до сезона дождей. В Белоруссии дожди если зарядят, так на целую неделю. И вот, пока "вёдро", надо работать не покладая рук.

Оле не спалось. Она тоже думала об Антоне. Ни один деревенский парень не вызывал такого интереса, как этот чужак. Неужели он — её судьба? Сердце волнуется, замирает при встрече с ним. Что же это? Неужели любовь? Сегодня он, наверное, обиделся. Чувствовала, Антон хотел ей что-то сказать, а отец не отпустил с ним. Но что же делать? Если и он полюбил, так пусть будет настойчивей. Пусть неудачная попытка не остановит его... Так думала Оля под ровное дыхание матери, уснувшей рядом.

... Один день сменял другой. За сенокосом пришло время уборки урожая. И мужчины, и женщины были в поле. Антон на косилке, запряжённой парой лошадей, валил рожь. Оля и Степанида вязали снопы и складывали в копны. Миша с Фёдором увозили снопы домой. Как только весь урожай будет перевезён, рожь обмолотят, отвезут на мельницу, и, значит, обеспечат себя мукой.

В полдень все, изрядно утомившиеся, собрались в холодке: время обедать. Степанида наделила каждого чашкой кислого молока и большим ломтем ароматного хлеба. Перекрестившись, молча начали скромную трапезу. Потом, пережидая зной, прилегли отдохнуть, и всех сморил сон. Всех, кроме Антона. Он долго наблюдал за Ольгой. Ровное её дыхание то поднимало, то опускало девичью грудь, лёгкий ветерок ласково щекотал лицо... Антон не удержался и, наклонившись к ней, нежно поцеловал её в щёчку. От прикосновения Оля вздрогнула, открыла глаза.

— Антон, увидят же, — только и прошептала она...

— Пусть видят. Я люблю тебя. Неужели ты ещё не поняла?

— Я отца боюсь...

— А ты не бойся. Ты любишь меня?

— А ты сам-то не понял?

— Пойдёшь за меня?

— Пойду...

Антон опять потянулся к Оле и поцеловал уже по-настоящему. Оля не оттолкнула его и ответила на поцелуй.

До начала войны оставалось меньше года. Но кто же знал об этом? Народ жил мирной жизнью. Молодые женились, строили планы на будущее, рожали детей...

В конце августа Антон решился-таки просить у Адама руки его дочери.

Было воскресенье. Вся семья отправилась в церковь. Антон пошёл вместе со всеми. Мужчины, одетые в белые вышитые сорочки, подпоясанные цветными кушаками, в лёгких фуражках и хромовых сапогах, начищенных до блеска; женщины — в белых блузках, тоже вышитых, в широких чёрных юбках, в белых батистовых платочках на голове.

Впереди важно вышагивал Адам, за ним — Михаил, Фёдор и Антон.

К Антону в семье так привыкли, что уже не отделяли от своих членов семьи. И спал он уже не на сеновале, как вначале, а в отведённой ему боковой комнатке с кроватью и столиком. Порядочный и скромный парень, — по-другому о нём не говорили.

“Сегодня или никогда”, — подумал Антон, выходя из церкви. И когда вся семья собралась за обеденным столом, Антон вдруг встал и заговорил:

— Адам Казимирович, Степанида Петровна! Я живу и работаю у вас уже долго. Вы, я думаю, поняли, что я за человек. Сегодня я хочу просить руки вашей дочери Ольги. Мы с ней любим друг друга.

Оля покраснела. Но решительно ответила: — Да, папа. Мы просим вашего благословения.

Адам удивлённо поднял свои густые рыжие брови:

— А когда это вы успели полюбить друг друга? Ничего такого не замечал...

Вмешалась Степанида:

— Да разве за ними усмотришь? Как будто ты сам молодой не был! Антон — хороший парень, надёжный. Оленьку не обидит..

Отец смотрел на покрасневшую Олю, взволнованного Антона.

— Хорошо, — согласился после паузы отец. — Раз вы решили, я не против. Дочка у меня одна, и я ей желаю только счастья. Тогда в октябре и свадьбу сыграем...

За приготовлениями к свадьбе время пролетело быстро. “Бабы” лето было в разгаре. И вот в один из воскресных дней этой чудесной поры

состоялась свадьба Антона и Ольги. Счастливее их, казалось, не было на свете. Обряд венчания проходил в деревенской церкви.

Началась семейная жизнь. Молодым Адам и Степанида выделили самую большую светлую комнату. Антон всё так же работал в поле. Оля помогала матери по дому. Спустя некоторое время она почувствовала, что станет матерью. Весной Адам выделил им участок земли и сказал:

— Вы теперь отдельная семья. Скоро появится ребёнок. Стройте свой дом, заводите хозяйство. А мы поможем.

Отсевшись, Антон начал припасать лес для нового дома. Но не суждено им было дом построить...

Фашистская Германия напала на Советский Союз. Мужчины, которые могли держать в руках оружие, были мобилизованы в армию.

К тому времени Антон и Оля уже стали активистами, вступили в комсомол.

По решению райкома партии города Волковыска самые надёжные из комсомольцев были оставлены для подпольной работы и организации партизанского движения в крае. Антон оказался в их числе, но Оле об этом ничего не сказал. Через месяц она должна родить, и он оберегал её от любых потрясений. До особого распоряжения Антон продолжал заниматься обычной будничной работой.

А фашисты продолжали наступать и завоёвывать белорусскую землю. Пал, но не сдался Брест, взят Минск, вместе с жителями сожжена Хатынь...

Но народ не думал сдаваться: он изменил свой образ жизни.

По распоряжению секретаря Гродненского областного комитета партии специально отобранные люди уходили в партизанский отряд, который был создан в Беловежской пуще. Многим активистам было предложено устраиваться на работу к немцам, чтобы при первой же возможности вредить им. Мстить за поруганную родину.

В июле Оля родила сына, назвала его Анатолием. Мальчик родился крупным, здоровеньким. Оля была счастлива, Антон — вдвойне. Но беспокоила мысль: как он оставит сына и жену, когда поступит приказ уходить в лес?

Как-то вечером Антон вошёл в свою комнату. Оля, только что искупав ребёнка, готовилась его кормить. Антон подошёл, обнял Олю, поцеловал сына, старавшегося схватить розовый сосок материнской груди. Малыш забавно хмурился. Они смеялись, глядя на его старания. Вот, наконец, этот кроха добился своего и стал причмокивать. Антон присел рядом, наблюдал. Мысли его были далеко: сегодня ему сообщили, что на следующей неделе он и ещё пятеро мужчин из их деревни должны уйти в партизанский отряд.

— Жена, вот какие дела, — начал он. — Ты знаешь, идёт война, и мужчины не должны отсиживаться по норам — только бы их не тронули...

— Я знаю. Знаю, ты должен уйти в отряд. А придут в деревню фашисты? Они ведь никого не пожалеют...

— Я всё понимаю, но сделать ничего не могу. Я вступил в партию и обязан делать то, что от меня требуется: воевать.

— Хорошо. Видно, это наша судьба. Когда тебя собирать?

— На следующей неделе. Нужны тёплые вещи, сало, хлеб. Если про меня будут спрашивать, говори, что в район уехал.

Расставание было тяжёлым, но Оля держалась, не плакала: зачем травить душу любимому человеку, ему и так тяжело.

Обняв напоследок жену, Антон подхватил вещмешок и вышел во двор. Там его уже ждали. Оля, погасив лампу, ещё долго лежала с открытыми глазами: что будет с нею, с сыном? С престарелыми родителями? Братья уже на фронте. Как они там, живы ли?

Наутро Адам спросил дочку:

— Оля, Антон надолго ушёл?

— Не знаю, отец.

— Да, трудно нам будет без него. Придётся скот продать, оставим одну корову, как малышу без молока...

Назавтра Адам погнал скот в Волковыск и к вечеру вернулся. Рассказал, что немцы заняли Гродно, и, наверное, скоро будут у них. Стало совсем страшно. Чтобы хоть чем-то занять себя, Оля набросила на плечи телогрейку — стоял ноябрь. Пошла в дроварку, набрала полное ведро торфа, берёзовых полешек, заготовленных Антоном, и вернулась в избу. Быстро разожгла печку, и в доме сразу стало теплее, уютнее.

В заботах и волнениях время летит незаметно. Сынишка подрастал, уже сидел, пытался ползать, вставать на ножки. На топчане в углу комнаты стояла отцовская гармонь-трёхрядка. Толик подбирался к ней и тянул за меха. А Оля вспоминала, как играл на гармошке Антон. Все в доме любили эти минуты.

В марте сорок второго, когда весна начала пробивать себе путь, Адам посмотрел в окно, которое выходило на соседний двор, и крикнул дочери:

— Оля, немцы!

К тому времени они знали, сосед ушёл с Антоном в партизанский отряд. А теперь всю их большую семью выгоняли из дома — полуодетых, без вещей

Оля подбежала к окну и ужаснулась: солдаты в серых шинелях и в касках со свастикой прикладами толкали женщин, детей. Слышны были крик, плач.

— Мама, нам надо уходить, и немедленно.

— Дочка, куда мы, старые, больные, да с малым дитём? А тебе надо бежать! С ребёнком оба погибнете. Беги одна!

— Нет, я ни за что не оставлю сыночка, что я Антону скажу, как объясню, что бросила его, малюточку, на съедение этим поганым волкам, — рыдала Оля.

Отец подошёл к дочке, обнял, сказал своё веское слово:

— Мать права: видно, судьба такая. Одевайся быстрее, беги. Ты ещё так молода...

Адам силой отнял у неё ребёнка, передал его Степаниде, кинул Ольге полушубок и подвёл к кухонному окну:

— Давай через окошко... Прощай, беги, о нас не думай, постарайся выжить.

Оля, устав сопротивляться, подчинилась.

Фашисты уже поворачивали к их дому. Оля, пригнувшись, кинулась к сараю, там, за углом, оглянулась в последний раз и побежала в сторону леса. Три дня и три ночи провела она там. Насколько это было мучительно тяжело и страшно, словами передать трудно. Но через трое суток она решила пробраться домой. В доме было пусто и поразбросано. Заглянула в

клуню, нашла кусок сала, завёрнутый в чистую тряпицу, булку ржаного уже зачерствевшего хлеба. “Мамочка моя милая, это ты обо мне думала, спасибо тебе, родная”, — шептала Оля и, давясь слезами, стала есть. Подкрепившись, она обрела способность соображать. Мысли наплывали одна за одной. То ей думалось, что родных угнали в лагерь, который, она знала, есть в большом селе Дубичи, то перед ней вставала страшная картина расстрела...

Чтобы не мучиться неизвестностью, решила сходить на кладбище. Только нужно было дожидаться ночи. Подойдя к кладбищу, она увидела ров, кое-как присыпанный свежей землёй, не скрывавшей чью-то руку, ногу... Она вскрикнула от ужаса, упала на колени и стала, ломая ногти, разгребать руками подмёрзшую землю. Ей в этом, наверно, помогал сам Господь: через какое-то время она наткнулась на своих. Отца узнала по сапогам, мать — по подкладке пальто, а рядом лежало окоченевшее тельце её сыночка. Она завывала, как воеет волчица, потеряв своего детёныша. Она не могла в эту минуту думать о грозившей и ей опасности. Она оплакивала невинно убиенных.

Оля не заметила, как скрылась луна, и на востоке заалела заря. Скоро утро. Ей нужно уходить... Страх не было, была одна сплошная боль, которая не будет покидать её на протяжении всей жизни.

Похоронить своих по-человечески у неё не было никакой возможности. Нужно было думать, как сообщить Антону о постигшем их горе. Ноги её были сильно простужены, она уже не могла нормально передвигаться, а только с палочкой. Хорошо ещё, что дрова и торф были заготовлены на зиму. А фашисты, сделав своё разбойничье дело в их деревушке, ушли дальше.

В один из одиноких горестных вечеров в окно Олиного дома кто-то тихо постучал. Сердце оборвалось: а вдруг это Антон? Оля отодвинула занавеску на окне и узнала женщину: Настасья Павловна, учительница. Та кивнула ей, предлагая выйти. На улице было темно, хоть глаз выколи.

— Здравствуйте, Ольга! Я за вами, меня Антон прислал. Мы всё про вас знаем, собирайтесь.

— Я не дойду, мои ноги...

— На опушке леса будут ждать подводы. Мы заберём всех, кто остался.

Оля быстро собралась и вместе с учительницей направилась в сторону леса. Там уже собирались уцелевшие. Олю посадили на телегу, укрыли кожухом. Путь был неблизкий. К утру у неё поднялась температура, она вся горела. Видно, сказался и стресс, который она перенесла. Подошла Настасья Павловна:

— Крепись, Ольга Адамовна. Война никого не щадит. Мы бьём этих гадов и обязательно добьём. Вместе с армией. Весь народ поднялся. Поправишься, встанешь на ноги и тоже будешь мстить. Антон ваш жив-здоров, скоро встретит, вдвоём вам легче будет.

Но вот первые подводы остановились, и Оля услышала:

— Стой! Кто идёт?

— Свои. Мы людей привезли.

— С вами Кравченко Ольга?

Это был Антон. Оля узнала его голос. Это он встречал обоз.

— Я здесь, Антон! — крикнула Ольга, выбираясь из-под кожуха.

Антон подбежал к ней, обнял, Ольга разрыдалась.

— Не плачь, не одни мы пострадали. У наших соседей пятерых малолетних детей расстреляли. Будь они прокляты, фашисты... Закончится война, и, если останемся живы, нарожаем много-много детей. Три мальчика и три девочки. А теперь идём в землянку. У нас фельдшер, он тебя осмотрит.

В землянке их встретил пожилой мужчина.

— Здравствуйте, — произнесла она слабым голосом.

— Здравствуй, паненка, проходи, кали ласка. Что болит у тебя, дочка?

— Ноги.

— Снимай бурки. Антон, дай тазик с тёплой водой. Ноги погреем, смажем гусиным салом.

Так началось её восстановление. Через два месяца Оля встала на ноги и стала проситься на задание, в разведку вместе с Антоном. Началась её партизанская жизнь. Всякое было: и огорчения, и потери, и радости. Но их как бы охранял Всевышний! Антон в одном из боёв получил ранение — пуля прошла через кисть руки, не задев кость.

Ещё год Антон с Олей партизанили, а когда был освобождён Минск, их отряд расформировали.

Они вернулись домой. Всех невинно погибших похоронили в братской могиле. Но сумевшие опознать тела родных могли предать их земле отдельно. Так поступили и Оля с Антоном. Только после этого Олина душа оттаяла и успокоилась. Родить она смогла не скоро. К исходу второго послевоенного года родилась дочка Галя, через два года — вторая дочка Валя, а следом сын Валерий, названный в честь знаменитого лётчика Валерия Чкалова. Антона как коммуниста направили на работу в военный комиссариат.

Жизнь постепенно налаживалась. Дети, слава Богу, росли на радость родителям. Оля в них души не чаяла, заботилась о каждом, обшивала, вязала, лучший кусочек отдавала мужу и детям. После военкомата Антона направляли на разные участки: то председателем колхоза, то в сельский Совет, то директором спиртзавода, то секретарём райкома.

Приходилось и много переезжать с места на место. И Оля как настоящая подруга и любящая жена была рядом с Антоном. В 1959 году родилась у них ещё одна дочь — Светлана. Вскоре старшие пошли в школу.

Дети выросли, каждый выбирал свой путь: Галя стала учительницей, Валя музыкантом, Валерий военным, а Светлана театральным режиссёром.

А мама всё так же думает, переживает за каждого, делит с ними и неудачи, и успехи...

Много пережила Ольга Адамовна горя и потерь, но осталась оптимисткой. Ей пришлось перенести и кончину любимого мужа — Антон ушёл из жизни в семьдесят лет, и неожиданную смерть младшей дочери Светланы. Ольге Адамовне уже за восемьдесят, но душой она молода, и, поглядывая в зеркало, она с улыбкой говорит: “Ах, как стареть не хочется!”.

г. Усть-Каменогорск.

Борис ЛУКИН

*“Что не упало,
то и не поднять...”*

Долгота времени

I.

Как ты устал. Скажи, что ты устал.
Земную злую жизнь и боль, и скуку,
ни рук, ни ног не чувствуешь, уста
твои
не следуют ни разуму, ни звуку —
всё — есть, и нет.
Скажи, что ты устал.

Как ты устал.
Не удержишься, скажи,
как вынес ты сомненья и насмешки,
тех, чьи лишь имена, а не дела и жизнь
Потопом смыты...
Ты перескажи,
как стёр поток их торжество навеки.

II.

— Когда мы шли в ковчег, вы проклинали нас.
Вам было не понять, что с нами происходит.
Мы оставляли с вами вашу власть.
Мы от небес не отводили глаз.
Мы верили. Мы убирали сходни.

Мы верили, что беды все пройдут,
и прежнее уже не повторится,
оно лишь в янтаре останется, во льду,
замрёт на слове или на ходу...
Мы к свету обращали наши лица.

**Борис
Иванович
ЛУКИН**

— поэт, переводчик, член СП России.

Родился в 1964 году в Нижнем Новгороде. Работает в “Литературной газете”.

Автор книг стихов “Понятие о прямом пути” (1993), “Междуречье” (2007), “Долгота времени” (2008), “Воздаяние. Три поэмы” (2008) и многочисленных публикаций в российской и зарубежной периодике. Живёт в Подмосковье.

Постоянный автор “Нивы”.

III.

... И всякой плоти, чтоб в живых осталось!
Как повелел Господь, так ты и сделал:
и бабочки, и птицы... всё вмещалось
в единое... ползло, рычало, пело,
своими именами называлось,
а главное — цвело, росло и зрело.

Нам не было покоя, забытья.
Рвались, ревели, звали эти звуки!
Как быть им взаперти, когда у них весна!
Ковчег качало. Крепли жизни сгустки.
И всякой плоти не было числа.

IV.

Мы только-только начинали жить.
Я до сих пор не понимаю, как же
всё бросили, поверив, что любить
так надо, чтоб Ему не стало страшно
за нас...
И нам досталось жить.

И края нет земли, хотя века прошли,
и те, кто нас не знал, и мы кого не знали,
всё кануло.
Ковчег борт дрожит
под натиском воды.
Как мучился Ты с нами!
Не это ль главное?
— Любить — до дна души.

V.

Как будто я — Адам, ты — Ева;
в тех краях
ни краткой тропки нет, и нет дороги долгой;
и даже пыли нет,
одних имён пра-прах
и память пра-пра-предков... Вера... Страх...
... Покинули, а эхо не умолкло...

Возьми же яблоко.

На случай, если мы вернёмся в мир опять,
всегда возможность есть
свести концы с началом,
нам есть к кому прийти и передать
то, что смогли с тобой в пути немалом,
гонимые и грешные — понять.

Трудник

Вернулась речка в берега.
Вновь обжита скворечня...
А мне Ивана-дурака
Судьба легла на плечи.

Не то чтоб завистью влеком,
Но точно — не по чину,
Совсем забыв про стариков,
Почтили дурачину.

Почто заметила судьба,
Свалив под ноги злато?
Была бы вислою губа,
Тогда уж вроде ладно...

Тут — ни горба, ни сундука;
Одна мечта да вера,
Да чуть умения в руках,
Да стыд сидеть без дела.

Таким он вышел на базар
И объявил народу:
— Бери, что хочется глазам;
Плати же — чем угодно.

На золотишко всякий хват;
И отдавали с лишком —
И честь, и совесть, и права
На предков и детишек.

А ввечеру, подбив итог,
Карман наружу вынув,
Забрал с собой Иван, что смог:
Всё, что взвалил на спину.

И вот теперь к земле гнут
Чужие: честь и слава;
И на погостах — крест к кресту;
Безродных птах орава.

Другому б это не поднять...
А дураку — забава...
Растёт под боком ребяшня
Дурацкого всё нрава.

Хоть рядом, хоть издалека,
Гляди, спешу навстречу —
Судьбе Ивана-дурака
Свои подставив плечи.

Воля

Самым трудным было в жизни,
так себя любя, свергать:
на коленях, как о сыне,
помолиться за врага.

Прошептать: Дай силы, Боже,
разум дай и кров.
Пусть помолится он тоже,
чтоб не кровь за кровь.

Но опять душа тревожит,
торит путь земной.
... Вроде бы прощать негоже,
но и враг с крестом.

Холодком бежит по коже
память о живом.
Он — не друг, не брат... И всё же
шли одним путём.

Середина жизни

В. Шемиученко

Ещё не поздно? — я спрошу
Сквозь тыщу вёрст.
И я проделал сей маршрут:
Болот, берёз.

Мелькали дали за окном —
Сургут, Тобольск.
Всё как-то было не темно,
И не спалось.

Потом заспорил мой сосед
Про факела,
И всё искал, где солнце село
И где река;

Курил, забыл совсем про запад,
И спать пошёл.
Я провожал восток глазами:
Семь лун возшло.

— Ещё не поздно! — говорю
Во тьме с собой.
— И если завтра не умру,
Вернусь домой.

То ли день прошёл в заботе,
То ли — год прошёл.
Умереть в рубахе потной —
Грех-то небольшой.
Но прожить хоть день без строчки...
Как без новенькой сорочки
К Господу пошёл!

Междуречье

Венок сонетов

Путь

*Когда бы знать, что это половина
Дарованного Богом бытия,
И жизнь немолодая мех старинный
Ещё устанет на разрыв пытаться.*

*Когда бы путь не показался длинным..
И не пришлось под стать реке петлять,
Дано понять — есть Русская Земля.
И заново слагать напев былинный.*

*Столь милым всё покажется ещё,
Что будут и слова — наперечёт.
Успей узнать, назвать, не перепутать.*

*И различат потом день ото дня:
Что не упало, то и не поднять.
Но каждому свой час назначен судный.*

I. Мир

*Когда бы знать, что это половина
Моя — гадает, ждёт который год.
Ей снятся чудны сны. Меня ли видно,
Иль в зеркале клубится небосвод?*

*Гляди, я выхожу на поединок,
Преодолев забвенья реку вброд.
Иначе угасает древний род,
Мятущийся у жизненной стремнины.*

*Мы рядом, только руку протяни —
С живой водой и мёртвой родники.
И во хмелю родители-сватья.*

*И счастье, если, стоя под венцом,
Постигнешь смысл, не бывши мудрецом,
Дарованного Богом бытия.*

II. Отцы и дети

Дарованного Богом бытия
С лихвой хватает новым поколениям:
По серьгам — сёстрам, синяки — братьям,
И те же пересуды и сомненья.

Жизнь станет камнем, будет отлита
По нашей плоти, ждущей Воскресенья.
Хвала Творцу за вечное терпенье.
Опять весна, и птицы встречь летят.

Потворствуя любви, возлюбишь тело, —
Оно для увядания поспело,
И этого перед душой не стыдно.

Пускай дожди сменяются метелью,
Но тем дороже нам за канителью
И жизнь немолодая — мех старинный.

III. Венок сонетов

И, жизнь немолодая, мех старинный
Венка сонетов с гордостью примерь.
Младенцем в храм вносили на крестины,
Теперь ты в вечность откроешь дверь.

И вот поэт выходит на смотрины
Сквозь времена, пространство, Чудь и Мерь.
И отступает восхищённо смерть.
Звенят катрены, гулко бьют терцины.

Увенчанный златыми кандалами,
Дыханье измеряет он словами.
И с каждым шагом обретают стать

Сонеты, как по шучьему велению.
Пиит иных времён кольчуги звенья
Ещё устанет на разрыв пытаться.

IV. Царство земное

Ещё устанет на разрыв пытаться
Гордиев узел Родины моей
Огнём набегов лицемерный тать, —
Георгия копьё не чует змей.

И нашу крепь, и Божью Благодать,
Торгуя, примеряет по суме...
Сии сокровища не счесть в уме.
Не может человек их взять иль дать.

Наш пост — велик вовеки. Русь Свята!
Дай силы нам во вся дни живота
Не впасть от тягот жизненных в унынье.

И чаемо явленье Божества.
И Пасхи нет без тайны Рождества.
... Когда бы путь не показался длинным.

V. В ту же реку

Когда бы путь не показался длинным...
Но добрили волхвы издалека.
Нам прожитого ноша непосильна,
Да хоженная тропочка легка.

Хоть тенью повернул я вспять с повинной:
И — мама умирает на руках;
Она простила “неслуха”, близка
Её душа моей — одна кровинка.

Крылата тень; но плоть моя земная
Терзает душу, жизни смысла не зная,
Что нажито — боится потерять.

Уж если хлеб насущный дан нам днесь,
То снова повторилось всё, что есть.
И не пришлось под стать реке петлять.

VI. Кануны

И не пришлось под стать реке петлять
Между войной, Ташкентом и Сибирью.
Он просто затерялся средь деляг —
Век двадцать первый, мутный мой пузырьрик.

Я вижу — что листву сжигает тля,
А память накрывает густо пылью,
И страшно забрести пустынной ширью,
Куда Макар телёнка не гонял.

Забыто, что в веках вершило злато.
Вновь поутру, как прежде, тьма разъята
Соборным звоном древнего литья.

Как горних звуков гул — вода с небес.
Каких ещё нам требовать чудес!
Дано понять — есть Русская Земля!

VII. Поэт

Дано понять — есть Русская Земля!
Уходит в смертный бой за взводом взвод...
Заметно поредевшая семья
С названьем гордым — праведный народ.

Нет царства... Где парад у стен Кремля?
Жизнь городская полная забот
Осталась и работы смертный пот...
Да Родины безлюдные поля.

Но нам не выбирать земной юдоли,
Что в Божье воле, то и в нашей доле,
Хоть сложно снова жизнь лепить из глины.

Ты — царь и воин, пахарь и отец,
Но надо выживать — поэт, певец,
И заново слагать напев былинный.

VIII. Спорщики

И заново слагать напев былинный
С утра мой принимается сосед,
Контуженный лет в двадцать на чужбине,
Но избежавший больших ран и бед.

Давно с ним пить желающих не видно:
Нет рядом закадычных непосед,
И только грустный оставляет след
Его с чертями пьяный поединок.

А терпят горе: мать, отец... и дед,
Что с немцем воевал, и тоже сед,
Но это ныне здесь уже не в счёт.

Один младшой врывается во двор,
Извечный с жизнью продолжая спор.
Столь милым всё покажется ещё.

IX. Жить

Столь милым всё покажется ещё,
Хотя сегодня мы с любимой в ссоре.
Какой-то пустяковый недочёт.
Рассеянность моя — для ближней — горе.

А может быть, я здесь и ни при чём?
Забыл спросить тебя о сущем вздоре.
Но что-то страшное читается во взоре:
Не стоит жить, и мир весь обречён.

Как эту боль, любимая, лечить?
Мгновение — и мы с тобой ничьи,
И даже наше прошлое — ничьё.

Я свиток нашей жизни разверну:
Мы доживём до сладостных минут,
Что будут и слова — наперечёт.

Х. Немота

*Что будут и слова — наперечёт,
Не верилось, не думалось, не зналось.
Теперь от книг душе негорячо.
Нет писем. И общаемся так мало.*

*А было — предок, словно звездочёт,
Владеющий магическим кристаллом,
Рассказывал о том, что повидал он.
“Ты помнишь вьюгу?” — начинал вечер.*

*Обычное письмо дарило тайну.
Черёд свой знало всё. Патриархально,
Неспешно шли века, года, минуты.*

*Мир онемевший жмётся у Креста,
Но прежде чем кричать “Распни!”, простак,
*Успей узнать, назвать, не перепутать.**

XI. Узнавание

*Успей узнать, назвать, не перепутать —
Ни бабочки похожей, ни цветка.
Ласкает спину ветерок попутный,
И волны гонит времени река.*

*Песчинки мотыльков сгребу под утро,
Под лампою... О как же смерть легка —
Земля и пепел, срез известняка, —
И распознать в ней то, что жило — трудно.*

*Для этого мы, кажется, живём.
Потомок подчеркнёт карандашом
И вспомнит между делом про меня,*

*Про облачко, звезду и колосок.
Я — север, юг... Я — запад и восток...
И различат потом день ото дня.*

XII. Засека

*И различат потом день ото дня.
Как брёвна — по условленной засечке.
Готовую избу легко поднять
До матицы, до песни на крылечке,*

*До жаркого в моём окне огня
И расторопной жёнушки у печки,
Которой — лишь бы тайные словечки
Шептал, что колокольчиком звеня.*

Уверенно в строфу ложатся строчки:
Как будто в колыбель: сынок и дочки,
И на погост — родители, родня.

И вот почти готов венок сонетов.
Здесь дышит отблеск будущих рассветов.
Что не упало, то и не поднять.

ХIII. Времена и сроки

Что не упало, то и не поднять...
От революций — оторопь и жуть.
Твой сын, Россия, с головы до пят,
Един аз в неразумии лежу.

Завистнику — богач, родне — бедняк.
“Бог помощь...” — я соседушке скажу, —
Выкраивает во поле межу,
С собой не заберёт он даже пядь.

Век двадцать первый, верный мой читатель,
Пойдёшь с сумой или подашься в тати?
Что впереди? Лежат слова под спудом.

Кто б ни был ты, но будет страшно жить,
Не помня о спасении души.
Но каждому свой час назначен судный.

ХIV. Жизнь

Но каждому свой час назначен судный.
И вот Любовь вошла, не постучась.
Хозяиничает, грохает посудой,
Решив, что у поэта жизнь скучна.

А он уже бредёт по первопутку,
Охолонив пыл ражий у ручья.
Помедли, смерть — он музу повстречал, —
Забудь его, оставь хоть на минутку.

Дай вынянчить и выпестовать стих,
Что на руках, как дитяtko притих.
Болит ещё покуда пуповина.

Пусть жизнь даётся раз и лишь одна.
Пусть эту боль не вычерпать до дна,
Когда бы знать, что это половина.

г. Москва.

Родники любви

Я часто бываю в Абая, и скажу вам: многое меняется в архитектурном облике города, улицы тоже получили новые названия: имени 10-летия Независимости РК, Абая Кунанбаева, Курчатова, Ержанова. Одна из улиц близ привокзальной площади названа в честь Иоганна Вольфганга Гёте, немецкого писателя, мыслителя и естествоиспытателя, почётного члена Петербургской академии наук. Его роман “Страдания молодого Вертера”, трагедию “Фауст” любил читать Абай. Смысл жизни — в деянии, повторял вслед за Гёте казахский поэт.

Как известно, Абай охотно переводил на казахский язык не только произведения русских писателей И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, но и Гёте. В музее Абая Кунанбаева сегодня можно увидеть книги переводов казахского поэта. Его “Слова назидания” по своему духу, блестящей романтической иронии близки к “Максимум и рефлексиям” Гёте.

Абай Кунанбаев не устал призывать казахов к познанию культурных достижений других народов.

В “Слове двадцать пятом” он мудро говорит: “Изучив язык и культуру других народов, человек становится равным среди них...”.

Так что вполне логично, что в городе рядом расположены улицы имени Абая и улица, названная в честь Гёте.

Я люблю ходить по центральной магистрали города — улице имени Абая Кунанбаева. Здесь появилось много новых салонов, магазинов, кафе... Здесь расположен музей великого поэта. И если вы зайдёте в этот музей, не пожалеете. Ибо в нём постоянно обновляются экспонаты, появляются новые материалы о жизни и деятельности великого казахского поэта. Здесь я, например, впервые узнал, что в архиве Академии наук бывшего СССР недавно найден дневник первого наставника Каныша Имантаевича Сатпаева, профессора Томского технологического института, академика Михаила Антоновича Усова. Об учителе Сатпаева мне много рассказывала в своё время дочь великого учёного-геолога Меиз Канышевна Сатпаева. Она даже прислала мне в подарок сборник “Основные идеи М.А.Усова в геологии”, изданный в Алма-Ате под редакцией Сатпаева в 1960 году. Эта книга теперь — библиографическая редкость.

Так вот, Меиз Канышевна мне говорила:

— Мало кто знает, что Усов глубоко изучал жизнь и творчество Абая. Он даже цитировал его стихи во время лекций, любил повторять его слова о том, что “качества духовные — главное в человеческой жизни”.

И вот новое подтверждение приязни Усова к великому Абаю. В найденном дневнике Михаил Антонович пишет о своей поездке летом 1921 года в Чингистаускую волость Семипалатинской губернии. По совету К. И. Сатпаева, он гостил там у сына Абая Кунанбаева Турагула, вместе с ним ездил в горы, пил в его юрте кумыс. Михаил Антонович болел туберкулёзом, и лечил себя волшебным напитком.

Появились в музее воспоминания знаменитого жителя Караганды, создателя казахского хора облрадиокомитета, народного артиста Казахской ССР Кали Байжанова. Оказывается, он встречался в юности с Абаем в его ауле, слушал его гениальные, неповторимые песни в исполнении ученика Поэта, — певца и композитора Мухи. Десять песен Абая позже Кали Байжанов включил в репертуар хора Карагандинского радиокомитета. В эфире звучали песни Абая — “Письмо Татьяны”, “Сегизаяк” (“Восьмистишия”), “Козымнин карасы” (“Ты зрачок глаз моих”) и другие.

Песни Абая, прозвучавшие в исполнении Кали Байжанова, высоко оценили композитор А. Жубанов, этнограф А. Затаевич и другие. В своей книге “1000 песен казахского народа” (Москва, 1963 год) А. В. Затаевич писал:

“Абай Кунанбаев из рода Тобыкты — крупнейший из казахских поэтов, родоначальник казахской письменной литературы, родился в 1845 году, а умер в 1904 году, пятидесяти девяти лет от роду. По образованию был он, в сущности, самоучка, так как посещал казахскую школу лишь в течение четырех месяцев, а по-русски понимать и говорить научился от своих друзей-народовольцев, сосланных в Семипалатинскую губернию и там узнавших и искренне привязавшихся к обаятельной личности высокодаровитого казахского самородка. Сам Кунанбаев среди них особенно отличал геолога Михалюка (друга Чернышевского), коего и считал своим главным учителем.

При помощи русских друзей Абай познакомился с творчеством Пушкина, Лермонтова и Крылова, и многие отрывки из их произведений перевёл великолепными казахскими стихами. Он же любил подбирать к ним и музыкальные напевы...”.

Родником духовного изобилия можно назвать творчество Абая Кунанбаева. Его песни, стихи, “Слова назидания”, поэмы “Искандер” и “Масгуд” популярны в народе. Почти на каждом празднике в городе исполняют его произведения, будь то стихи или песни.

Любовь народа к песням, стихам Абая выражена в многочисленных подарках людей, переданных ими музею.

Директор музея Аккайша Рахым познакомила меня с подарками абайцев. Житель города, юрист Дмитрий Иннокентьевич Ким подарил музею сборник песен Абая с нотами для голоса с фортепиано на казахском и русском языках. Эта книга уникальна, она была издана в Алма-Ате в 1957 году к Декаде культуры Казахстана в Москве. На книге — взволнованные слова Д. И. Кима: “На память дорогому музею, носящему имя великого Абая!”.

Девяностолетний аксакал Нурлан Сагиев подарил полное собрание сочинений Абая, изданное в 1945 году в Казахстане к 100-летию великого поэта. На старой книге начертал слова: “Музею желаю удачи, с уважением на долгое хранение передаю эту драгоценную моему сердцу книгу”.

С большим интересом я познакомился с произведениями искусства: картинами, скульптурами, вышивками, коврами с изображением поэта-просветителя. На меня сильное впечатление произвела скульптура бывшего карагандинца, уехавшего в Германию Юрия Гуммеля “Абай-мыслитель”. Но не менее поразил и живописный портрет “Абай с нами”, сделанный недавно скончавшимся жителем города, художником-самоучкой Николаем Канашиным. Сейчас этот огромный портрет занимает чуть ли не полстены в кабинете директора музея. Но дело не в размерах портрета, а в том, что Абай на нём живой, кажется, обратиться к нему со словами приветствия, и он заговорит... Какой силой любви к поэту надо обладать, чтобы суметь кистью передать её!

Многие картины, посвящённые Абаю, я уже смотрел в виде иллюстраций, репродукций в книгах, альбомах... Но одно дело — даже очень хорошие копии, иное — оригиналы. И какое наслаждение созерцать работы наших земляков — скульптурный портрет Жениса Молдыбаева “Абай в юности”, пейзаж Жениса Калиакпарова “Родина Абая”... А вот и оригинальная вышивка — портрет поэта-философа, мастерски сделанная рукой пенсионерки Т. Махамбетшиной. Она же в точности до миллиметра создала копию головного убора отца Абая — Кунанбая, в котором тот ездил в Мекку.

Обилие экспонатов — подарков музею поражает, так огромны признательность и уважение жителей города и района к поэту — основателю литературного казахского языка. Студент Мичуринского сельскохозяйственного колледжа В. Бабенко прислал в дар музею портрет Абая, сделанный на стальном профиле. А местный житель Рашид Кидрасов подарил свою великолепную картину “Абай — защитник народа”. Кстати, Рашид не только страстный поклонник поэзии Абая, пропагандист его творчества, он — первый оформитель музея, его организатор.

В залах музея оживают не только многие произведения литературы, искусства, но и песни Абая. Здесь я впервые увидел пластинки Ташкентского завода грамзаписи. На них ещё в 1970 году были записаны песни Абая “Сегизаяк” в исполнении Ж. Елибекова, “Айтым салем каламкас” (“Шлю, чернобровая, привет”) в исполнении Байгали Досымжанова, “Караганды тунде” (“Горные вершины”) в исполнении Каукена Кенжитаева... Эти песни может слушать каждый, для этого работники музея хранят старый, но и поныне действующий патефон. Пластинки — тоже подарки жителей города музею.

Земляк Абая, акын Толеу Кабдилов четыре раза встречался с великим поэтом в его ауле, когда был подростком. В 1933 году он приобрёл в Кызыл-Орде изданную впервые в республике книгу ранних произведений Абая Кунанбаева на арабском языке. Толеу Кабдилов в 1937 году репресировали, он отбывал срок в разных лагерях, но нигде не расставался с этой книгой. Стихи поэта вселяли в него веру в жизнь, близкое освобождение. На закате жизни он отдал книгу Абая дочери Ажар, живущей в Караганде. А та принесла её после смерти отца в музей.

Теперь эта книга, потрёпанная, но величественная, выставлена на одном из стендов...

В музее хранятся уникальные издания романа Мухтара Ауэзова “Абай”. Здесь же копия статьи Каныша Сатпаева “Выдающееся произведение казахской советской литературы”, опубликованной в журнале “Вестник АН КазССР” № 5 за 1949 год. Она была написана учёным по поводу присуждения Мухтару Ауэзову Государственной премии СССР за создание замечательного романа. В этой статье Каныш Имантаевич отмечает, что наряду с высокими художественными достоинствами роман “Абай” имеет огромное научно-познавательное значение. К. И. Сатпаев подчёркивал:

“Роман “Абай” — не только выдающееся художественное произведение, но и огромный по ценности научный труд. Он, несомненно, всегда будет привлекать к себе внимание специалистов разнообразных отраслей науки. Мимо этой книги не пройдёт ни один историк, изучающий прошлое казахского народа; учёный-филолог почерпнёт здесь богатый материал как в области фольклора, так и в области формирования и становления основ и словаря казахского литературного языка; учёный-этнограф найдёт здесь интересные детали жизни и быта, ныне ушедшие в прошлое...”

Мало кто знает, что о жизни и творчестве Абая писал известный казахский прозаик Сабит Муканов. К. И. Сатпаев дал в 1945 году краткий отзыв о работе Муканова “Абай”. Эта статья впервые опубликована в восьмом томе трудов К. И. Сатпаева, вышедшем в издательстве “Галым” в 2001 году. В ней Сатпаев поддерживает попытку С. Муканова показать Абая как исторического основоположника казахской литературы и как одного из великих поэтов-новаторов, давшего большое количество (свыше 20) оригинальных форм стихосложения.

В городе Абая в средней школе № 5 преподаёт музыку и пение дальний родственник Абая Кунанбаева — Акан Кошубаев. Это довольно даровитый человек. Он родился в ауле Караул Абайского района Семипалатинской области в 1953 году. Окончил в Караганде музыкальное училище имени Таттимбета. Долгое время преподавал в детской музыкальной школе села Караул, затем во Дворце культуры в Атасу Жанааркинского района.

И все эти годы он работал над образом знаменитого певца казахских степей. В июле 1995 года в Жезказгане проходил 7-й областной фестиваль народного творчества “Голос Байконура”. И Акан Кошубаев отличился! Как писала газета “Центральный Казахстан”, “заслуженному работнику культуры Акану Кошубаеву удалось создать многогранный образ Абая в спектакле “Абай и Биржан” на сцене музыкально-драматического театра имени С. Кожамкулова”.

Пришло время, подросли дети Акана. И вот — первая радость. Опять же в Жезказгане на конкурсе “Жулдыз” среди танцоров были признаны лучшими брат и сестра Кошубаевы Жаркын и Дидар. Затем они снова в списке победителей на одноимённом конкурсе, заняв первое место по танцу. И последовали успех за успехом в различных конкурсах и на фестивалях, в том числе международных. Семью Кошубаевых — удивительный сплав талантов — зрители встречали всегда и везде громкими аплодисментами.

И до сих пор Акан Кошубаев продолжает настойчиво работать над образом Абая Кунанбаева. Во время нашей беседы он напомнил слова Абая о том, что народ без песен и музыки подобен человеку без языка.

“Чтобы понять Абая, душу великого поэта, надо вдумчиво изучать его творчество, его неповторимые песни...”.

И это, наверное, прекрасно и полно смысла, что степной город шахтёров назван именем Абая. Только любовь народа может сохранить поэта и после его кончины. И потому я говорю всякий раз молодым: изучайте поэзию Абая Кунанбаева, учитесь у него не только писать, но и жить по законам мудрости, которые он проповедовал. Гордитесь тем, что наш город Абай назван именем великого поэта степей, дорожите этим, приумножайте славу города новыми добрыми делами.

Размышляя о будущем народа, Абай говорил: “Кто не испытывал зла? Теряет надежду лишь безвольный. Ведь истина, что в мире нет ничего постоянного, значит, и зло не вечно. Разве после суровой, многоснежной зимы не приходит весна — цветущая, многоводная, прекрасная?”. И в “Словах назидания” Абай как бы завершает свою мысль:

“И думаю, что, может быть, и хорошо жить так, устремляя взор надежды на будущее”.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
академик Международной академии информатизации.
г. Караганда.

Мария ТЕРЕНИК,
профессор, кандидат исторических наук

Целинной эпопее — 55 лет!

“Те годы, которые сделали Казахстан хлебной житницей, большим аграрным краем, а золотой колос — неиссякаемым источником изобилия и благополучия, стали нашей достойной биографией.

И эту общую летопись бескрайних просторов казахской земли мы создавали своим ратным трудом.

Сила и мощь тысяч людей и миллионов рук, творивших эпопею целины, которая навсегда останется в нашей памяти и глубинах души, воодушевляет нас и в нынешние дни”.

Из доклада Н. А. Назарбаева на торжественном собрании,
посвящённом 50-летию освоения целины.

С чего начиналась битва за хлеб

В начале 50-х годов в нашем лексиконе появились и прочно утвердились новые понятия: “Целина”, “Целинник”, “Целинная эпопея”!

Л. И. Брежнев — один из руководителей целинной эпопеи, сравнил битву за хлеб “с фронтом, грандиозным боем, который выиграли партия и народ... Конечно, не было на целине стрельбы, бомбёжек, артобстрелов, но всё остальное напоминало настоящее сражение”. (Л. И. Брежнев. “Целина”, М. 1978, с. 8).

/ Как известно, на основе решений февральско-мартовского /1954 г./ Пленума ЦК КПСС “О дальнейшем увеличении производства зерна и об освоении целинных и залежных земель”, на февральском 1954 г. пленуме ЦК КПК первым секретарём Казахской партийной организации был избран П. К. Пономаренко, вторым — Л. И. Брежнев, которые и возглавили битву за хлеб в республике/.

Решение этой задачи / в течение короткого времени / позволило бы ликвидировать несоответствие между уровнем развития зернового производства и возросшими потребностями населения и народного хозяйства в хлебе, подчёркивалось в этом документе.

Возможности для этого были налицо: “Здесь имелись огромные массивы неосвоенных земель с плодородными чернозёмными и каштановыми почвами, на которых можно получить высокие урожаи без больших дополнительных капитальных вложений”.

И “Великая битва в казахстанских степях началась”, — писал Л. И. Брежнев в этой книге. Общая площадь пяти нынешних областей, расположенных на этой территории, — превышает 600 тысяч квадратных километров. Это намного больше территории такого государства, как Франция. И вот на этом-то огромном пространстве предстояло распахать заново 250 тысяч квадратных километров плодородных степей — площадь, превышающую размеры всей Англии.

... Целину поднимали не только мы, но и Алтайский край, Красноярский край, Новосибирская и Омская области, Поволжье, Урал, Дальний Восток”.

/ Из 42-х млн. га земли в Казахстане вспахано 25 млн., из них 18 млн. га было поднято в казахстанских степях в 1954-1955 гг./.

“Цифры изумляют, но целина — это не только пашня. Это и жильё, школы, больницы, детсады, клубы, и новые дороги, мосты, аэродромы, и животноводческие постройки, элеваторы, склады, заводы — словом всё, что необходимо для

нормальной жизни населения, для развитого современного сельскохозяйственного производства" / там же, с.10 /.

Была разработана стратегия и тактика осуществления этой важной задачи:

- землеустройство новых и расширявшихся старых хозяйств;
- выбор места для усадеб вновь создававшихся совхозов;
- приём и размещение сотен тысяч людей в совершенно пока необжитой степи;
- огромное строительство сразу десятков, а затем сотен совхозных посёлков;
- подбор многих тысяч специалистов;
- создание из разнородной массы людей дружных, сплочённых коллективов;
- сам подъём целины и первый весенний сев.

В короткий срок была решена и кадровая проблема — только в 1954 году для работы на целине было рекомендовано более 500 новых секретарей райкомов партии и секретарей первичных парторганизаций,

тысячи председателей колхозов, агрономов, зоотехников, инженеров, механиков / при Министерстве совхозов СССР был создан специальный штаб по отбору специалистов на целину/.

Штаты новых совхозов состояли из директора, главного агронома, инженера-строителя, главного бухгалтера, заместителя директора по хозяйственной части. Важным документом в портфеле директора будущего совхоза была карта земельных угодий и землеустройства новых хозяйств.

Таким образом, к битве за хлеб готовились основательно, так что "колышек они / директора будущих совхозов / забивали не где попало, а в строго обозначенном месте". / Там же, стр. 12/.

Как готовилась к целинной эпопее Павлодарская область

Об этом свидетельствуют местная печать, строки из книги "Хроника целины. Павлодарская область. 1953-1963 гг.", подготовленной областным архивом / 2004, тираж 1000 экземпляров. Составители: В. Болтина, Н. Маркунене, Т. Покидаева, Л. Шевелёва. Редколлегия: Х. Акимханов, В. Болтина, Р. Жумабекова, Л. Шевелёва.

На основе решений Пленума ЦК КПСС / 3-7 сентября 1953 года/, обсуждившего вопрос о мерах дальнейшего развития сельского хозяйства и определившего обширную программу его развития, 6-й пленум Павлодарского обкома партии / 16-17 октября 1953 года / принял соответствующее постановление, которым были намечены меры по дальнейшему развитию сельского хозяйства области, повышению урожайности зерновых и технических культур, производству картофеля и овощей, развитию животноводства, улучшению работы МТС и МЖС и др.

9 января 1954 года.

В Павлодарскую область прибыла большая группа специалистов из Златоуста, Магнитогорска и Челябинска. 26 инженеров получили назначение в МТС Павлодарской области.

2 февраля 1954 года.

Павлодарским облсельхозуправлением издан приказ № 38 "Об освоении целинных земель в колхозах области", которым намечались конкретные организационные мероприятия по выбору и освоению целинных земель:

— за каждой МТС и МЖС закреплялось 29 землеустроителей для выполнения работ по выбору участков в целинных и старозалежных землях для освоения;

— командировались шесть специалистов /инженеров, агрономов/ облсельхозуправления;

— было рекомендовано укомплектовать тракторные отряды по освоению новых земель опытными кадрами агрономов, механизаторов, бригадиров тракторных бригад;

— разработать предложения по обеспечению семенами посевов на целинных землях весной 1954 года;

— решить вопрос по обеспечению водой тракторных бригад и т.д.

5 февраля 1954 года.

Обкомом КПК и облисполкомом принято постановление “Об освоении целинных и старозалежных земель”, которым был утверждён план освоения целинных и залежных земель под урожай 1954-1955 годов в размере 650 тысяч гектаров земли / из них под урожай 1954 года — 60 тысяч га/.

Битва за хлеб в павлодарском Прииртышье

28 февраля 1954 года.

Павлодарцы впервые на перроне старого вокзала встречали посланцев столицы Казахстана — Алма-Аты, приехавших на освоение целины.

Состоялся митинг жителей и первоцелинников.

В этом же месяце из городов Урала: Челябинска, Магнитогорска и Златоуста в Павлодарскую область приехали 45 специалистов сельского хозяйства / агрономы, полеводы, инженеры, техники / на освоение новых земель; все они направлены в МТС и совхозы.

6 марта 1954 года.

В Павлодар приехали большие группы посланцев из Москвы и Московской области. “В один только день 16 марта 1954 года в Павлодар прибыло три эшелона с тысячей первоцелинников”. / “ Комсомол и молодёжь на целине павлодарского Прииртышья”/.

10, 11, 15, 16, 18 марта павлодарцы встречали первоцелинников из Тамбовской области, с Украины, Донбасса, Ставропольского края РСФСР./ Всё это стало возможным благодаря тому, что было открыто Павлодарское отделение Карагандинской железной дороги протяжённостью 578 км. от ст. Кулунда до Сары-Оба. / “Звезда Прииртышья”, 17 апреля 2004 г./.

Вот как описывалась в областной газете одна из первых встреч целинников:

24 марта 1954 года. Воскресенье.

“На станцию Павлодар один за другим приходят поезда с молодыми посланцами Родины. На целину уже прибыло свыше 4-х тысяч комсомольцев Москвы, Ленинграда, Татарской АССР, Тамбовской, Вологодской, Николаевской, Владимирской и др. областей. В область прибывают эшелоны с тракторами, плугами, комбайнами, сеялками, сборными домами, походными кухнями, радиостанциями, книгами. Всё это шлёт Родина покорителям целины.

Первыми прибыли московские комсомольцы.

Из выступления московской комсомолки М. Подпориной: “Подъём целины — это общенародное дело. Больше поднимем и засеём новых земель — значит, наша страна больше получит товарного хлеба, станет ещё богаче, а жизнь нашего народа ещё краше. Мы, комсомольцы, это хорошо понимаем и поэтому на призыв партии ответили согласием ехать на новые земли”.

**Приезд первоцелинников
в Павлодар. Март 1954 г.**

Только в первый год освоения целины было сдано государству семьсот тысяч пудов хлеба. В этот первый же год началось строительство 32-х совхозов, а к 1958 году их было уже 45, — говорилось в докладе 1-го секретаря Павлодарского обкома КПК С. Д. Елагина X-й областной партийной конференции /16 января 1958 г./.

Не может быть никакого сомнения в том, что “ударной бригадой” на целине был комсомол: только на уборке первого целинного урожая, например, в Павлодарской области трудились 30 тысяч комсомольцев. Их подвиг запечатлён в вышеуказанной книге — “Комсомольцы и молодёжь на целине павлодарского Прииртышья”, написанной самими участниками целинной эпопеи под руководством когорты первых секретарей Павлодарского обкома комсомола: Нуриде-на Кабышева /1954-1955 гг./; Владислава Сумочкина / с декабря 1955 по июнь 1958 гг./, прибывшего на целину из Москвы; Михаила Исиналиева /с июня 1958 по июнь 1960 гг./, ставшего впоследствии крупным общественным и политическим деятелем; Альберта Устинова / с августа 1960 по сентябрь 1961 гг./; Олега Шихалеева / с ноября 1961 по 1963 гг./; Владимира Ненадова / с 1963 по 1965 гг./.

Всего в Павлодарской области было поднято 2363 тыс. га новых земель. Это в три раза превышает площадь земель, распаханых за весь период земледелия области. / Указанная книга. С. 75 /.

Тракторная бригада на целине в Павлодарской области.

Освоение целины с неотложной необходимостью поставило задачи форсирования жилищного строительства. Обсудив этот вопрос в обкоме КП Казахстана и облисполкоме “ О ходе капитального строительства в совхозах, МТС, МЖС

и колхозах”, руководство области отметило серьёзные недостатки: из выделенных на строительство 48 млн. руб. было освоено всего 2,5 млн; колхозы области к строительству ещё не приступали; сборные дома для прибывающих на целину ещё не собраны, хотя поток целинников продолжается: “мы из Удмуртии”, “мы из Татарии”, “а мы из Куйбышевской области...” — пестрели страницы областной газеты. “Досталось руководителям подрядных организаций: Требухин /8-й стройучасток/; Хижняк /Стройуправление /; трест “Иртышуглестрой” и др., — сообщила 5 июня 1954 года “Павлодарская правда”.

Однако в целом в области быстрыми темпами развёртывается капитальное строительство — только в городе должно быть освоено на эти цели 10 млн. рублей, — сообщила “Павлодарская правда” 23 июня 1954 года.

Развернулись подготовительные работы по строительству новой гостиницы / ныне “Казахстан”/, восьмиквартирного дома по ул. Сатпаева и др. объектов. Павлодар в тот период представлял собой настоящую строительную площадку, о чём свидетельствовали взметнувшиеся ввысь стрелы башенных кранов: строились новый вокзал, железнодорожное депо, 50 индивидуальных жилых домов.

Огромное значение имела сдача в эксплуатацию железной дороги Акмолинск — Павлодар, которая связала область с промышленными центрами Сибири, Урала, Дальнего Востока, — говорилось в “Павлодарской правде” 1 августа 1954 года.

Целинная эпопея продолжалась и в 1955 году. “Сюда мы приехали не на один год, — говорили 27 марта на митинге в Павлодаре прибывшие из Ленинграда. — Многие из нас останутся на постоянное место жительства. Можете считать нас своими земляками”/ только в Иртышский район выехали 970 комсомольцев, прибывших из Ленинграда

Забегая вперёд, отметим: в “Павлодарской правде” /1957 г./ почти в каждом номере целые полосы заполнены списками павлодарцев, награждённых орденами и медалями “За выдающиеся успехи по освоению целинных и залежных земель и получение высокого урожая”. А одиннадцати лучшим организаторам сельскохозяйственного производства /П. Т. Антонов, Д. С. Козолуп, М. А. Корзюк, Т. С. Коновалов, П. Ф. Музыка, И. П. Перов, П. Н. Раденко, Т. И. Рахманин, К. А. Смеричанский, В. В. Титирко, С. И. Шевцов/ Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1957 года было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и Молот”.

Год спустя этого же звания удостоились два старших чабана из Лебяжинского района — Жампеис Сыздыков и Куляим Шарбакбаева.

За следующее десятилетие звание Героя Социалистического Труда в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 марта 1966 года получили: Я. Я. Геринг, Ж. Жангожин, К. Каленов, М. Омаров, П. Рябова.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июня 1966 года этого звания удостоился Н. В. Ладыгин — главный инженер совхоза “Белогорский” Майского района, а 19 апреля 1967 года в когорту Героев вошли И. И. Бекмухамет, Т. В. Волков, Ж. К. Джусупов. /Хронограф Павлодарской области. 1938 — 2008/. С. 312, 314, 320. Павлодар, 2008 г./

/Всего в Казахстане высокого звания Героя Социалистического Труда были удостоены 650 целинников. “Звезда Прииртышья”, 2004 г., 17 апреля/.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1958 года “За крупные успехи, достигнутые трудящимися Павлодарской области Казахской ССР в увеличении производства зерна и других продуктов сельского хозяйства, за успешное выполнение социалистических обязательств по продаже

государству в 1958 году 155 млн. пудов хлеба” Павлодарская область была награждена орденом Ленина.

Отметим, что “За годы освоения целинных земель в нашей области распашано под посевы около 3-х млн. гектаров, т. е. площадь земли пахотнопригодных земель выросла в четыре с лишним раза”.

О просчётах, ошибках и спорах

Конечно, нельзя представлять, что всё происходило “под фанфары”: были и просчёты, и серьёзные ошибки, и споры — ведь целинная эпопея в таких масштабах проводилась впервые в истории.

Ветеран целины, заслуженный работник сельского хозяйства Кабиден Жумабеков, проработавший с 1959 по 1985 год заместителем начальника облсельхозуправления, в статье “Годы, как вехи” / “Звезда Прииртышья”, 30 марта 2004 г./ писал: “Целинные земли стали мощным толчком к развитию аграрного сектора, выходом земледельческих отраслей на передовые рубежи. Однако было и немало недостатков, просчётов. Один из них — ветровая эрозия на больших массивах в совокупности с неблагоприятными погодными условиями. Она — следствие необдуманной распашки огромных массивов, в том числе и малопродуктивных земель, не имеющих никакой ценности для отрасли. Но большим коллективом научных работников и специалистов сельского хозяйства была проведена большая работа по внедрению целого комплекса почвозащитных технологий с сохранением стерни, залужением многолетними травами и т. д.”.

Об этом же писал в статье “Нам есть что вспомнить и чем гордиться” / “Звезда Прииртышья”, 2004, 17 апреля/ “Заслуженный работник сельского хозяйства КССР” Сергей Иванович Старусев, вся жизнь которого, начиная с первой борозды, была связана с целиной, павлодарским Прииртышьем. /С 1969 года он работал заместителем председателя облисполкома, а затем, до выхода на пенсию — секретарём обкома партии по сельскому хозяйству/: “1963 год назовут годом отчаяния. Мало того, что на область обрушилась небывалая засуха, она сопровождалась суховеями. И лёгкая сухая почва запылила на сотнях тысяч гектаров. Эту беду в столь гигантских масштабах область переживала впервые.

Стало ясно, что классической системе земледелия не справиться с этим бедствием. Потребовались годы тяжелейшего труда, совместных поисков учёных и производственников, прежде чем удалось укротить эрозию. Огромная заслуга в этом принадлежит институту зернового хозяйства во главе с академиком А. И. Бараевым, а в нашей области — Г. Г. Берестовскому, основателю областной станции по защите почв от эрозии, впоследствии лауреату Ленинской премии”.

/Краткие сведения о Г. Г. Берестовском получены мною от его сына — Владимира Георгиевича:

“Мой отец — Георгий Пригорьевич Берестовский, 1909 г. р., выпускник знаменитой Тимирязевской сельскохозяйственной академии, в 1931 году был направлен в Казахстан. Многие годы работал в Суворовском совхозе Иртышского района, затем в сельскохозяйственном отделе Павлодарского обкома партии.

В связи с начавшейся ветровой эрозией во время подъёма целины попросился на практическую работу во вновь организованную опытную станцию /совхоз Кубанский/ и уже в 1956 году стал её директором. В 1969 году по совокупности статей по борьбе с ветровой

эрозией почв ему была присуждена учёная степень кандидата сельскохозяйственных наук, а 20 апреля 1972 года Г. Г. Берестовскому / в составе группы учёных / была присуждена Ленинская премия “За систему мероприятий по защите от ветровой эрозии почв Северного Казахстана и степных районов Западной Сибири”. 1 июня 1979 года Указом Президиума Верховного Совета Каз. ССР ему было присвоено почётное звание “Заслуженный работник сельского хозяйства” /.

Я решила поискать дополнительные материалы об учёном в местной печати. И вскоре обнаружила фрагмент из очерка С. П. Шевченко к 50-летию целины: “Георгий Берестовский: жизнь и судьба”, опубликованный в “Звезде Прииртышья” 17 апреля 2004 года. Автор, рассказав об этом замечательном учёном /у Г. Берестовского было более 40 научных работ, опубликованных в книгах, брошюрах, журналах, сотни газетных публикаций, четыре изобретения, в том числе противоэрозионного химического препарата — “нерозин”, патент на который приобрели США, Франция, ФРГ, Италия, Австралия/, посетовал, что книга о нём до сих пор не написана, “хотя к становлению земледелия в Казахстане, выработке оптимальной системы обработки почв на этой земле, а значит и к большому казахстанскому хлебу он имеет самое непосредственное отношение”.

Работая над недавно вышедшей книгой “Печать в павлодарском Прииртышье”, я обнаружила несколько дискуссионных статей по этой проблеме, в том числе и большую статью Георгия Григорьевича Берестовского “Беречь плодородие целины” /“Павлодарская правда”, 1958, 16 января/, в которой он подвёл итоги дискуссии по вопросам организации системы земледелия. В ней приняли участие старожилы и новосёлы этих мест, агрономы и зоотехники, руководители хозяйств и механизаторы, научные сотрудники Казфилиала Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. Ленина.

Участники дискуссии пришли к единому мнению, что в колхозах и совхозах области необходимо применять /в борьбе с эрозией/ травопольные севообороты с одним — двумя полями кулисных паров. “Большим практическим опытом доказано, — писал Г. Г. Берестовский, — что многолетние травы хорошо восстанавливают структуру и плодородие почвы, нарушенные длительным использованием их под однолетними зерновыми культурами. Житняк, например, за 3-4 года превращает распылённые земли в целину. Кроме того, многолетние травы дают хороший корм для животных”.

Как известно, с ветровой эрозией было покончено, и в этом немалая заслуга принадлежит Г. Г. Берестовскому, которому 20 апреля 2009 года исполнилось 100 лет со дня рождения.

Кто и как оценивает целинную эпопею

В апреле 1963 года в Целинограде /ныне Астана/ отмечалось 10-летие освоения целины.

В статье “Десятая целинная весна”, опубликованной в “Павлодарской правде” 10 апреля 1963 года, председатель исполкома Целинного краевого Совета депутатов трудящихся Владимир Мацкевич писал: “Много трудностей выпало на долю целинников. Они испытали на себе острый недостаток жилья, воды, капризы суровой природы. Некоторые “первооткрыватели” не выдержали испытания на мужество. Но большинство выстояло. А приехали сюда 800 тысяч добровольных патриотов. Их руками, их кипучей энергией и была поднята целина.

Новые земли Целинного края, где создано без малого 700 крупных совхозов, дали за эти годы три с половиной миллиарда пудов товарного зерна, а до

освоения целинных земель пять областей, ныне входящих в край, производили ежегодно только три миллиона пудов. Средства, затраченные на освоение целины, давно окупились. Сельское хозяйство края за 9 лет дало чистой прибыли 650 миллионов рублей”.

Высокую оценку целинной эпопее дал Президент РК Н. А. Назарбаев: “Целинники, все казахстанцы создали в те уже далёкие годы не только огромный индустриальный, аграрный и научный потенциал Казахстана. Вы заложили фундамент, на котором строится сегодня суверенное государство. Именно тогда была основана настоящая дружба между нациями и народами. Долг нынешнего поколения — сохранить и передать потомкам это святое чувство дружбы и братства”. /Из доклада Н. А. Назарбаева на торжественном собрании, посвящённом 50-летию освоения целины/.

А вот как об этом пишет в новой книге ветеранов павлодарского Прииртышья “Павлодарской области — 70 лет” бывший первый секретарь обкома партии Б. В. Исаев:

“Промышленность Казахстана начала бурно развиваться после подъёма целинных и залежных земель. До этого в республике было только несколько крупных предприятий цветной металлургии и угольные шахты в Караганде. Да ещё несколько машиностроительных заводов, эвакуированных на Восток во время Великой Отечественной войны”.

Однако диаметрально противоположную оценку целине дают сегодня некоторые так называемые “новые историки”. В автореферате диссертации на соискание степени кандидата исторических наук К. Ж. Нурбаев /доцент ПГУ/ утверждает: *“Павлодар рассматривался царским правительством как форпост на границе со Степью, а в период советской власти — как удобное место для массового переселения людей из России в целях колониального господства в Казахстане”*.

В автореферате диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук на тему *“Колонизация Северо-Центрального Казахстана”* /новый термин “нового историка?”/. — **М. Т.** /господин К. Ж. Нурбаев по-своему “уточняет” сущность колонизации: *“Колонизация, в частности, экономическая колонизация, осуществлялась в самой варварской форме... В качестве примера можно привести имевшую трагические последствия для казахского народа массовую коллективизацию сельского населения Казахстана в начале 30-х годов прошлого столетия, когда погибло около половины казахского населения, а также так называемое массовое освоение целины в начале 50-х годов этого же столетия, также имевшее колоссальные негативные экологические последствия”*.

Но ссылку на источник К. Ж. Нурбаев /теперь, говорят, уже доктор исторических наук/, похоже, утаил, а быть может, и не читал соответствующих источников.

В “Ответном слове” журналисту Ю. А. Ковхаеву по поводу его статьи “Кука-реку керекуйцы” /“Свобода слова” 12 июня 2008 г./, помещённом в этой же газете 27 ноября 2008 г. /С. 23/, он идёт ещё дальше в своих оценках: *“Почему замалчивается вся правда о трагических последствиях массового освоения целины в Казахстане — ухудшение экологии, повсеместное закрытие казахских школ, сокращение издания казахских газет и журналов, книг на казахском языке в период правления Н. Хрущёва и т. д.?”* /Выделено мною. — **М. Т.**/.

В замалчивании “этой правды” К. Ж. Нурбаев, выходит, обвиняет и правительство Казахстана — по всей вероятности, он не знаком с оценкой значения освоения целины, данной Президентом РК Н.А.Назарбаевым в докладе на 50-летию празднования этого события: *“Благодаря трудовым достижениям*

первоцелинников Казахстан стал крупнейшим производителем зерна. За 50 лет валовый сбор пшеницы в Казахстане составил более 640 миллионов тонн, или в среднем почти 13 млн. тонн в год. Такое количество хлеба ежегодно обеспечивало потребности почти ста миллионов человек. Ради этого стоило мёрзнуть в степи, ради этого стоило днём и ночью отдавать все силы урожаю хлеба”.

Оценка подобным “трудам” так называемых “новых историков” дана самим Президентом Н. А. Назарбаевым: “Я не сторонник скороспелых прозрений тех, кто только вчера писал пухлые монографии о величии русской литературы, а сегодня плюёт в сторону всего, что идёт с севера. Эти хамелеоны не менее отвратительны, нежели доморощенные манкурты”.

**Мария ТЕРЕНИК,
кандидат исторических наук,
профессор, Почётный гражданин г. Павлодара.**

Источники:

1. Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС “О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР”. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 3. М. 1964 г. С. 610.
2. Постановление февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС “О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и освоении целинных и залежных земель”. “КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 3, М. 1954 г. С. 654.
3. Брежнев Л. И. Целина. М. 1978 г.
4. Назарбаев Н. А. Доклад на торжественном собрании, посвящённом 50-летию освоения целины. Астана, 2004 г.
5. Хроника целины. Павлодарская область. Павлодар, 2004 г.
6. Постановление ОК КПК “Об освоении целинных и старозалежных земель”. 5 февраля 1954 г.
7. Комсомол и молодёжь павлодарского Прииртышья на целине. Очерки, воспоминания, документы. Павлодар, 2004 г.
8. Павлодарской области 70 лет. Павлодар, 2008 г.
9. Хронограф Павлодарской области. Павлодар, 2008 г.
10. “Звезда Прииртышья /павлодарская областная газета/.
11. “Павлодарская правда” /областная газета/.
12. Нурбаев К. Ж. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук на тему: “История города Павлодара /1917-1920 гг./”. Алматы, 1998.
13. Нурбаев К. Ж. Автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук на тему: “Колонизация Северо-Центрального Казахстана /18 — первая половина 19 века/: историко-географическая проблема. Алматы, 2007 г.

Весной этого года в редакцию “Нивы” поступил пакет с письмом начальника Канцелярии Президента РК М. Касымбекова следующего содержания:

Уважаемый Владимир Романович!

В адрес Главы государства поступило письмо жителя г. Москвы Капустина В., в котором выражается глубокое уважение к Казахстану и его лидеру и содержится просьба оказать содействие в публикации его рукописи “Мангышлакская тетрадь”.

Полагая, что судьба любого литературного сочинения должна определяться с участием профессиональных литераторов, редакторов и издателей, направляю Вам труд В. Капустина и прошу его рассмотреть.

Выбор вашего издания не случаен: за более чем полтора десятилетия своей деятельности журнал “Нива” заслужил авторитет активного пропагандиста идей гуманизма, историзма и патриотизма, дружбы и сотрудничества народов, и в этом смысле объективно является проводником политики Президента Н. А. Назарбаева.

Желаю Вам, всему авторскому и читательскому сообществу “Нивы” здоровья, благополучия и успехов.

М. КАСЫМБЕКОВ

К этому официальному письму были приложены копия обращения В. Капустина к главе нашего государства и его рукопись “Мангышлакская тетрадь”.

Вот что написал наш бывший земляк, и через 30 лет сохранивший в душе тёплые чувства к Казахстану и его людям:

Казахстан, г. Астана

Президенту Н. Назарбаеву

Уважаемый г. Президент!

Я очарован Вашей личностью на этом очень нелёгком посту Президента страны. Вы редкостный человек на этом поприще: очень глубокий, толерантный, мудрый, самобытный.

Не будь это так, мои скромные листки “Мангышлакская тетрадь” едва бы легли на Ваш стол.

Я посылаю мою рукопись лично Вам потому, что я люблю Казахстан, люблю его западную оконечность п-ова Мангышлак, Каспий и города, прилегающие к ним.

Ещё я очень уважаю ваших писателей, поэтов, художников, вашу культуру.

Эти мои строчки из моей давней рукописи 70-х годов “Мангышлакская тетрадь” я посвятил Казахстану и моей давно прошедшей молодости. Там, мне кажется, я по-настоящему был счастлив.

И было бы символичным, если бы моя первая большая публикация произошла в Казахстане...

Я в Москве живу уже 30 лет, но этот великий и прекрасный город для меня порой является ещё большей пустыней, чем та, что окружала меня на полуострове Мангышлак — по крайней мере, мне иногда так кажется. Я не опубликовал здесь ни строчки... Я никого не виню — увы, так сложилась моя творческая биография.

С уважением Виктор КАПУСТИН,
поэт, художник, эссеист.
г. Москва.

Редакция, внимательно ознакомившись с “Мангышлакской тетрадью” Виктора Капустина, сочла возможным с некоторыми сокращениями предложить её читательскому вниманию.

Виктор КАПУСТИН

Мангышлакская тетрадь

Красные маки

Есть у молодости прекрасное свойство — чувство свободы от насильственных мест, чувство шаловливой преданности неопределённости бытия, привычек, и я бы назвал это так — чувство пути. То ли дух странствий, то ли дух неудовлетворённости толкает вас в спину. Вы как спичечные коробки меняете города, летите легче пушинки, и вам — если вы пишете — даже недосуг взяться за перо и нацарапать пару строк приключенческой прозы или пару строф стихов. Чувство вещей неудовлетворённости и меня всегда толкало вдаль. И вот, кажется, как пущенное ядро из пушки, я перелетел через Сибирь: Енисей, Обь, Томь, пересёк Урал и оказался во Владимире. Но не прошло и полугода, как всё тот же дух странствий, вернее, жизненные обстоятельства меня гнали ещё дальше и вот восточный берег Каспия приютил меня. Сибирь, как растоптанный и необъятный башмак, теперь осталась позади — чтоб не будить её злых духов, больше не пророню ни слова... Как сказочный град Китеж остался и Владимир позади.

И вот плоский, пустой, будто разграбленный татарским нашествием берег Каспия — полуостров Мангышлак, г. Шевченко. Прескучное место! Кажется, самая скудная фантазия природы могла породить эту плоскую безжизненную равнину, по которой бродили верблюжьи стада, и эти странные, точно вповалку лежащие марсианские камни Мелового мыса — не верилось, что в СССР есть такие глухие места. Правда, редкой красоты лазорево-синее небо и того же цвета Каспий скрашивают первые впечатления. Где-то здесь, в сией пустыне, кровоточил сердцем Тарас Шевченко и провёл семь лет в изгнании, хлебнув солдатчины — надо бы посетить его скромную земляночку, которая находится в г. Форт-Шевченко.

Мало-помалу вхожу в колею моей новой жизни. Чем я здесь буду заниматься, я ещё точно не знаю, скорей всего, мне предстоит тот же художественно-оформительский фронт, что и в Сибири: "Нефть Мангышлака — чёрное золото страны!" — такие или примерно такие темы плакатов и проч.

У меня в запасе есть месяц — на обустройство. Хожу на море и удивляюсь его синеве. Ухожу в степь — и удивляюсь её пустоте и бесприютности: жара под 40°. Но город живёт, имеет свой питомник зелёных насаждений, расстраивается, насаждается зелень, деревья. Город Шевченко из тех молодцеватых грибков-городков, которым не более 10-ти лет и которые выросли за последние годы не только в Крыму, Сибири или на Дальнем Востоке, но и здесь, в пустыне. Но город Шевченко — особенный: это единственный город в мире, который живёт на опреснённой морской воде — в этих забытых Богом местах нет даже пресной воды.

Говорят, большая редкость, чтобы здесь накрапывал дождь, а уж о грозе с ливнем и мечтать не приходится: небо, как выкрашенный синькой ватманский лист — ни облачка. Сам для себя я определил эти места как несравненные, быть может, оттого, что их не с чем сравнивать. Но чувствует душа, что у несравненных мест есть и несравненная поэзия! Мне

сердце подсказывает, что она рано или поздно коснётся моей души, и душа, быть может, тогда станет играть как Эолова арфа при прикосновении ветерка? По правде сказать, меня всегда тянули пустыни мира: есть в них некий нестандартный шарм — во всяком случае, не французский. Но однажды...

Вот что мне рассказывали местные старожилы. Однажды, лет пять назад, здесь выпал редкий дождь, да не один, а целую неделю шли дожди — как в тех краях, что подвержены муссонам. Потом дожди как обрубил, — выглянуло солнце и стало с прежним усердием припекать. Со степью случилось невероятное! Она, как в припадке избытка чувств, зазеленела, а потом её покрыл мягкий алый ковёр маков! Да! — с безводной степью случился апоплексический удар — она забушевала буйной зеленью и самими настоящими степными маками! Надо было это видеть. Все горожане сошли с ума: город будто вымер, все кинулись в степь, купаясь в этом море цветов. Дети, взрослые, старики бродили целые дни в степи. Люди жили, точно в каком-то забытии, точно в каком-то сомнамбулическом опьянении — точно открыли для себя берег рая. О настоящем море все как будто напрочь позабыли, купаясь в этом море цветов, которые сплошным ковром покрыли безжизненный берег.

Но прошла неделя-другая. Солнце уже стало нещадно палить и жечь как прежде, и скоро всё сгорело дотла.

Что это? Кривогубая усмешка природа над людьми, или некая скрытая правда её, как пророчество? Это мне напоминает библейские времена, мифы греков или пророчества на Синае. В таких краях должно быть хорошо христианской душе, осознавшей свою греховность: хорошо помолиться в пустынях Богу.

Мангышлакская тетрадь

Посвящается Ирине Кокаревой

*Прощай! И если навсегда,
То навсегда прощай.*

Байрон

Когда я рано утром приехал на Мангышлак, я все глаза проглядел в окна поезда: какая-то песчаная тундра окружала меня. Неуютный, не большой вокзал находился в стороне от городка. Утро было странным: не туманным, не солнечным. Странными были и очертания города, что как какие-то искусственные геометрические нагромождения виднелись вдали. Вообще было в этих местах что-то от пустыни в Калифорнии — хотя, разумеется, я там никогда не был, и это мои внутренние ощущения.

Сразу я отправился к морю, иду — и не вижу ничего (что называется, за деревьями не видно леса). Вдали синее то ли полоса неба, то ли море. Только отчётливо слышен гул. Подхожу — Каспий, спокойный и широкий. Вот оно море!

Главная достопримечательность этого края — долина Карагие, что в переводе с казахского означает Чёрная долина. Это самая глубокая впадина на территории СССР, более 28 метров ниже уровня океана. Это

широкий и довольно длинный каньон, окаймлённый по краям живописными холмами. Дно впадины покрыто растительностью — довольно яркой, но туда никогда не спускается скот. Местные жители, адайцы, пророчески нарекли это место чёрным¹, имеют несколько аулов по краям этой впадины. Они не знают русского языка, весьма консервативны и преданы своим обычаям.

У города, в котором я живу, странная физиономия: непонятно, он возвышается над степью или она, обнимая его и прижимая к морю, в конце концов возвышает его. Мало мест на земле, ландшафт которых, как скупой рыцарь, так бы крепко держал при себе свои богатства. Главное сокровище Мангышлака, разумеется, — нефть, но для меня это как “одеяло перса на воде”. Мне по душе, разумеется, другое. Кажется, в глубине сердца я уже ощущаю толчки, быть может, это новые ростки любви к скупой поэзии этого края?

Но, если говорить не о поэзии, а о душноватой прозе будней, т. е. об раскалённой степи, то жители города держатся от неё на расстоянии: будто какое-то апокалипсическое жаркое чудовище дышит из неё.

По правде сказать, такая степь, как эта — фантастическая вещь. На памяти старожилов не одна трагическая история — в основном по вине водителей автомашин (на буровые вышки, рассыпанные в степи, горючее доставляют бензовозы. Остаться без колёс, без воды в этой степи — верная смерть).

Жители г. Шевченко — многонациональная семья: казахи, русские, есть азербайджанцы, армяне, белорусы, украинцы и даже представители высокогорного Дагестана. Что-то в нас всех есть общее, что сорвало с прежних мест и согнало сюда. Впрочем, у всякого своя цель: кто приехал на короткий срок за длинным рублём, а кто обзавестись жильём и укрепиться здесь основательно. Город молодёжный.

Во мне снова пробудился творческий зуд — издержки моей профессии. Вчера я набросал, а сегодня поправил и попробовал залить акварелью несколько рисунков с изображением камней и моря в стиле А. Иванова. Великолепное освещение способствовало этому, чем вам не Альбано, Фраскати или итальянское побережье близ Неаполя, усеянное горохом камней, которые так любил изображать Иванов. Море, казалось, овацией красок приветствовало меня: на волны нельзя было смотреть без восхищения — на гребнях их играло солнце, как на лезвии ножа. Великолепный край, потопленный солнцем! Как говорится, весело жить в такой стране, чего бы ещё? Но увы! на моей руке как будто вновь висела цепь каторжника — рука не слушалась. Невероятно трудная техника акварель — одно неверное движение, и всё пропало. Я мрачно глядел на два рисунка, что как чернильные пятна лежали на камнях, и едва их не выбросил, — положение спасла девушка. Она подошла в ту самую минуту, когда я собирался

¹ Дно впадины представляет собой залежи урановой руды, которая добывается открытым способом.

их ополоснуть в воде. Девушка-казашка лет 17-ти. На ней было лёгкое муаровое платье в полоску, два соска её беззаботной груди, видно, не отягощённых купальником, стояли прямо, как два вымпела. Я остановился на них глазами. Девушку это смутило, и мы заговорили на нейтральные темы. Она говорила на чистом русском языке. Девушку звали Гаухар. Я рассказал, что я из Москвы (я пока здесь всем говорю, что я из Москвы...). Гаухар это приняла за чистую монету, что сразу расположило её ко мне. Она, по-детски наклонив голову, долго рассматривала мои рисунки, наконец сказала:

— Вы художник

— Не знаю, — сказал я, — кажется, я никудышный маляр и по совместительству — поэт.

Девушка не стала дожидаться, пока я уточню, кто же я есть на самом деле, и пошла к воде, играя с волнами.

Когда мне грустно, я набрасываюсь на “Декамерон” Боккаччо и зачитываю его до дыр, как будто только что мне открылась прелесть этой прозы. Примерно то же самое я проделываю с “Персидскими письмами” Монтескье! Что может быть лучше этих книг! Особенно, когда вас берёт в охапку азийская пустыня... Но теперь от каких-то сумасшедших сновидений у меня голова в огне! Я просыпаюсь ночью как больной. Шум ли моря, звуки ли ночи будят меня? У меня перед глазами стоит Гаухар.

Я просыпаюсь, закутываюсь с головой в одеяло и переворачиваюсь на другой бок. Но увы! Тот же сон, как в дурную погоду мигающий светильник: из тумана выплывает нечто, похожее на юрту-сераль, и несёт меня неизвестно куда. Посередине её трещит неизвестно что, как лунный огарок, пахнет лавандовым маслом или ладаном. В правом углу сидит Гаухар и расчёсывает волосы. Я с непривычки кутаюсь в овечью шкуру. А вдали стройными рядами, как тополя, сидят семь евнухов.

Сон в руку! Из моей юрты меня гонит моё же собственное воображение. Она только что рухнула, как карточный домик.

А дело вот в чём. Только что у четырёх камней, обозначающих вход в пещеру, я обнаружил Гаухар и “семь евнухов”, точь-в-точь таких, какие мне приснились ночью. Я сначала подумал, что это цыгане, но оказалось нет — хуже. Один из них сидел на корточках ко мне спиной и точил какой-то предмет, издававший ужасный звук (уж не нож ли на меня?).

Гаухар заметила меня и стала махать руками. Поравнявшись с ними, я сказал:

— Здравствуйте, Гаухар,

14 острых, как бритва, глаз, ноздрей и ушей вонзились в меня.

— Знакомьтесь, — сказала Гаухар, — это мои братья.

От неожиданности я замер, как соляной столб, наконец, нашёлся-таки, выдавил несколько слов и нечаянно дёрнул струну, которая оказалась им знакома: чёрт меня дёрнул сказать, что я из Москвы, они меня оглушили тем же! От них понесло европейской образованностью. Оказывается, они с Москвой уже давно на “ты”. Один из них — студент-востоковед, а два — историки. Грустно.

Мне грустней и грустней. Мне кого-то надобно постоянно любить: эту степь, море или женщину. Я не третейский судья своим чувствам, но, похоже, мне всё трудней и трудней устоять перед приплюснутым носиком и раскосыми глазками Гаухар. Её братья, как живые щиты, или лучше сказать, как щиты-конвоиры неразлучны с ней. Гаухар при них держит голову как птенчик. Зато в отсутствие их её глаза красноречивы...

*Те, кто не верит в здешнее солнце —
воистину неверующие.*

Ван Гог. Арль

На море, на море! К солнцу, к белому солнцу пустыни Мангышлака. Я теперь изучаю набегающие волны, их белые гребешки и тёмно-зелёные впадины. Передо мной великолепная гравюра Хокусаи “Волна”. Этот загадочный мастер знал, что делал. Он знал всякий предмет, который изображал до тонкости. Не зря у него учился Ван Гог, а теперь японская гравюра — это хорошая школа для многих художников.

Я рисую всё больше и больше. Здесь, в пустыне, под этим тропическим солнцем мне понятней становится Джотто, в своей полудетской улыбке, более глубокомыслен и прозрачен как религиозный философ Эль Греко, пронзительней Ван Гог. Здесь, в песчаной глуши, П. Сезанн как-то более прям (упрям!) и стоек, а наш А. Рублёв необычайно, космически высок.

Кстати, о высотах сионских и не сионских. Однажды (забегая вперёд, скажу) мне представился случай подняться в воздух на самолёте. Какое фантастическое зрелище открылось моим глазам! Самолёт сделал резкий крен влево, затем вправо и словно отрезал крылом гигантскую часть, называемую материком и... океаном. Да, я вообразил себя на высотах поэзии едва ли не самого Экзюпери в момент создания “Планеты людей”. Мне открылась земная кора, изъеденная оспой вулканов (?), эта земная кора была как гигантский черепаший панцирь; там и сям посередине его виднелись солёные озера, и беспокойная и синяя гладь моря терялась где-то и соединялась с небом. Моим глазам открылся нештучный кусок библейской поэзии.

Хороши камни Мангышлака, словно немые свидетели мезозойской эры. Большие и малые, они хаотично разбросаны вдоль вечно волнующего Каспия,

Как хорошо иногда забраться подальше от людей, в глубь этих пещерных камней. Подальше, подальше от города! Хорошо взять с собой Данте и читать. Здесь как-то слова его “Ада” и “Чистилища” обретают какой-то необыкновенный, конкретно-божественный смысл. А ещё хорошо взять альбом и рисовать, памятуя гениальную картину И. Крамского “Христос в пустыне” или ещё более гениальные камни А. Иванова. Но вот что удивительно в пустыне: даже графика Леонардо да Винчи отдаёт каким-то пустынножительством. Я не могу смотреть на неё без волнения. Вот уж где и не хочешь, а скажешь: “Рукой художника водил Ангел Господень”. Мне

иногда кажется, что искусство Леонардо и особенно его рисунки не с чем сравнить. В них столько поэзии, глубины и философского смысла. На автопортрет его я люблю смотреть бесконечно, и бесконечный смысл мне открывается в его каждой линии. Маэстро Леонардо обладал сверхъестественной мощью видения как художник. Как удалось этому гению быть столь содержательным? Есть вопросы на земле, ответ на которые никогда не будет дан.

Но вернусь к друзьям. Мой П. Р. заподозрил во мне поэта. Когда я подсовываю ему свои рисунки, он, похоже, скучает, а говорит снова и снова о поэзии. Упрямый человек. Он, наверное, в каждом третьем видит поэта. Когда я ему прочёл свои стихи, он сначала пришёл в восторг и даже прихлопнул в ладоши, а потом страшно разругал. Я так и не понял, что же плохо в моих стихах, а что хорошо. Теперь беру у него уроки поэзии, т. е. оттачиваю и развиваю вкус, больше читаю современных стихов, а его и в шутку и всерьёз называю учителем поэзии. Ведь ещё Пушкин говорил: “Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь”, а учиться никогда не поздно.

*Дума за думой, волна за волной —
Два проявленья стихии одной.
В сердце ли тесном, в безбрежном ли море,
Здесь в заключении, там — на просторе,
Тот же всё вечный прибой и отбой,
Тот же всё призрак тревожно-пустой.*

Вот так — ни одного броского эпитета, ни одной яркой краски, а сколько поэзии! Тютчев — это действительно тот поэт, без которого нельзя жить. В настоящий момент я сижу у моря и именно эти стихи не отпускают меня из-под своего обаяния. В моих руках планшет, на планшете придерживаемые резинкой листы бумаги, в пятерне — зажатый карандаш. Я намерен повторить бег волн только графическими средствами. Но вместо этого мне пришли в голову совершенно дурацкие стихи.

Это даже какое-то хулиганство, а не стихи. Я их сначала хотел выбросить, а потом сказал: “Ладно, может, воткну куда”. Достанется мне на орех от моего учителя поэзии П. Р. Послал же Бог мне экзекутора. Он разберёт мои стихи все до запятой, до точки, до рифмочки, а потом скажет: что это за новые обэриуты-абсурдисты? Нет уж, дудки. Я их ему не покажу. Буду писать под его любимого Василия Фёдорова. Не понимаю, что он в нём находит, да ещё называет современным Тютчевым.

Мы купаемся в холодных и голубых волнах Каспия. Что за роскошь жить у моря! Знал бы мой учитель П. Р., как я пишу “в холодных и голубых волнах”, он бы мне сказал следующее:

“Первый человек, которого надо искупать в холодных и голубых волнах, это вы, ибо первый человек, который сказал, что небо голубое, был гений, а вот второй был плагиатор. Так и вы с вашими голубыми волнами”.

Вот человек, режет без ножа!

Подальше, подальше от подобных забияк. Он эстет в третьем поколении, и с ним спорить, значит съесть ежа. Подальше запрячу от него свои записки. Вообще мы с ним — назовём его одной буквой П., — ужасные спорщики. (Однажды я был так зол на моего П. Р. За его мелкие придирки к моим стихам как будто при разборе теоремы Пифагора, что назвал его PR^2 (в квадрате), заодно отомстив и ненавистной мне геометрии. Он, кажется, обиделся. С того времени я его называю ласково Пётр Андреевич. В конце концов, он замечательный поэт и он один заинтересован, чтобы я писал настоящие стихи). Стоит нам сойтись вечером за чаем, как нас не разлить водой! Мы впиваемся друг в друга всем, чем можем, кто клешнями, а кто перьями. Мы съедаем друг друга глазами, каждый из нас видит друг в друге жертву. Мы не упускаем друг друга ни на шаг! Его глаза западают глубоко как два сапфира, брошенные на дно морское, зато мои вылезают из орбит...

Кто бы мог подумать, что это у нас дружба и что у поэтов так заведено.

Вообще надо сказать, скучно на этом свете, господа, особенно в пустыне. И если что-то необыкновенно-родственное попадается на твоём пути, ты готов его облобызать до такой степени, что видны кости...

Каспий, Каспий! Ты, кажется, самое шумливое море в стране: шумишь 280 дней в году! Это так, к слову, А вообще-то я размышляю вот о чём. Иду вдоль Мелового мыса и размышляю про ласточек и ужей, ежей и черепах. Неужели им на этом свете плохо? Они все такие колючие и холодные. Вообще невозможно оторваться от столь глубокомысленной темы, правда? Шатобриан бы за неё меня похвалил. Быть может, мне жениться? Но на ком, не на черепахе же! Как это сказано у классика:

*Любить? Но кого же?
На время не стоит труда,
А вечно любить невозможно.*

Быть может, мне поворотить обратно к глубокомысленным размышлениям об ужах и ежах? А заодно и выпить чашечку кофе. Тоска.

Всё на этом свете перепуталось, господа, сказал однажды Гоголь, обмахиваясь как опахалом своей комедией, а потом добавил: "Скучно на этом свете, господа".

И в самом деле не весело. Каким бы веером повеселей развеять тоску, не мольтеровским же? А может, Бомарше? Последний бы придумал вот что, чтобы развеять тоску. Он бы придумал для себя сногсшибательного двойника, поместил бы его в умопомрачительную любовную историю вроде "Женитьбы Фигаро", заставил бы в себя влюбиться половину парижанок, потом бы и сам влюбился слегка и, как у него водится, в конце концов, вышел бы из воды сухим. Попробовать, что ли? Да вот беда: перо не то, да и с воображением слабовато...

Да и в самом деле не жениться ж мне на жабе!

Иду берегом. Над головой пятидесятиградусное солнце. Душно, как в Африке. В голове сквозняк. Вдруг над головой как будто что-то прошумело, обращаюсь — никого, и в то же время слышу радостную весть: свершилось!

Что такое? Затем поворачиваю голову вправо и догадываюсь — это под видом ласточки пролетел мой Ангел и сообщил мне радостную весть: “Свершилось!”. Что именно свершилось, я так и не понял, понял только, что-то очень важное свершилось на небесах.

В этот же день, вечером, я встретил девушку, при виде которой у меня захватило дух. Я ещё не знаю, кто она и как её зовут, но ощущаю каким-то семнадцатым чувством — это Она! Первая моя реакция: замешательство, как быть? Мне уже, видимо, не пройти мимо неё. Когда ошолбенение прошло, появился восторг: это именно то существо, ради которого я должен жить или умереть... Через несколько дней я с этой девушкой познакомился.

Наши встречи стали регулярны, как появление часовых у Спасской башни. Когда мы прогуливаемся к морю и назад, мы, кажется, замечаемся всеми, зато я не замечаю никого. Мою избранницу зовут Ирина. Моё сердце колотится рядом с ней, как будто кто подсыпал мне в стакан мышьяк, и я собрался тут же на дороге умереть... Она сразу поняла, что я влюблён. Она держится от меня на расстоянии двух локтей и всё время смотрит в сторону моря. Мои друзья пока не знают о ней. У них дела: решается важное дело, вручат или не вручат нам ключи от мансарды. Похоже, вручат.

Итак: Ирина. Это высокая, стройная девушка из города Волчанска, что на Урале. Когда мы встретились, ей было 19 лет. Её небольшие, но необыкновенно выразительные глаза, особенно в том ракурсе, в каком они иногда смотрели, наводили тоску. Хотелось подойти поближе к этой девушке и рассмотреть эти глаза, да и глаза ли это? Какой-то нечеловеческой тоской и одиночеством веяло от них. Мне никогда раньше не встречались такие глаза. Они мне пронзили душу. Быть может, весь секрет в их гипнотических свойствах? Ведь говорят же гипнотизёры, что можно посмотреть на человека так, что через глаза увидишь пятки. Во всяком случае, мне следовало поостеречься. Это был, наверное, один из тех магнетических взглядов, после которых человек остаётся прикован к постели или инвалидом. Я был потерян для себя и готов был идти за ней хоть на край света, как некогда бедный кавалер де Грие за своей беспутной Манон Леско.

Идти рядом с Ириной и чувствовать её плечо — это высочайшее наслаждение. Теперь мне не представляет труда умереть за неё. Её лицо одухотворено какой-то смутной идеей, которой я предназначен нести шлейф.

Красоте этой хитаны я покорился безвозвратно. Теперь Ирине решать: сбросить меня с каменного мыса или водить на невидимой верёвочке. И это меня, такого гордого!

Мои друзья ахнули, когда впервые меня увидели на улице с ней. Они первыми назвали Ирину Кармен.

Мои друзья Александр — имя, если можно сказать, селекционного свойства: три Саши — Абраменко, Бородин и Шмаков объединились в нём. Они едва знакомы друг с другом. Прошу любить и жаловать — гибрид. Мой новоиспечённый Александр не унимается, мы ещё не успели обосноваться под маяком, а он уже придумал, как мы будем называть нашу мансарду: предмаяк — каково?

Пётр — твёрже имени я не знаю. Оно как камень, как без единой зазубринки кинжал, особенно при усековении моих стихов. Мои стихи он ни во что не ставит, да, кажется, не делает ставку и на свои.

Мамед: как-нибудь я доберусь до его подбородка и до этого дивного профиля, вылеплю из чего-нибудь, гипса или глины, высеку на камне или по крайней мере нарисую. Поразительно улыбчивый человек, имеющий пронзительное обаяние. Этакий махачкалинский Тартюф, имеющий профиль Казановы...

Встреча с Ириной — слепой случай. Её смуглая кожа как у цыганки и высокая грудь выдают в ней Кармен. В волосах её заблудилась тёмная ночь. Она любит рядиться в длинные и цветастые платья, розан в волосах — это дело моих рук. Когда я её тонкий стан обнимаю и прижимаю к себе, она иногда вздрагивает, как осиновый лист. Это почти всегда бывает перед зеркалом. Я ей говорю полушутя: "Ирина, я тебя полюблю и убью одновременно". Мне следовало поостеречься этих слов, они ей глубоко запали в душу и обернулись против меня бумерангом.

*Когда вы стоите на моём пути
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?*

Какую тоску навевают эти строки Блока! У нас всё не так.

1.

Хотите вы этого или нет, но ваше появление в моей судьбе я рассматриваю как Пришествие,

2.

Теперь вы, Ирина, для меня как знак судьбы, как планета, вокруг которой будет строиться и вертеться космос моего “Я”.

3.

Хотите вы этого или нет, но до вашего Пришествия и после, был только один поэт, который глядел так в глаза своей возлюбленной — это Алигьери Данте. Ирина спит.

4.

Хотите вы этого или нет, но до вашего Пришествия и после него лишь один поэт осмелился так смотреть в глаза своей возлюбленной после Данте — это я... Ирина хохочет.

5.

“Ты рождена воспламенять воображение поэтов”. Ирина, слышишь, это о тебе! Ирина снова хохочет, дерзкая девчонка, вскакивает на ноги, потом падает на колени, долго и пристально смотрит мне в глаза. Что изволите прочесть в её глазах? — “Ты не герой моего романа?”. Но это слишком банально...

6.

Ирина очень смышлёная девочка. Когда я позволил себе вольности и полез не туда, она опрокинула меня как стул, как неодушевлённый предмет. Что-то в этом есть от женщины-гладиатора. Сначала она хотела уйти. Потом уснула тихим и безмятежным сном, держа голову у меня на коленях. Козлёнок бодливый... Когда она проснулась, был румяный закат, её золотистые щёки отливали матовым блеском. Она открыла глаза, и в мир снова потекли флюиды из её глаз, похожие не то на рифмы, не то на слёзы.

В правой руке Ирины нож, в левой — склянка. Я поклялся, что поцелую её чего бы это мне ни стоило. Она защищалась отчаянно и всерьёз, видимо, испытывая не столько прочность моей любви, сколько характера.

... Поцелуй был так длителен и сладок, что мы вконец обессиленные и с привкусом крови на губах повалились на землю. Здесь я ей по-настоящему признался в любви и сказал, что я её имя прославлю. Последнее выглядело так глупо. Ирина уже засыпала и, кажется, не слышала его.

— Ирина! Ты Кармен?

— Да.

— Ты любишь старого или молодого цыгана?

— Старого.

— Почему?

— Потому, что у него кривой нож, и он им тебя зарежет.

Любимое лакомство у Ирины — коньяк, она может его пить сутки напролёт. Меня это очень беспокоит, а моё сердце всё больше деревенеет, может, я её принял не за ту?

Ирина вонзила мне в сердце нож. Тот самый кривой цыганский нож. Всё кончено: она, даже не попрощавшись, улетела в Ригу, нанялась в качестве судового повара и уплыла, куда? Бороздить и соблазнять другие моря? Больше я её никогда не видел. Я написал последнее стихотворение, посвящённое ей. На скорую руку я его назвал "Ассоль". Та ведь тоже любила бороздить моря и грезить о чужеземных царствах. Когда я писал это стихотворение, мне хотелось плакать, поэтому оно такое рваное по содержанию и форме.

Однако примемся за дело, как говаривал Рокуэлл Кент, и это, кажется, в самый кульминационный момент грехопадения? Но что за дело без любимой женщины? Я готов перевернуть сверху донизу все камни Мангышлака, готов целый день мести и поливать улицу, только бы забыться. Искусство? Нет, рана слишком глубока, чтобы залепить её пластырём искусства.

Нет, я, кажется, схожу с ума! Теперь на земле нет пустынное места, чем эта мангышлакская пустынь.

Это химера, что вас полюбят. Вас любят только трое: ангел Господень, ваша мама и я.

Леонардо, мой любимый Леонардо! Почему у тебя так много тоски? Почему твои рисунки, которые я так люблю, каждый по-своему плачет? Нет, не смеёшься ты, Леонардо, даже в Джоконде, а плачешь. Не потому ли, Леонардо, что ты всю жизнь был так одинок? Только размышления о Христе и о Творении Его Отца умягчали твою душу.

И духовные песнопения высоки, а нет утешения от них. И творения зодчих высоки, а нет пользы от них. И слаб человек, когда к нему приходит одиночество.

Какую карту ни вскинй — проигрыш. В какое лицо ни взглянешь — занято. В какую шкуру ни рядись, а не скрыть тоски — этого опаснейшего яда вселенной, от которого рассыпаются камни...

Нехорошо быть человеку одному, говорится в Библии. А когда человек всё же один, что тогда? Вот слова из современной песенки, которые как бы Библию передразнивают: "Тогда глаза торчат, как два гвоздя, а на них табличка "Одиночество".

Моё одиночество теперь как иночество всё плотней и плотней захлопывает за собой дверь. Мир страстный, мир безжалостный и, похоже, наполненный грехом всё далее и далее отходит от меня, точнее, от жизни моего духа. Теперь моё воображение часто заменяет мне жизнь. Чтение любимых книг — моё единственное утешение. Я никак и нигде не найду аналогов тех движений вширь и вглубь, какие произошли в моей душе. Хотя я недавно натолкнулся на удивительные слова Эдгара По (которого я всегда почитал за великого поэта). Эти слова как будто освободились на волю из моей души. Вот они:

“Я избегал вашего присутствия и даже города, в котором вы жили”...
Из письма возлюбленной Ел. Уитмен.

Или вот ещё: “Я не смел говорить о вас, тем менее видеть вас. В течение целых лет ваше имя ни разу не перешло моих губ... Самый шёпот, касавшийся вас, пробуждал во мне трепещущее чувство, смутно слитое из страха, восторженного счастья и безумного, необъяснимого ощущения, которое ни на что не походит так близко, как на сознание вины...”.

Из письма Ел. Уитмен.

Вот уж год, как я ношу по Ирине траур. Нынче она умерла для меня окончательно. На прелести личной жизни я, кажется, наложил табу. Траур по ней я, видимо, буду носить всегда. Она как яркая комета разрежала мою жизнь надвое. Теперь всё, что я ни делаю, я делю на периоды до встречи с ней и после. Для меня теперь окончательно ясно, что такой любви у меня больше не будет. Но, видно, провидению было угодно поступить именно так: видно, Ирина и я выглядели слишком неземными обитателями, чтобы соединиться в сумасшедшем браке.

Всё кончено: *finita la comedia*², как сказал один воин Христов и гениальный музыкант. Всё стихло. Мои друзья разбрелись по свету. Саша Бородин теперь студент в художественном институте в Москве. Саша Абраменко стал образцовым семьянином, на моего милого П. Р. смотреть жалко: он стал невыносим, смотрит на свои и чужие стихи как на отраву... а я, как потерявший весь мир и не приобретший взамен ничего, я брожу по городу, как сомнамбула. Мансарда наша теперь никому не нужна — она пустынна и тиха, как братская могила. Я теперь не хожу туда и даже ключ выбросил в море. А хожу я всё чаще в степь, убитую и пришибленную зноем и словно лежащую в перемежающейся лихорадке. Теперь она напоминает мне тихо помешанного. Но скажите, не стал ли тихопомешанным я сам, когда в припадке бешенства я сгрёб в охапку свои стихи, рисунки и этюды последних лет и отправился в степь, чтобы совершить акт... самосожжения, — не в прямом, конечно, смысле. Я долго бродил по степи один, пока город не скрылся из виду и не утонул за чертой горизонта. Как тяжелобольной, шагая по степи, я натолкнулся на глиняный горшок, за ненадобностью

² Комедия окончена.

кем-то выброшенный, засохший кактус валялся подле него. Я сел на горшок и дал волю слезам, что душили меня. Сам себе я напоминал кавалера де Грие, который только что похоронил свою Манон.

Наконец я успокоился, вынул какие-то американские сигареты и закурил. Отроду я не испытывал такой сладости затяжки и облегчения на душе. Я развёл небольшой костёр и бросал в него всё, что ни попало — отраду недавних моих трудов. Кажется, кто-то сказал, что рукописи не горят? Горят адским синим пламенем! Мне казалось, что я лет десять не возьмусь за перо и по крайней мере лет пять за кисти. Впереди мне виделась длинная дорога, которая вела в никуда.

Слёзы снова начинали душить меня. Я встал и, пошатываясь, пошёл дальше, как человек, решивший умереть в степи...

Но человек слаб. Не прошло и года, как я засобирился в Москву. Сердце изнывало от противоречивых предчувствий. Как-то Москва встретит меня?

20 лет спустя,

или К истории написания одной тетради

Что такое “Мангышлакская тетрадь”? Это тетрадь в косую линейку (вернее, две тетради, сшитые вместе, из тех трёхкопеечных ученических тетрадей, в которых мы в детстве приносили двойки). Её изрядно потрепало временем. На полях её, теперь уже расшитых страниц, ни тени лукавства, но легла та особая печать неряшливости, которая отличает потёртого человека от непотёртого. Сначала я аккуратно вёл в ней записи в виде дневника. Потом прекратил вести счёт дням, и в моих записках начала вырисовываться некая фабула и, наконец, композиция более или менее стройных очертаний стала выкристаллизовываться в моём мозгу. Я долго ей не придавал никакого значения и считал слишком личным дневником (остро-субъективным или субъективно-аналитическим, как хотите). В существование её посвящал немногих. И если бы не вольный ветер перемен, — как говорят теперь, — то она бы пролежала ещё с четверть века под грудой книг у меня в шкафу или у отца в подвале. Что ещё? Я не ободряюсь относительно её художественных достоинств, — их мало. Надо помнить, что эти записки не предназначались для печати и носят несколько исповедальный характер (который, признаться, я особо не люблю, это не мой стиль). Но дело сделано! Что ж теперь опасаться карандаша рецензента или насмешки публики?

г. Москва.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Досье для Первого, или По нотам волчьей дружбы

*Исторические параллели.
Из цикла “На плахе XX века”*

(Окончание. Начало в № № 7-10 за 2009 год)

Кунштюк Отто Скорцени

Таким образом, своё 60-летие — 29 июля 1943 года — Кавалер Бенито Муссолини встретил под арестом. Сначала, не зная, что с ним делать, маршал Бадольо лихорадочно перемещал пленника с места на место. Вплоть до того, что свергнутого дуче доставили на борт военного корабля и заперли в глухой каюте.

Наконец подыскивали для Муссолини вроде бы самую потаённую и надёжную резиденцию, откуда новоявленного затворника никому нельзя было бы вырвать. Это был комфортабельно обустроенный в горном массиве Гран Сасо труднодоступный отель под названием “Самро Imperatore” — “Стоянка (лагерь) императора” — в вольном переводе.

Единственное, что связывало отель с остальным миром — подвесная дорога. По приказу Бадольо её охрану многократно усилили. Взяли под неусыпный контроль все к ней подходы.

Для охраны самого Муссолини отрядили 200 карабинеров.

Размещённый в роскошном замке для сверхсостоятельных любителей горных восхождений и скоростных лыжных трасс, Кавалер Бенито Муссолини не терял духа, вёл себя спокойно-сдержанно.

И на то у него были более чем весомые основания.

Гитлер узнал о свержении своего Первого Друга тотчас же после случившегося. И сразу же направил для дуче в Рим юбилейный подарок. Это были необычайно изысканно исполненные 24 тома Фридриха Ницше в голубой коже.

Дар украшало тиснение в золоте:

“Adolf Hitler Seinem lieben Benito Mussolini” — “Адольф Гитлер — своему дорогому Бенито Муссолини”.

Бадольо вынужден был передать эти тома по назначению и очень озабочиться. Ибо только конченный идиот не мог понять, что означал этот жест германского вождя. А означал он только одно — несмотря ни на что, отношение Гитлера к Муссолини оставалось ПРЕЖНИМ.

“Никто не знает, что стало с Муссолини после того как Гитлер поднёс ему в виде утешения книжку с автографом. Одни говорят, будто дуче удрал в Германию, другие уверяют, что Бенито увезли на какой-то островок. Так или иначе, Муссолини теперь невесело...” — с не очень скрываемой досадой и вполне понятными неточностями комментировал таинственное исчезновение экс-диктатора в газете “Правда” 8 сентября 1943 года её главный публицист “Илья-лохматый” (так некогда называл Эренбурга Ленин).

Муссолини не хуже Бадольо прекрасно понял всю символику увесистого подарка Гитлера и — взбодрился.

Добрые для него предчувствия не подвели дуче. Подготовка к его необычайному освобождению уже шла полным ходом.

Причём по приказу и под контролем самого фюрера. Этот приказ был отдан сразу же на следующий же день после ареста Муссолини.

Достославная сверхсекретная операция получила кодовое название “Дуб”. Наверняка в романтическом представлении берлинского почитателя германского композитора Рихарда Вагнера (а его действительно великие творения Гитлер буквально боготворил) образ старшего итальянского друга ассоциировался именно с могучим дубом. И ни с чем другим — неподвластное никаким ураганам судьбы мощное древо — пусть не особенно возрастом молодое, но зато преисполненное той самой красоты, какой способна наделить всё живое только несокрушимая сила.

Непосредственной разработкой, а затем и проведением операции “Дуб” занялся любимец Гитлера штурмбанфюрер СС Отто Скорцени.

Гитлер сам не представлял свою жизнь без риска, а потому обожал людей склада авантюрного — в изначальном смысле этого понятия. Не обязательно пройдох и жуликов, но ради достижения цели непременно способных на самые невероятные и опаснейшие приключения.

Отто Скорцени был из такой породы. Этот почти двухметровый (рост 196 см) верзилка атлетического сложения, с серо-зелёными глазами и огромными шрамами на всю левую половину лица всегда оказывал фюреру самые значительные услуги, когда требовались особые сообразительность и оперативность. Свою рискованную службу Скорцени любил пуще жизни. Но и жизнью умел дорожить, хотя, по свидетельствам близко знавших его людей и не-людей, в глазах “человека в шрамах” почти всегда была ледяная пустота. Но из любых авантюрно-смертельных ситуаций Скорцени выскакивал непременно и удачно, с минимальными потерями и максимальным выигрышем.

26 июля 1943 года Гитлер срочно затребовал Скорцени в свою ставку “Die Wolfsschaze — Волчье логово”.

Давний фаворит явился по зову фюрера столь молниеносно, что можно было подумать, будто он находился где-то рядом. Гитлер не стал скрывать от любимца своих опасений — как бы этот флюгерный хамелеон Бадольо в видах спасения собственной шкуры не откупился бы перед англо-американцами головой Муссолини и не спровадил бы им дуче.

1 августа 1943 года в “Правде” с материалом неопределённого жанра профигурировал Илья Григорьевич Эренбург.

Назывался материал “Судьба дуче”. Однако судьбы Муссолини маститый публицист проричать тогда так и не смог. Не оставляя привычного для него не *антинацистского*, но *антинемецкого* настроя, Эренбург довольно вяло констатировал, что дуче “подал в отставку, а лето перешло на сторону Красной Армии. Фрицы уже умели удирать по снегу. Теперь они учатся удирать по сухой земле”.

Скорцени же, в ту пору ещё не освоивший стилистических высот, моментально разобрался в ситуации. Поразмыслив, он контурно доложил Патрону о главных этапах предстоящей операции “Дуб”. Название Гитлеру очень понравилось, а красочно описанные Скорцени предполагаемые её ключевые моменты привели его в восторг.

“Вам хватит месяца?” — спросил Первый Друг Кавалера Бенито Муссолини.

“Мой фюрер! Я управлюсь быстрее!” — ответил Скорцени.

“Обещайте мне провести операцию “Дуб” осмотрительно, однако без осечек — только наверняка”, — попросил Гитлер.

“Обещаю, мой фюрер!” — рявкнул Скорцени, до смерти напугав любимую овчарку Гитлера — Блонди.

Гитлер пожелал ему успеха и повелел действовать от его имени, чтобы ни в чём никакого отказа не было.

Отказа и в самом деле ни в чём не случилось, как и никаких осечек.

Всего лишь за неделю и за 50 тысяч фунтов стерлингов (говорят, поддельных) Скорцени установил точнейшие координаты заточения новоявленного узника. Ещё несколько дней ушло на всё остальное, необходимое для успешного проведения операции “Дуб”.

С командующим парашютным корпусом башковитым генералом Штудентом Скорцени предусмотрел всё нужное для удачного десантирования в горах Гран Сасо непосредственно у отеля, где пребывал в заточении Муссолини, уже получивший в юбилейный подарок 24-томное собрание сочинений Ницше.

Для осуществления задуманного понадобилось 12 грузовых планёров “DFS-230”. Команду захвата Скорцени со Штудентом скомплектовали из 90 парашютистов и ещё из 16 особо тренированных диверсантов самого Скорцени. Взял с собой он и одного итальянского генерала — Солети. С двойной функцией — и как переводчика, и как заложника. Должно было безотказно сработать ещё и то обстоятельство, что генерал Солети прекрасно был знаком с новыми охранниками бесценного затворника “Стоянки императора”.

Не забыл Скорцени прихватить с собой и опытного кинооператора, чтобы на многих метрах плёнки документально запечатлеть для современников и потомков свою историческую акцию по вызволению из плена Кавалера Бенито Муссолини.

Первый этап операции “Дуб” получился неудачным. 12 сентября 1943 года прямо на старте скапотировали два планёра. Ещё пара планёров рухнула в пути. Всё это стоило жизни одному пилоту и 31-му парашютисту. Ещё 16 десантников тяжело изувечились.

Однако никакие жертвы уже не могли остановить Скорцени, поставившего на карту не только спасение Муссолини, но и свою репутацию сверхчеловека.

Оставшиеся 8 планёров приземлились благополучно. Посадка была бесшумной и штурмански сверхточной — в непосредственной близости от “Стоянки императора”.

Перед вылетом Скорцени заучил единственную командную фразу на итальянском. Она была краткой: “Mani in alto! — Руки вверх!”. Но и эта фраза ему не понадобилась.

Первым разгрузился планёр с кинооператором. А далее всё успешно продолжилось строго по разработанной схеме и — без единого выстрела. И в том очень помог Скорцени генерал Солетти. Он великолепно вступил с охраной в соответствующий диалог. И опять никакого лишнего шума. Все итальянские собеседники итальянского генерала оказались очень понятливыми людьми.

Неустанно стрекотала только кинокамера.

Через несколько минут карабинеры, охранявшие Муссолини, мирно расписывали с десанниками винцо, а Скорцени под объективом кинолетописца радостно приветствовал Первого Героя Италии — освобождённого Муссолини. Тот, полностью осознавая историческое величие этих мгновений, тоже не уклонился от кинообъектива, а затем деловито принялся за комплектацию своего багажа.

Особенно бережно опекал Муссолини громадный кожаный чемодан, тоже попавший на историческую киноплёнку. И неспроста. Именно в этом чемодане дуче хранил всю свою дружескую переписку с Черчиллем.

У Скорцени было достаточно времени и возможностей, чтобы выбрать наиболее эффективный вариант благополучного возвращения в Германию. Не так уж это было легко и просто, но Скорцени лично доставил Муссолини Гитлеру через Вену.

Тот был несказанно доволен новым, совершенно невероятным подвигом своего любимца. Он немедленно произвёл его в штурмбанфюреры и пожаловал ему “Рыцарский крест”. Кроме того, подарил свою фотографию в рамке из

серебра с гравировкой: “Моему штурмбанфюреру в благодарность и на память о 12 сентября 1943 года”.

Муссолини тоже не остался в долгу. Но поскольку под рукой спасённого дуче никакой фотографии в рамке из серебра и тем более награды не было, он уверенно пообещал вручить знак необыкновенного отличия тевтонскому герою при первой же возможности. А наградил дуче Скорцени особо почётным фашистским орденом “Ста мушкетёров”.

Геринг снял для Скорцени со своего роскошного белого парадного мундира “Золотой почётный знак лётчика”.

Эсэсовский генерал Хауссер подарил своему бывшему подчинённому итальянский спортивный автомобиль.

Первыми зрителями отснятого по сценарию и режиссуре Скорцени наиболее подробнейшего документального фильма про необычайно героическое спасение дуче были Гитлер с Геббельсом.

Затем эта кинокартина шагнула в германский народ и её прокрутили по многим другим территориям.

Сведений о том, что её просмотрели и в Кремле, я пока не обнаружил.

(Много позже — в середине 70-х годов её прокручивали слушателям на Высших литературных курсах писателей-международников. В их числе из Казахстана были Олжас Сулейменов, Саин Муратбеков и я.

Многочисленные лекторы, комментаторы наши тоже хорошо впечатляли. Особенно Евгений Максимович Примаков и Генрих Азерович Боровик).

Розенберго-геббельсовский официоз “Volkischer Beobachter” — “Народный наблюдатель” посвятил Отто Скорцени целую газетную полосу.

Московская “Правда” на феерически сработанную операцию “Дуб” отозвалась довольно быстро — 15 сентября 1943 года — краткой бесфамильной и безадресной заметкой под заголовком “Похищение гитлеровцами Муссолини”.

Что-либо понять из неё о Муссолини и ситуации в Италии толком было совершенно невозможно.

Как впрочем, тремя неделями раньше из читанной в Москве профессором Б. Е. Штейном (20 августа, Колонный зал Дома союзов, билеты ценой от двух до пяти рублей) публичной лекции “Крах итальянского фашизма”.

О ней “Правда” оповестила сначала объявлением, а затем отчётом ТАСС — причём довольно подробным. Примечательно, что итальянский диктатор в этом отчёте ТАСС особенно не склонялся (23 августа).

Профессор Штейн, по его словам, в своё время самолично слышавший речь дуче об итало-германском союзе, произнесённую с балкона Венецианского дворца, обошёлся таким пассажем:

“Безмерно честолюбивый Муссолини видел в союзе с гитлеровской Германией один из способов реализации своих империалистических вожелений”.

Скажу наперёд: всего лишь за день или за два до казни Муссолини Скорцени удалось завладеть письмами Черчилля к дуче. Они вернулись к Черчиллю только в 1951 году, для чего ему пришлось свояжировать за ними не ближний свет. И опять сценарий и режиссура этого расчудесного (и надо полагать, небескорыстного) возвращения принадлежали Скорцени.

Фортуна всегда была благосклонна к нему. Оказавшись в руках союзников по антигитлеровской коалиции, Скорцени на свой первый допрос (дело было в Париже) попал к высокопоставленному сотруднику британской контрразведки, лорду Натаниелю Виктору Ротшильду. Скорцени хорошо знал, кому даёт правдивые показания. Ротшильд был из семейства знаменитых на весь мир банкиров, а заодно другом Черчилля.

Но Скорцени не ведал о том, что к тому времени Ротшильд-младший уже оказал немало услуг советской разведке. Причём весьма крупных и — совершенно бескорыстно. Как сам он искренне считал, по долгу совести. Понятно, что и милый парижский его разговор с “человеком в шрамах” не остался вне поля обострённого зрения Москвы.

Однако так или иначе, а не дремало зоркое око и других сил. Короче, Скорцени выскользнул на свободу. Он оказался одним из тех крупных нацистских зубров, которые после Второй мировой войны не только остались в живых, но и весьма и весьма преуспевали.

Дуче в эфире

Ну а историческая встреча дуче после его вызволения любимцем Гитлера с самим фюрером поначалу складывалась в минорном ключе.

Фюрер горестно вопрошал:

“Что это за фашизм, который тает, как снег под лучами солнца? Я столько лет уверял своих генералов, что именно фашизм нам самый надёжный союзник. И что же?”.

Муссолини подавленно молчал.

Тогда Гитлер менял вопросы на восклицания:

“Дуче! Не падайте духом! Всё равно победа будет за нами!”.

Он в любых положениях оставался оптимистом.

Единственным желанием спасённого было свидеться с семьёй и отоспаться.

Позже Муссолини встретился с доктором Робертом Леем, руководителем так называемого Трудового фронта — огромной армии подневольных Третьему рейху немцев и людей многих стран, подмятых под себя Германией, а также творцом всегерманского общества оптимистов — “Die Kraft durch die Freude” — “Сила через радость”.

“Что помимо всего прочего связывало дуче с Леем?”, — поинтересовался Д. А., когда мы с ним дошли и до этого, по-своему тоже весьма примечательного перекрёстка Истории.

Я ответил:

“То, что оба они, как Рудольф Гесс и Герман Геринг, были лётчиками”.

“Смотри-ка — что за такая крылатая шайка собралась! — удивился Кунаев. — А может быть, всё проще? Рыбак рыбака видит издалека?”).

Муссолини и Лей ретроспективно обозрели всё из самого значительного, что произошло к моменту их дружеского randevu.

В сумасшествие Гесса (его якобы самовольный перелёт в Британию) не верил ни тот, ни другой. Сошлись также и на том, что еврейское учение Маркса всё-таки крепко засело в германском рабочем классе. Дабы вдребезги разбить марксизм, Лей пил с обычными рабочими пиво, вино и шнапс. Он готов был говорить и говорил на рабочих митингах по 8 раз на день.

От него Муссолини узнал, что его немецкий коллега и друг рьяно поддерживал идею Гитлера награждать лучших рабочих тыла фронтовыми орденами. Как, впрочем, это давно делает Сталин.

Отвёл дуче с Леем душу, облегчил сердце.

Эта встреча растрогала дуче, замотанного всевозможными переживаниями. Под её впечатлением он впал в некую лирическую сентиментальность и обронил фразу, за которую, как только она стала ему известна, публицистически-ми клещами вцепился Эренбург:

“Немцы — это большие и добрые дети”.

Маститый чародей пера вопрошал с четвёртой страницы газеты “Правда” за 1 ноября 1943 года, ничуть не смущаясь тем, что его отклик существенно запаздывал:

“Можно ли выразиться точнее?”.

И следом объяснял: нет, нельзя:

“... Муссолини очарован искренностью Лея. Ведь дуче невинен. Что он делал в жизни? Да только шалил. Шутя травил ипритом абиссинцев. Шутя убивал испанских детей в Малаге и в Барселоне. Шутя напал на Францию и Грецию. Играв в прятки, залез на Дон. Это были милые игры пухлого Бенито. Теперь он встретился с другим младенцем и расчувствовался. Гитлеровцы — “большие и добрые дети”. Замечательно сказано. Лучше не придумаешь”.

Иронический комментарий Эренбурга в “Правде” озаглавили: “В фашистском зверинце”.

Через несколько дней после своего расчудесного вызволения из альпийского замка, собравшись с мыслями, “товарищ Бенито” выступил по радио. Чтобы со стороны это не выглядело излишней навязчивостью Берлина, для выхода дуче в эфир выбрали радио Мюнхена.

Главные тезисы его речи были таковы:

“Мы возродим фашизм!”.

“Долой монархию!”.

“Уничтожим паразитов-плутократов, собьем спесь с буржуазии!”.

“Основа государства — труд!”.

“Заводы — рабочим! Земля — крестьянам!”.

Если бы не слово ФАШИЗМ, можно было бы подумать, что по радио из Мюнхена с народными массами привычно говорил Керенский или даже сам Ульянов-Ленин. Оба гипнотизировали эти массы именно такими тезисами.

Первый, правда, неустанно нажимал ещё и на ДЕМОКРАТИЮ для всех (чего в сущности никогда не было и не будет).

Его же симбирский земляк — ещё энергичней и всевариантней педалировал на обновлённые им и его усердными соратниками прекрасные сказания о неизбежном да ещё и всемирном торжестве СОЦИАЛИЗМА и КОММУНИЗМА.

Любопытно, что о создании НОВОГО “итальянского национального правительства” радио Берлина сообщило уже в первой декаде сентября 1943 года.

Лукавил ли Кремль?

На смещение Муссолини Сталин отозвался не сразу. Кремлёвскому кормчему было НЕ ДО ТОГО. Главную причину “премьер-министру г-ну У. Черчиллю” (так Сталин именовал своего корреспондента в “личной и строго секретной” переписке) вождь советского народа объяснил очень понятно. Черчилль приглашал его и президента США Рузвельта срочно свидеться для обсуждения неординарных событий и дальнейшего хода Второй мировой войны. А стало быть, и всей человеческой Истории.

Сталин, достаточно осведомлённый о том, что Черчилль взял за правило нередко находиться близ самого пекла войны, отвечал достойно, однако не без кокетливой горделивости:

“Я только что вернулся с фронта... мне приходится чаще чем обыкновенно выезжать в войска, на те или иные участки нашего фронта. При таком положении я не могу в данное время направиться для встречи с Вами и Президентом в Скала Флоу (Англия) или в другой отдалённый пункт”.

Желая польстить союзникам не за красивые глазки, а в счёт увеличения поставок ими материалов и вооружения для СССР по ленд-лизу, Сталин намеренно упростил свершившиеся события и увязал, казалось бы, даже хронологически неувязываемое. А именно: высадку англо-американских и греческих войск в Сицилии со смещением Муссолини спешно отмежевавшимся от дуче его же

сообщниками вкупе с королём-императором. При этом давний марксист-диалектик не забыл продуманно окрасить всю картину в цвет случайности.

Вчитайтесь, дабы в том самолично убедиться, в немногословный текст его послания Черчиллю:

“Пользуюсь СЛУЧАЕМ, чтобы поздравить Британское Правительство и англо-американские войска по СЛУЧАЮ весьма успешных операций в Сицилии, которые уже привели к падению Муссолини и к краху его банды”.

Всё взвешено аптекарски точно и выгравировано ювелирно. Незаурядный полемист в сфере научного языкознания, Сталин прекрасно владел литературным русским языком и мало когда дважды употреблял в одной фразе какое-либо слово. Тут же — вполне сознательная тавтологичность (“случаем — случаем”). А следом очень умеренная похвала сицилийских операций союзников (“весьма успешных”). И — заведомая гиперболичность оценки их мнимого результата — отставки дуче и его банды. Между тем кому как ни Сталину, не быть осведомлённым о том, что ни ОДИН высокоономенклатурный участник этой банды к тому времени (и позже) фактически ничем не полатился. Ни постом. Ни, как, скажем, впоследствии Чиано, самой жизнью. Напротив, стремительно вознёсся, подобно маршалу Бадольо, выше некуда. Убрав Кавалера Бенито Муссолини королевскими руками Виктора-Эммануила Третьего, все виднейшие фашисты загарцевали в национальных героях и во главе с фашистом № 2 достоправным маршалом Бадольо и, как уже было сказано выше, спешно приступили к дефашизации итальянского государства и общества.

Так всё же кем был мерзавец Антонио Палланте?

Вот ещё кое-какие фрагменты нашей несколько лапидарной, но безусловно правдивой хроники, доложенной мною в своё время по частям Димашу Ахмедовичу.

В начале июня 1944 года командующий Пятой американской армией генерал Кларк вопреки приказу британского генерала Александра бросил войска на Рим, поспешно оставленный нацистами. Вступило в силу отречение короля и императора Виктора-Эммануила Третьего от престола. Официально главой Итальянского государства стал наследный принц Умберто.

7 июня под инерцией неодолимого давления королевского двора маршал Бадольо подал в отставку. Будущему мемуаристу приходилось очень нелегко, ибо возмездие могло грянуть отовсюду — слишком много оставалось на его совести очень запутанных дел. Однако надежд на лучшее для себя он не терял (и оказался за это вознаграждённым фортуной).

Но покамест премьером стал выдвиженец партии “Демократия труда” всё тот же Иваноэ Бономи. Он же, как и Муссолини в начале 20-х, возглавил сразу два министерства — внутренних и иностранных дел.

Срочно возвратившийся в Италию из СССР Пальмиро Тольятти довольствовался постом министра без портфеля. Со временем при очередных сменах правительств Италии он побывает на должности заместителя премьера и на посту министра юстиции.

Уже после войны, 10 июля 1948 года, на него совершил покушение некий мерзавец Антонио Палланте, по туманному определению коммунистической печати, “презренный наймит”. Чей наймит — это и по сей день толком мало кто знает. Однако мне вольно или невольно приходит на ум чёткая аналогия с “демоном русской революции” Троцким, смертельно раненным кремлёвским посланцем Меркадером в Мексике. Ну а от Москвы до Рима куда как гораздо ближе.

Слишком уж самостоятелен и независим был “товарищ Пальмиро”, хотя ритуально в своём отношении к “товарищу Сталину” мало в чём отставал от своих коллег по Коминтерну.

... Черчилль, узнав об устранении маршала Бадольо, несказанно рассвирепел и сразу же скинул с поста главы военной миссии генерала Мак-Форлана. Того самого, который на первую аудиенцию с итальянским королём-императором явился в полевой форме — мятых шортах и рубашке с закатанными выше локтя рукавами.

На том страсти-мордасти не утихомирились.

Дикое варварство обречённых

Битва за Италию была вовсе не такой лёгкой, какой её отображали в послевоенное время историки-итальяноведы в СССР, а также некоторых обиженных Муссолини европейских странах.

Союзникам пришлось сражаться против отборных нацистских дивизий. Одной из них была дивизия отпетых головорезов “Герман Геринг”. Общей обороной нацистов руководил более чем опытный тактик и стратег генерал-фельдмаршал Альберт Кессельринг — тот самый, кто командовал одним из воздушных флотов люфтваффе, бомбивших Москву и Ленинград, а потом воевал в Северной Африке.

Нацистский арьергард защищался яростно. С отвагой и жестокостью обречённых, которым нельзя было рассчитывать ни на благосклонность своего командования, ни тем более на милость победителей.

Опыт Отечественной войны России против Наполеона 1812 года и доблестной Красной Армии 1941 года Кессельринг заимствовал до упора. Прежде всего, кутузовско-сталинскую тактику “выжженной земли”. Разумеется, с коррективами на эпоху — не оставлять врагу ни литра горючего, ни килограмма зерна.

Горючим и смолой при отступлении обильно поливались деревянные мосты — подожжённые, они сгорали без промедления и дотла. Каменные мосты тоже уничтожались.

Оккупанты не пощадили даже знаменитый античный мост Юлия Цезаря через реку Рубикон.

Тысячи мешков с отборным итальянским зерном были использованы ими для укрепления траншей.

Гитлеровцы повсюду спиливали телеграфные столбы.

Безжалостно вырубали виноградники и фруктовые сады.

Заваливали туннели.

Разрушали речные дамбы. Затапливали рыболовецкие и прочие суда.

В Германию полностью было вывезено даже оборудование туберкулёзных санаториев и психиатрических лечебниц.

Солдатами фюрера уничтожалось всё, что могло пригодиться противнику и что было необходимо для жизни самих итальянцев. Мины и снаряды проламывали крыши их сараев, поднимали в воздух курятники и свинарники, убивали людей и животных.

Нацисты повсюду насаждали режим неукротимого устрашения и самого разнузданного террора. В который раз позоря фатерлянд, они вешали непокорных или просто им не понравившихся, забрасывали людей гранатами, травили собаками.

Бравый эсэсовец по фамилии Редер с батальоном таких же, как и он, хладнокровных мерзавцев, в местечке Мардзаботто расстрелял, замучил и сжёг заживо 1800 женщин, стариков и детей. Юношей-крестьян, изловленных на попытках вооружённого сопротивления, эсэсовцы живьём вешали на мясных крюках.

При отступлении нацисты рядом с дотами и дзотами нередко зарывали в землю танки.

Бетонобойных снарядов у союзников не было. Квалифицированных сапёров — тоже. Прорвать такую оборону без тяжёлой артиллерии и бомбардировочно-штурмовой авиации оказывалось невозможно.

Своих недавних союзников — итальянских офицеров, попадавших к ним в плен, нацисты никуда не отправляли.

Расстреливали на месте.

Ну а лучше ли были сами победители?

Вплоть до декабря 1943 года битву за Италию возглавлял генерал Дуайт Дэйвид Эйзенхауэр, будущий 34-й президент США от Республиканской партии в 1953-1961 годах, так до конца и не состоявшийся большой друг нашего дорогого Никиты Сергеевича Хрущёва.

Освоив лётное дело и став, как Муссолини, незаурядным пилотом, Айк (так за глаза его звали повсюду, где бы и в каком качестве он ни появлялся), очень неохотно садился сам за руль автомашины. Перед Новым — 1944 годом он стал Верховным главнокомандующим экспедиционными войсками союзников в Западной Европе, а за баранку его штабного джипа села женщина (до самого конца войны).

С перемещением Эйзенхауэра в Европу главное командование союзными войсками на Средиземноморье выпало на британского генерала (будущего фельдмаршала и графа, министра обороны Великобритании в 1952-1954 годах) Харолда Руперта Александра-Тунисского.

Почётный титул к своей фамилии с подачи Черчилля Александер милостью короля Георга Шестого присоединил, прокомандовав с 1942 года Восемнадцатой и Пятнадцатой армиями в Тунисе и Италии. Военачальником будущий фельдмаршал, граф и министр был здоровым, обыграть его, по словам близких к нему коллег, практически мало кому удавалось, потому что “в его кармане всегда находился запасной козырный туз”.

При нём, как и при Айке, англо-американская авиация предпочитала утюжить ковравыми бомбардировками не боевые позиции нацистов, а итальянские города, лишённые какого-либо более или менее надёжного зенитного прикрытия, не говоря уже об истребительной авиации ПВО.

Один лишь Неаполь погромным бомбёжкам подвергался 120 раз. Без какой-либо военной целесообразности союзниками в страшные руины и щебень были превращены десятки городов и сотни населённых пунктов. Столь же безрассудно расходовала свои боеприпасы и артиллерия союзников.

В своих всё-таки состоявшихся мемуарах “Италия во Второй мировой войне” достославный маршал Бадольо не без злорадства воздал должное дилетантству англо-американского командования в ведении тем наступательных операций на территории Южной и Центральной Италии.

Несколько раз эсэсовцы на разных участках Северной оборонительной линии “Адольф Гитлер” переходили в психические атаки. Пьяный рёв оглашал окрестности. Британские, канадские, американские, греческие солдаты не выдерживали зверского рукопашного боя — и стремглав откатывались.

Зато союзники были очень храбры, решительны и героичны там, где оборону против них держали готовые дезертировать жалкие итальянские новобранцы под командованием немецких сержантов.

При первом же удобном случае новобранцы изобретательно находили в себе силы навсегда отделаться от своих опекунов и быстро покинуть позиции.

Именно так и было близ старинного города Римини.

Восхвалявшие до небес сначала добродетели оккупантов, а потом и доблести союзников местные газеты возглашали: “Греки и канадцы освободили славный город!”.

Но — от кого?

В Римини не было ни одного немца!

В авангард своего продвижения американское командование выставило греческие подразделения.

Их солдаты хорошо помнили, как Муссолини в начале Второй мировой войны вторгнулся в Грецию и что вытворяла там его очумелая от имперских проповедей солдатня.

Но в 1945-м мирные итальянцы никак не заслуживали обрушившейся на них слепой и жестокой мести.

В Эсперии провинциальные девушки вышли с цветами навстречу своим англо-американским освободителям. На радостях те истолковали это как приглашение к известным послесвадебным действиям и принялись лишать всех невинности.

Тогда за девушек решительно вступились местные женщины и старики-скотоводы. Завязались нешуточные потасовки. Иные из освободителей были тут же по всем ветеринарным правилам кастрированы крестьянами.

Ловкими жуликами прослыли освободители-канадцы. Они не действовали так грубо и примитивно, как в Эсперии их англо-американские коллеги, не крали деньги и продукты, а искусно прикарманивали в одном городе красивые вещицы и всяческую бижутерию, чтобы в другом городе совращать этим добром миловидных итальянок.

Поначалу всё это многонациональное воинство предпочитало вести войну по расписанию и счёту. Если немцы выпускали со своей стороны три мины, то в ответ им прилетали тоже три. Если противник стрелял девять раз, то британцы, американцы, канадцы, греки отвечали тоже девятью выстрелами. Ни больше, ни меньше. Но потом всё пошло кувырком.

Войны без серьёзного риска и без крупных жертв не получилось.

По сценарию давнего друга дуче — Уинстона Черчилля

Черчилль регулярно уведомлял Сталина о громадных потерях, которые сопровождали медленное продвижение войск союзников после их сицилийской высадки. Свои послания в Кремль подписывал неизменно: “... Ваш друг и военный товарищ”.

Он сознательно отождествлял нацизм с его национальной пропиской и не просто делился со Сталиным своими соображениями, а навязывал собственную концепцию. Её суть была проста как огурец. А именно: в самой большой степени использовать итальянцев против немцев — не как против нацистов, как против НЕМЦЕВ — для своеобразной этнической прополки всего европейского ареала.

В самой Италии Черчиллю было предпочтительней сохранить монархию.

“Теперь, когда Муссолини поставлен немцами в качестве так называемого республиканского фашистского правительства, важно использовать этот шаг, сделав всё, что мы сможем, для усиления власти короля-императора и Бадольо, которые подписали с нами перемирие и с тех пор, насколько они это могли, верно выполняли его и выжали большую часть флота”, — доходчиво объяснял британский премьер Сталину.

“Главная задача должна состоять в том, чтобы убивать НЕМЦЕВ и заставить итальянцев убивать НЕМЦЕВ на этом театре в возможно большем количестве”, — упорно внушал Сталину его “друг и военный товарищ”.

“Наша главная цель заключается в том, чтобы втянуть в битву наибольшее количество НЕМЦЕВ и УНИЧТОЖИТЬ ИХ”, — настойчиво повторял Хозяину Кремля британский лидер, забыв или сделав вид, что забыл известную формулу того: “Гитлеры приходят и уходят, а германский народ остаётся”.

Не хочу сказать ничего плохого о таком честном политике, каким считаю Пальмиро Тольятти. Однако полное уничтожение фашизма в Италии он, как и Черчилль, неразрывно связывал с УНИЧТОЖЕНИЕМ “гитлеровских захватчиков”. С полным или же частичным — тут в своём московском докладе “Италия в войне против гитлеровской Германии” 26 ноября 1943 года уже обстоятельно готовившийся к возвращению на родину оратор не уточнил.

Однако особо подчеркнул — дословно:

“Сейчас ещё не время думать о том, какой будет Италия после полного уничтожения фашизма, изгнания и уничтожения гитлеровских захватчиков... Ясно, что ОСЬЮ итальянской политики должно быть тесное сотрудничество всех демократических и народных сил”.

Союзные гитлеровцам войска старались покинуть Северную Италию как можно быстрее.

Отсюда в Южную Францию в полном составе драпанула сформированная нацистами чешская часть и присоединилась к англо-американцам.

С прямо противоположными намерениями — а именно: продолжить бои против Красной Армии (уже получившей название Советской) вышли из Италии казачьи полки во главе с соперником старого белогвардейского генерала Краснова — походным атаманом Дамановым. В Австрии они вступили в контакт с англичанами, и те по спискам их выдали Советам.

(Финал этой истории был закономерен. О нём позже уведомила “Правда”, опубликовав сообщение “В Военной коллегии Верховного Суда Союза ССР”. Согласно параграфу 1-му Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года Краснова и Даманова приговорили к смертной казни. Вместе с ними по этому же приговору повесили генералов Шкуро, командира “Дикой дивизии” князя Султан Клыч-Гирея, генерала-эсэсовца фон Панвиц Хельмута).

Тем временем президент США Рузвельт, возвращаясь из Каира и Тегерана в сопровождении генерала Эйзенхауэра, командующего авиацией союзников в Северо-Западной Африке генерала Спаатса и своего специального помощника Гарри Гопкинса, посетил остров Сицилию, наградил медалями шестерых офицеров американской Пятой армии и издал приказ о награждении генерала Кларка.

4 октября 1944 года генерал-лейтенанта Марка Кларка Кремль наградил — с ведома Сталина — орденом Суворова I степени “за выдающуюся военную деятельность по руководству боевыми операциями Союзных войск в Италии в борьбе против гитлеровской Германии”.

Столь престижного советского ордена в одночасье удостоились лорд-хранитель печати Великобритании Бивербрук и британский фельдмаршал Монтгомери-Аламейский, творец знаменательной победы над итало-немецкими войсками в Египте, ставшей с ноября 1942 года переломным моментом в ходе северо-африканских кампаний.

В тот же день — совпадение, полагаю, не совсем случайное! — Рузвельт выделил для Италии 1700 грузовиков, ещё 150 тысяч тонн пшеницы и муки, напомнил, что американские войска многое сделали для восстановления дорог и мостов, считая это неотъемлемой частью военных операций.

Янки чинили дороги и мосты прежде всего для самих себя. Так же действовали британцы с канадцами и греками. Непримиримого антагонизма между союзниками не было, но и великого единения тоже. Каждый, как говорится, тянул одеяло на себя и был по-своему прав.

Необычайно активно стремился упрочить британское влияние Черчилль. В середине августа 1944 года он самолично вылетал в Неаполь (освобождённый английской Восьмой армией ещё 1 октября 1943 года) и на остров Вис для встречи с маршалом Тито и югославским премьером Шубашичем. Черчиллю было очень важно полностью склонить югославов на свою сторону и кое в чём тут он явно преуспел, что впоследствии чересчур самостоятельному маршалу Тито у Сталина непременно зачлось.

Любопытно, что спустя пару месяцев после отлёта Черчилля в Лондон на острове Сицилии неожиданно подали очень громкие голоса тамошние сепаратисты, выступавшие за ПОЛНОЕ отделение от Италии.

При Муссолини они смиренно помалкивали.

Кто заправлял республикой Сало

В районе Сало на берегу озера Гарда, точнее в районе Гарильяно-Рокка делла Каинате “товарищ Бенито” провозгласил ИТАЛЬЯНСКУЮ СОЦИАЛЬНУЮ РЕСПУБЛИКУ. Её владения не были карликовыми. Весь север Италии. Более трети всей страны, не меньше. Формально и все остальные две трети. Как Ленин поначалу называл Октябрьскую революцию СОЦИАЛЬНОЙ, так и Муссолини под конец, прилично поразмыслив, таковой объявил свою республику.

Но до конца ещё было отнюдь не рукой подать.

Надеялся ли на что-то из разряда необыкновенных чудес дуче?

Полагаю, нет.

Гитлер отказал Муссолини в желании сделать Рим столицей Социальной Республики под тем предлогом, что Рим уже был объявлен “открытым городом”. То есть незащищённым и потому неспособным быть театром военных действий. Ещё раньше точно таким же городом был объявлен Париж. Вот в обоих случаях фюрер, не очень-то чтивший вместе со своими компаньонами международное право, попользовался им, кажется, в полной мере.

Настойчиво навязывал Берлин Муссолини свою квази-валюту, выпускаемую после российских и африканских катастрофических встрясок в неисчислимом количестве. Её принятие означало бы полный крах — и не только экономический. С превеликим трудом отбилась дуче от нашествия оккупационных марок и всё-таки отстоял национальные деньги — взамен на непомерную контрибуцию.

Многими делами в Сало заправляли бывший адъютант Гимmlера обергруппенфюрер (читай: генерал) СС Вольф и особый уполномоченный Берлина все-сильный Ранн. Если Ранна физически можно было терпеть, то Вольфа Муссолини не переносил. Его неизменная чёрная фуражка с распластанным нацистским орлом и человеческим черепом со скрещёнными костями снилась по ночам. Хотя прежде к её обладателю дуче относился даже с известной всем долей симпатии. Многие деликатные проблемки, проблемы и проблемищи, связанные с Италией, дуче решал для германцев при посредничестве Вольфа и его почти всемогущего Патрона. Незаурядными были связи Вольфа и с Папой Римским. Вольф умело лавировал между Муссолини, Ватиканом и военным командованием.

Этого ловкого, умного и страшного типа сам Гимmlер нежно называл “Вельфхен — Волчонок”. Была своя логика в том, что именно Вольфа назначили “высшим фюрером СС и полиции в Италии”. Чин был, конечно, незаурядный. Но всё-таки самолюбие “товарища Бенито” уязвлялось предельно. Мог бы Гитлер определить в Сало кого-нибудь попочтеннее.

(Однако даже проницательный дуче недооценивал своего германского куратора. Именно Вольфу, а не кому-либо другому были доверены сверхсекретные переговоры с Алленом Даллесом весной 1945 года. Своевременно узнав о них из

оперативных донесений советской разведки, Сталин ничуть не удивился. С хладнокровной гневливостью он прописал Рузвельту с Черчиллем ижицу:

“Мои информаторы — люди скромные, но честные”.

Тем самым давал понять, кто у кого “под колпаком” и какие бы шашни ни заводили с нацистами за спиной Кремля его союзники по антигитлеровской коалиции, тайное всё равно станет явным. Причём без промедления).

Что за дивная книга “История одного года”!

Оказавшись “высшим фюрером СС и полиции в Италии”, Карл Вольф первым делом приказал переправить через горный перевал Бреннер на “фабрики смерти” в Германию для оберштурмбанфюрера СС Адольфа Эйхмана 15 тысяч итальянских евреев.

Мало кто из них сумел и успел откупиться. Большинство были обращены в человеческий лом и дым нацистских крематориев.

Вольф пристально следил за тем, чтобы республика Муссолини сполна представляла Гитлеру всё возможное и невозможное.

Марганец.

Серу.

Железную руду.

Электрэнергию.

Текстиль.

Цемент...

Как в долях, так и целиком. Только в апреле 1944 года вермахту было отряжено с военных заводов Италии 7,5 тысяч автоматов, 7 тысяч пистолетов, 10 тысяч винтовок, 100 артиллерийских орудий, 97 самолётов. Завод “Фиат” магната Валетты получил заказ на 500 самолётов, но вызвался дать ещё больше.

В самой Италии гитлеровцы пожирали четверть итальянского мяса. Столько же рыбы, риса и фруктов. Треть овощей. Прихватывали и сахарок. Не говоря уже о винах. На всё у них аппетит был отменный.

Новые тысячи и тысячи квалифицированных итальянских рабочих были перемещены в Германию на военные предприятия, а всего там за войну не по своей воле оказалось свыше ДВУХ МИЛЛИОНОВ итальянцев.

В Сало Муссолини реорганизовал ПАРТИЮ.

15 ноября 1943 года она собралась в Вероне на свой первый съезд. Было объявлено: в неё вступила 251 тысяча надёжных и преданных ТОВАРИЩЕЙ. Генсеком новой партии стал Паволини — человек не робкого десятка. Со временем он был ранен в стычке с партизанами в примечательное место — пониже спины.

Сам дуче на съезде не появился. То ли по болезни. То ли по чрезмерной занятости. Теперь он особенно стал ценить безвозвратно убегающие месяцы, недели, дни и даже часы. Опять с головой окунулся в журналистику и литературу, понимая, что это, быть может, единственное спасение от неминуемого забвения его соотечественниками, а потом уже и самой Историей.

Одну за другой он писал откровенные по настроению статьи под прозрачными псевдонимами, а в удивительной книге под названием “История одного года” говорил о себе только в третьем лице.

В ней он изобличал почти всех, кого обожал прежде или хотя бы терпел по державной необходимости.

Любимого короля-императора.

Непотопляемого маршала Бадольо.

Всех остальных, кто его предал.

Масонов.

Плутократов...

Никого не забыло памятливое перо дуче!

Свою концепцию единства “индивидуальности, общества и нации” он по-прежнему в статьях и мемуарной книге находил “совершенно безупречной”.

“Любой режим рушится под тяжестью военных поражений. Но нет иного средства, чем война, чтобы раскрыть обман народа”, — это его весьма реалистичное и столь же горькое признание.

Принятая съездом Веронская хартия по социально-политическим заявкам и обещаниям превосходила даже Программу Муссолини 1919 года.

В канве знаменитого сентябрьского выступления Муссолини по радио из Мюнхена сильный гнев Хартия обрушила на “тёмные силы реакции”, коварно перечеркнувшие многие достижения пролетарской Италии.

Хартия провозглашала полное уничтожение капиталистического строя в стране,

уверенно гарантировала каждому гражданину право на жильё,

обещала рабочему классу существенные прибавки к зарплате,

устанавливала смертную казнь для спекулянтов.

Нашлось в Веронской хартии место намерениям

непременно созвать Учредительное собрание,

социализировать предприятия путём участия рабочих в управлении ими, обеспечить полную свободу критики и т. п.

Основной же идеологической направленностью Хартии было, повторяю,

ОТРИЦАНИЕ КАПИТАЛИЗМА.

По неотступному настоянию Гитлера Муссолини покарал в Вероне участников Римского заговора 25 июля 1943 года.

Вместе с попавшими к нему в руки видными деятелями фашистского движения после суда над ними был казнён 11 января 1944 года и ненавистно-обожаемый зять — Чиано. На заклание его привезли из Германии, а дочь Муссолини Эдда всё-таки сумела обвести вокруг пальца своих опекунов из ведомства Гимmlера и скрыться в Швейцарии.

Гибелью зятя Муссолини и сам подписал себе грядущий смертный приговор.

Ну а Карл Вольф?

Свои переговоры с американской стратегической разведкой он вёл без ведома Гитлера, Гимmlера и Кальтенбруннера. Без их одобрения устанавливал связи и с архиепископом Миланским — кардиналом Ильдефонсо Шустером, высшим представителем Ватикана при Муссолини. За всё это, казалось бы, не сносить Вольфу головы. Но он сумел обвести каждого из них вокруг пальца.

Перед беседой с Гитлером в ночь с 17 на 18 апреля 1945 года предупредил Кальтенбруннера:

“Я на виселицу один не пойду. И ты и Гимmlер составите мне компанию”.

Гитлера убедил в исключительной выгоде своих встреч с Даллесом и Шустером.

Фюрер не только сменил гнев на милость, но даже на глазах ошарашенных Кальтенбруннера и Гимmlера поделился с Вольфом своими планами — как столкнуть лбами “коммунистические Советы и сверхкапиталистических американцев”.

Напоследок напутствовал:

“Возвращайтесь в Италию. Держите в руках всю ситуацию со всеми тамошними интригами и предательством. Вы это делали безупречно. Продолжайте связь с американцами. Постарайтесь добиться от них лучших условий”.

Ничего не добился Вольф.

Общепитальянское восстание пустило под откос многие из замыслов и планов — как его, так и тех, с кем он вёл переговоры о капитуляции. Физическим спасением Вольфа занимался сам Даллес, и эта детективная операция закончилась удачно.

Поначалу англо-американцы обещали ему в награду за тайно проведённые переговоры и переданные сведения — уберечь от суда после окончания войны.

Свой посул подручные Рузвельта и Даллеса не выполнили.

Вольфа запытали в американскую следственную тюрьму.

Однако он был не дурак и, чтобы выкрутиться от неминуемой петли, срочно возжелал выступить на Нюрнбергском процессе.

В качестве свидетеля.

Но именно такой свидетель, который мог вдруг припомнить во всеуслышание о секретных переговорах и запалить скандал на весь белый свет, не был нужен.

Поэтому следственную тюрьму Вольфу немедленно заменили британской психушкой.

В Англию его вывезли под большим секретом, а официально объявили — “пропал без вести”.

Потом его, разумеется, отпустили. Он был мил и дорог не только Даллесу. Вольф спокойно вернулся в Мюнхен, уверенно занялся мирным бизнесом. Однако вскоре всё-таки угодил на скамью подсудимых. Как военный преступник. Отделался приговором — на 6 лет тюрьмы. Но, понятно, просидел недолго.

Под старость лет он обосновался на земле Гессен — в distinguished городе Дармштадте. Особого уединения не практиковал. Писал мемуары, беседовал с навещавшими его историками и журналистами. Не уклонялся и от встреч с советскими литераторами.

Бесполезное свидание в ставке Гитлера в день покушения на него 20 июля 1944 года

Карл Вольф был неперменным почётным гостем при Муссолини в Сало и других местах Северной Италии на военных парадах доблестных итальянских воинов, якобы вернувшихся из Великого похода на Восток.

Такие парады пытались проводить с превеликой помпой.

Но в строю, как и до Большой войны, маршировали никогда не бывавшие в России ПОДСТАВНЫЕ солдаты, а толпы зрителей, не знавших ничего о нехитром подлоге, сочувственно аплодировали псевдогероям. Возвратившись по казармам, солдаты не могли смотреть один другому в глаза.

В конце концов и это надувательство раскрылось.

Последовал большой скандал. И тут Муссолини ловко отвертелся от него, как в давнее время от дела Мариотти. Умение сухим выходить из воды почти всегда оставалось у дуче нетраченным.

В предпраздничный день, точнее вечер 6 ноября 1943 года, в очередную годовщину Великого Октября, о Муссолини в своём докладе неожиданно вспомнил Сталин.

Нет, хозяин Кремля не называл “товарища Бенито” бандитом, а его сподвижников — бандой, не костерил их на чём свет стоит, а скорее с ноткой некоего сочувствия сказал, что Муссолини “сам является по существу лишь пленником”.

Что ж, видимо, это было именно так.

13 июля 1944 года Муссолини посетил воссозданную в Германии итальянскую дивизию.

Смотр её прошёл довольно вяло.

“Товарищ Бенито” скорее автоматически, чем от души призвал воителей “брать за образец вермахт”. А ровно через неделю высшие офицеры этого самого вермахта попытались физически ликвидировать фюрера. Но неудачным оказалось это, казалось бы, тщательно спланированное покушение.

Судьбе было угодно, чтобы Муссолини прибыл в ставку Гитлера именно в этот день 20 июля 1944 года. Провидение уберегло его от взрыва бомбы, уготованной и для него полковником Клаусом фон Штауффенбергом.

Она рванула в 12 часов 42 минуты — тогда как прибытия Муссолини фюрер ожидал к половине третьего дня, особенно-то не распространяясь о точном сроке точно обещанного появления дуче в Ставке.

В окружении двадцати двух своих приближённых Гитлер заканчивал слушать доклад начальника оперативного отдела Генерального штаба Хойзингера.

В некоторых публикациях, выпущенных в свет к 20-летию Победы, в том числе во втором, ПЕРЕРАБОТАННОМ издании книги известного советского военного историка Даниила Мельникова “Заговор 20 июля 1944 года в Германии. Причины и следствия” (ИМО, Москва, 1965, 297 страниц), утверждалось, что в результате взрыва Гитлер будто бы:

- 1) получил ожоги;
- 2) временно потерял слух — у него якобы лопнули барабанные перепонки;
- 3) его правая рука оказалась парализованной.

Но если бы даже не все эти отнюдь не лёгкие травмы на самом деле постигли хозяина Ставки, а хотя бы только лишь одна из них, то при таковой (будь то ожоги, отключение слуха или паралич руки) он физически навряд ли смог бы менее чем через пару часов отправиться на вокзал на встречу с дуче и его свитой. Хотя, как показал его опыт отнюдь не одноразовых увечий, полученных ещё на Первой мировой войне, он был живуч как кошка.

Короче, фюрер встретил своего Первого Друга на перроне в новых штанах и очень взволнованным.

“Дуче! Только что в моём штабе рванула адская машинка!” — сообщил он с превеликой озабоченностью.

О смене штанов, понятно, умолчал.

Свидание Гитлера с Муссолини 20 июля 1944 года оказалось для обоих совершенно бесполезным.

Сам по себе факт взрыва в Ставке уже красноречивее всего говорил как её главному обитателю, так и его главному гостю, о роковой неотвратимости ВОЗМЕЗДИЯ.

И тем не менее по традиции, ставшей уже давней за годы их волчьей дружбы, на прощание они обнялись очень сердечно. Хойзингер тоже отделался сильным испугом (после Второй мировой войны он усердно служил, понятно, уже не Гитлеру, а — бундесверу и НАТО).

Отправив Муссолини восвояси, Гитлер обратился к Еве Браун, которой на сей раз не оказалось с ним рядом в Ставке, с кратким, но прочувствованным посланием.

Вот оно:

“Mein lieber Tschapperl! — Моя милая лапушка! Умоляю тебя — не волнуйся!”.

“Geliebter! — Любимый! — ответила она ему. — Ты ведь знаешь, и я много раз тебе это говорила, что я не буду жить без тебя”.

Ничуть не кокетничала Ева Браун — её любовь к Гитлеру была сущей правдой и единственным смыслом бытия. Особенно поражали её в Гитлере его огромные голубые глаза, когда он рассуждал с ней о чём-либо для неё особенно близком и понятном. Чаще всего это была музыка.

А своё роковое слово Ева Браун, как известно, сдержала — прилетела в 1945 году в осаждённый Берлин на самолёте, чтобы обвенчаться с Гитлером и вместе с ним умереть.

Золотая гарибальдийская медаль для Пальмиро Тольятти

Влияние Муссолини на свою полулиповую республику постепенно сходило на нет. В его правительственных канцеляриях усердно трудились лишь одни пауки, а сами чиновники под разными предлогами и без оных стремительно разбегались кто куда.

Крупнейшие города Социальной Республики Турин, Милан, Геную сотрясали забастовки рабочих и служащих.

Крепко досаждали партизаны. (На языке Муссолини — мятежники).

Фактически с ними не было никакого сладу. Они тоже, как и Муссолини, называли себя гарибальдийцами.

Милан стал столицей Движения Сопротивления.

Партизаны поделили между собой не только Северную Италию, а и всю страну на оперативные зоны, а программный счёт у них был прост: за каждого итальянца, погибшего в России, — десять убитых муссолинистов плюс десять убитых гитлеровцев. Итого — двадцать “единиц”.

Это как минимум.

Девизом стало: “У кого есть оружие — пусть действует. У кого нет — пусть добудет у врага!”.

Партизаны мешали не только Муссолини, а и англо-американскому командованию. Тогда 10 ноября 1944 года к ним с особым воззванием обратился британский генерал Александер. Смысл этого воззвания был примерно таким: “Летняя кампания закончена. Спасибо вам за участие. А теперь расходитесь по домам до нового моего приказа”.

Обращение генерала (затем — фельдмаршала) Александера очень понравилось и в Социальной Республике. Его она транслировала по своему радио неоднократно.

Но только слушали все эти трансляции увешанные трофейным оружием гарибальдийцы.

Были среди партизан и большие оригиналы.

Так, партизан по фамилии Паскуале взял в плен соотечественника — полковника Джованарди.

Как наказать фашиста?

Паскуале вызвал его на кулачный бой. Исход этого нетрадиционного поединка для Джованарди был, естественно, не очень весел, но тем не менее полковник благодарил Господа Бога и Паскуале за то, что остался в живых.

Ещё осенью 1943 года, когда Муссолини рухнул, крестьянин Альдо Черви из области Эмилия и семеро его сыновей собрали всю муку, масло, яйца и вино, которые были в доме, сварили несколько центнеров макарон и угостили всю деревню.

Потом отец и сыновья стали помогать партизанам. Их взяли с оружием в руках. Все семеро сложили головы. Отец, сумевший бежать из тюрьмы, узнал об их расстреле только через месяц:

“Я оплакал своих сыновей, а потом сказал, что за одним урожаем следует другой, и сам снова взялся за оружие”.

Вот такая тут общая статистика.

За оружие, как Альдо Черви и семеро его сыновей, взялись 462 тысячи партизан и патриотов. 76500 из них пали на поле боя или погибли в застенках.

Большинство погибших — коммунисты.

Их мартиролог состоял из 42 тысяч 558 имён. Так значится на странице 596-й X-го тома изданной в годы ильичёво-хрущёвской оттепели “Всемирной истории”.

Вне пределов Италии тоже происходило нечто удивительное — там её солдаты, ещё совсем недавно боровшиеся вместе с гитлеровцами против местных партизан, тоже превращались в “мятежников” и били вчерашних союзников со всей силой, на какую были способны.

За разработку стратегии и тактики Апрельского восстания 1945 года Пальмиро Тольати был удостоен Золотой Гарибальдийской медали.

Последняя публичная речь дуче

Последние недели своей жизни Кавалер Бенито Муссолини часто впадал в полупростратию. Все вокруг него были озабочены только одним — как вовремя унести ноги. Один предавал другого на каждом шагу. Но рядом с ним (в соседней вилле) всегда находилась верная пассия Кларетта Петтачи. А неподалёку — её родной брат Марчелло. Тот на полностью добровольных началах стал шофёром у Муссолини.

Да, бывая железная воля часто покидала главу Социальной Республики.

Зато вернулся прежний роковой недуг. Муссолини перестал наголо брить голову. Она обросла клочками седых волос.

Но иногда на него находило полное просветление.

16 декабря 1944 года в миланском театре Лирико дуче держал речь. Как оказалось — последнюю. В ней он опять воздавал должное королю, Бадольо и всей придворной камарилье, прозорливо предрекал грядущий раскол антигитлеровской коалиции, упрекал Черчилля за “непонимание общих интересов западного мира”.

Вспоминал:

“Однажды советский посол в Риме сказал: “Первая мировая война большевизировала Россию. Вторая мировая война большевизирует Европу”. Если это произойдёт, то ответственность ложится, прежде всего, на Великобританию!”.

Какой посол — Каменев или Потёмкин, не уточнял. Но никогда не забывал ни о них, ни о советском корреспонденте Кине. Серьёзных обид на них у дуче никогда не было.

Гибель Каменева его огорчила. Дуче приказал убрать охрану из 18 карабинеров из больницы, где лежал Грамши, и полностью освободить его.

Грамши умер свободным.

В 1937 году.

Быть может, парадокс, но с его кончиной Муссолини стало труднее — этот великий раб коммунизма был достойным оппонентом.

Примечательными для дуче людьми были Потёмкин с Кином. Потёмкина Кремль перебрал послом во Францию, а Кина напрямую отправил в лапы НКВД.

Не ведаю, знал ли всеосведомлённый “товарищ Бенито” (скорее всего, нет), как старый отец Кина — героический труженик, трижды стахановец, паровозный машинист, известный, наверное, всем железнодорожникам СССР, слёзно умолял железного наркома — “товарища Кагановича” спасти жизнь и репутацию его сыну. Напрасно — Лазарь Моисеевич Каганович остался глух и нем к этой отчаянной мольбе. Одной из множества ей подобных.

После миланского выступления Муссолини, не взирая на протесты Берлина, продолжил национализацию промышленности.

Старая любовь не ржавеет. Потому Черчилль смиренно снёс упреки в свой адрес. Зато некоторые из примечательных положений миланской речи он уже после войны позаимствовал для своего знаменитого заокеанского выступления в Фултоне.

Эту речь — к ужасу и негодованию Сталина (об этом рассказывал Ильичёв) московская “Правда” поначалу воспроизвела почти слово в слово. И только потом уже вместе со всей кремлёвской пропагандой усердно выправляла положение, выдавая белое за чёрное и — наоборот.

Всё дело заключалось в том, что в Фултоне Черчилль ратовал отнюдь не за войну, а за всепланетный МИР, призывал англоговорящие народы к единству перед угрозой тоталитаризма и предостерегал всё человечество от атомной беды, которая, как он говорил за океаном, “придёт на сверкающих крыльях науки”.

“Вот тебе и проклятый поджигатель Третьей мировой войны!” — вздохнул Д. А. на эту — для него — новость.

Муссолини: “... Немцы меня предали. Они всегда обращались с нами, как с лакеями”

Через ушлого кардинала Шустера и своих “добрых друзей-промышленников” Муссолини соблаговолил передать на Запад своё совершенно естественное, с его точек зрения, желание сдаться не ставшему в Италии хозяином положения партизанскому Комитету национального освобождения, а — британо-американским войскам. В противном случае угрожал “сделать из Милана новый Сталинград”. Конечно же, мало кто верил в реальность этого страшного посула. И первым сам Муссолини. Но в конце концов надо же было ему что-то говорить.

На встрече с представителями Комитета национального освобождения — была и такая! — “товарищ Бенито” вынужден был ПРИЗНАТЬ всю правоту прозвучавших на ней обвинений и полную безвыходность своего положения.

В передаче кардинала Шустера, Муссолини довольно меланхолично сказал: “А! Немцы меня предали. Они всегда обращались с нами, как с лакеями”.

Заметьте, как обдуманно дуче пощадил своего главного нацистского обожателя — Гитлера. Не упомянул его ни словом. Предали НЕМЦЫ, но никак не их фюрер.

Члены Комитета без обиняков предложили Муссолини сдаться.

Глава Социальной Республики пообещал дать ответ через несколько часов. Это была его очередная уловка. Странно, но воспитываемые Луиджи Лонго и Пальмиро Тольятти в духе неусыпной бдительности комитетчики поверили этой уловке.

Тем временем Муссолини спешно, не теряя ни минуты, двинул по направлению к границе.

Приставленный к нему офицер СС Франц Бирцер с 30-ю эсэсовцами регулярно информировал своё начальство о каждом шаге Кавалера Бенито Муссолини, но ещё чаще терял его из виду. Панический хаос беспорядочного отступления, более смахивавшего на отчаянное бегство, разрастался повсеместно.

На уме у каждого было только одно — благополучно спасти свою шкуру, пока партизаны не перекрыли все горные дороги.

Поначалу Муссолини перемещался к границе даже с комфортом. Снабжённый документами испанского дипломата брат Кларетты Петтачи Марчелло искусно водил автомашину, в салоне которой неразлучно находилась его сестра со своим давним-предавним возлюбленным.

Узнал о бегстве Муссолини и генералиссимус Франко.

Из Мадрида дошла до фюрера немилосердно-жёсткая фраза испанского диктатора:

“Отныне Муссолини — это тень и не более”.

Говорят, каудильо её произнёс ещё раньше — когда категорически не признал Социальную Республику, добавив:

“Муссолини очень болен и долго не протянет”.

Тогда фюрер так не считал.

Теперь он видел ужасную картину — итальянские партизаны именем народа и короля-императора берут Муссолини в плен, а затем, как следует поторговавшись за голову самого главного арестанта, сдают его со всеми потрохами англо-американцам и те великого пленника (слова Гитлера) “с криками восторга увозят в Вашингтон”.

Говорили и даже писали, будто бы покидая Сало, Муссолини прихватил весь золотой запас то ли всей Италии, то ли Социальной Республики.

Этот пассаж как-то слабовато вяжется с сообщением агентства Рейтер из Рима, оповестившего ещё 14 октября 1944 года весь мир о том, что бывший управляющий Итальянским банком Аццолини приговорён к 30-ти годам тюрьмы за передачу Германии золотых запасов банка.

Не знаю, то ли чемоданов и сундуков у Муссолини для таких запасов не нашлось, то ли сами запасы были очень мизерными, но в любом случае в войсковую колонну, которая поспешно отходила к пограничному рубежу с примкнувшим к ней отрядом вермахта (из войск — ирония судьбы! — *противовоздушной обороны*), сопровождаемым броневиком, Первый Пилот Италии Муссолини прибыл налегке.

Он уже переоделся в форму обычного немецкого солдата.

Нашлись для него и каска с шинелью.

В кузове грузовика попутчики, которые и знать не знали, кто он такой, поделились с ним суконными армейскими одеялами.

Одеяла, как и положено, были замызганы вдрызг, но всё-таки согревали — горные вечера и ночи не просто прохладны, а очень холодны, особенно к рассвету и восходу солнца.

Сапожник Джузеппе Негри всегда отличал пьяного от трезвого — не сплеховал он и в этот роковой для дуче раз

Историк Роберто Батталья утверждал, что Муссолини “в последний момент оставил на произвол судьбы следовавших за ним итальянцев и даже свою верную любовницу Кларетту Петтачи. Потом их снова соединили...”. Так значится на странице 642-й переведённого на русский язык и изданного в Москве капитального труда “История Итальянского Движения Сопротивления” (1954).

Не дождавшись возвращения Муссолини, представители Комитета национального освобождения вынесли ему смертный приговор. Одним из двух пунктов было обвинение в злоумышленной покраже золотого запаса Социальной Республики. Другим пунктом (первым) его аттестовали как экзекутора страны и народа.

По радио был отдан приказ — найти и арестовать беглого дуче.

Муссолини маскарад не помог. В восьмом часу утра 27 апреля 1945 года близ приграничного местечка Донго колонну тормознула застава партизан. Явно не богатырская. 69 человек, преимущественно новобранцев. Именовалась она однако громко — 52-я партизанская бригада. Ею командовал граф Беллини делле Стелле, в молодости кавалерийский офицер. Комиссаром был бывший таможенный полицейский Урбани Ладзаро. Оба в партизанском обиходе звались покороче. Командир — Педро. Комиссар — Билл.

Фактически обошлось без боя. Партизаны решили отпустить немцев восвояси — к границе, а со своими соотечественниками разобраться. Никто не хотел умирать. Муссолини, переодетый в германскую форму, тоже.

В аккурат кто-то громко включил радиоприёмник. Эфир повторял грозный приказ Комитета национального освобождения. Под брезентовым тентом в кузове немецкого грузовика Муссолини слушал этот приказ, жался к своим спутникам, натягивал на себя грязные одеяла и прятал от партизан лицо.

Но уже ничего не помогло. Его довольно быстро опознали, быстро извлекли из кузова вслед за остальными, кто показался партизанам подозрительным.

Честь опознания выпала партизану Джузеппе Негри.

Вот как это было.

Немцы объявили своего спутника пьяным в дым. Но бдительный Джузеппе, сам по профессии сапожник, и на этот раз всё-таки смог отличить трезвого от пьяного. Он моментально узнал Муссолини по профилю. Не поверил сам себе, спрыгнул на землю и быстро поспешил к комиссару Биллу.

Тот стремительно вскочил в кузов:

“Camerata! Камерата! Товарищ!” — сильно потряс он Муссолини за плечо. Никакого движения, никакого ответа.

Слово самому Биллу:

Обозлившись, я громко кричу:

“Кавалер Бенито Муссолини!!!”.

Человек в шинели вздрагивает. Немцы молча наблюдают. Кое-кто бледнеет. Теперь я знаю, кто этот человек. Я снял с него шлем и опустил воротник его шинели. Да, это был он — Муссолини. Это был человек, которым я восхищался в ранней молодости, а потом проклял...”.

Отчего воссиял “полковник Валерио”

Кавалер Бенито Муссолини полагал, что его расстреляют. Сразу же!

Нет-нет, даже не станут тратить на него пуль, а растерзают на месте, и уже приготовился к самому худшему.

Но в то весеннее горное утро ему дали отсрочку. Она была не очень велика, и всё-таки довольно прилична.

Целые сутки плюс восемь часов и ещё несколько минут человеческой жизни.

За это время партизаны помогли ему найти Кларетту Петтачи, накормили его и её. Никто пальцем не тронул. Оскорбительным словом — тоже. Все были насыщены об их неземной любви.

Муссолини тщательно переодели. Он и сам не узнал себя в зеркале.

Конспиративно перевезли в деревушку Бонцаниго.

А чтобы никто его вновь не опознал и не похитил, сильно перебинтовали ему голову.

Ждали появления особо доверенного Корпуса добровольцев свободы и Комитета национального освобождения — полковника Валерио.

Это имя все произносили с большим почтением.

Наконец, тот, обильно увешанный оружием и гранатами, появился в сопровождении взвода партизан. В очень приличной, однако мешком сидевшей на нём униформе (её комплекты аккуратно сбрасывали партизанам с британских и американских самолётов), полковник Валерио был начисто лишён какой-либо военной выправки. Зато его всего распирала густая смесь важности и гордости за возложенную на него историческую миссию.

Ещё бы — это ему отдал категорический приказ совершить правосудие сам Луиджи Лонго!

Дышал полковник Валерио тяжело — ртом, хватая горный воздух, как вытащенная из воды большая рыба. Но зато пучеглазое и не особо сытое лицо его сияло, как свеженадраченная армейским асидолом итальянская монета с профилем Кларетты Петтачи.

Было 28 апреля 1945 года, однако возмездие упорно не поспешало

Как и все людские экзекуции, смертная казнь изловленных была отвратительна.

Место для неё выбрали у крутого поворота узкого шоссе. Возле закрытых железных ворот и каменной стены. За стеной виднелись вишнёвый сад и пустынный дом в глубине.

Это место называлось Джулино ди Медзегра.

Полковник Валерио приказал Муссолини встать между стеной и столбом от ворот и стал читать приговор. Муссолини слушал молча и, казалось, безразлично.

Кларетта Петтачи стояла рядом.

Не берусь предполагать, о чём думали в самые последние минуты и мгновения перед шеренгой карательного взвода под командой полковника Валерио этот странный итальянский диктатор и его верная спутница. Но что-то сверхъестественное оберегало его до самого последнего вздоха. Или кто-то?

Сатана?

Провидение?

Как знать?

Когда 28 апреля 1945 года в четыре часа пополудни полковник Валерио, опять хватанув рыбьим ртом побольше воздуха, пропихнул его в лёгкие, вскинул свой безотказный автомат и, оперев прикладом в тощий живот повыше американского поясного ремня, навёл оружие на Муссолини, крепко нажал указательным пальцем на спусковой крючок, никакой очереди не последовало.

Раздался только сухой щелчок. Это стальной боёк с привычной адской силой пробил чуткий пироксилиновый капсюль боевого патрона, но самого выстрела — не было!

Все невольно ахнули.

Опешивший от такой неожиданности, полковник Валерио чуть было не прокусил нижнюю губу до крови. Смахнув тыльной стороной ладони выступившую на лбу испарину, он грамотно отвёл назад затвор, выбросил пробитый ударником боевой патрон и, убедившись, что в ствол автомата из магазина надёжно проследовал новый патрон, опять старательно, как на учениях, плавно нажал на спусковой крючок ещё раз.

Все ждали с ненасытно-затаённой жадью сызнова увидеть и ощутить этот роковой миг, который моментально и безвозвратно делит Бытие на Небытие. Каждый про себя внутренне ликовал и радовался, что ЭТО происходит не с ним. Но тут же с холодным ужасом, от которого становилось невыносимо жарко, явственно представлял, что ЭТО для него может быть уготовано назавтра. А может, и на сегодня. А может, неотвратимо — через какой-то час, четверть часа, минуту и даже секунду.

Но результатом новых усердных стараний полковника Валерио было то же самое! Его безотказный автомат не желал стрелять.

И опять все изумлённо замерли, а кто-то из особенно набожных партизан тихо-шелестящей скороговоркой принялся читать молитву.

Муссолини молча стоял в нескольких шагах от шеренги спецкоманды и полковника Валерио и, казалось, невозмутимо наблюдал за его напрасными действиями. Иногда он почти безразлично поглядывал вверх. Но не запрокидывая назад головы — исподлобья.

В кронах уже давно зазеленевших по весне придорожных деревьев оглушительно и вроде как протестующе орала перелётные птицы. Не все они ещё успели через ливийские и абиссинские пустыни и оазисы, через греческие, албанские, итальянские, а далее австрийские и польские горы и доли благополучно долететь из южных краёв в далёкие и отсюда, от Донго — белорусские, украинские, российские. Мировой пожар войны всем птицам, а перелётным особенно, тоже мешал повсюду.

Белые облака ослепительно подсвечивались со взбитых краёв горным солнцем. Они замедленно, но зримо перемещались к востоку. Как лётчик, а тем более Первый Пилот Италии, Муссолини хорошо знал про это неведомое большинству бескрылых людей небесное обыкновение. Да-да, облака повсюду у нас на планете плывут только в восточном направлении и ни в каком-либо другом. Из века в век.

Из тысячелетия в тысячелетие. И нет им иного пути. Теперь это редкое для других знание становилось ему совершенно не нужным и бесполезным. Это и ещё плюс миллион (а может, и больше, чем миллион) других знаний и умений.

Всё обращалось в нелепость, в абсурд.

Он оторвал взгляд от горных облаков и перевёл его на свою несчастную пассиву. Вот где было полнейшее бессилие дуче! Ибо не мог он ни на секунду продлить её жизнь и свою тоже. Как, впрочем, и жизнь славного капитана Пьетро Саластури — его личного пилота, жизнь толковейшего (так он считал) из итальянских учёных Гоффредо Коппола, которого сам рекомендовал директором института культуры, жизни многих других своих сподвижников и сподвижниц.

“Pronti”, — буднично подумал он тихо вслух.

Это слово по-итальянски означает “Готово”.

Похоже, никакого зла к вершителям своей казни дуче напоследок не испытывал. Кто-то из воспоминателей и воспоминальщиков говорил (и, разумеется, писал), что Муссолини перед смертью был “как овца”.

Как овца? Ладно. Очень даже может быть.

Но никто из воспоминателей и воспоминальщиков не сказал о другом, более важном в его вполне понятном смиреннии перед Роком, перед FATUMом — ещё со времён Древнего Рима олицетворением Судьбы. А именно — “товарищ Бени-то” не молвил ни слова о снисхождении к нему и его сподвижникам и сподвижницам, о снисхождении, о христианском милосердии, наконец, об элементарной ПОЩАДЕ! А ведь он был, как нам уже ведомо, искусным оратором и обладал недюжинной силой убеждения. И рот ему никто солдатским полотенцем не завязывал. Он МОГ говорить. Но — НЕ СТАЛ!

Испепелив расстреливаемого гневным взглядом, полковник Валерио сплюнул от досады, отчаяния и ещё какого-то безотчётного, но очень неприятного чувства. Потом он скривился всем лицом, бросил свой автомат наземь, быстрым рывком вытащил из кожаной кобуры тяжёлый трофейный пистолет. Согнул в локте левую руку и, выставив её параллельно земле, осторожно, однако наверняка опустил ближе к запыстью воронёный ствол “Парабеллума” — так, чтобы упор был надёжным и не сбить прицела. Куда уж вернее! Для верности задержал дыхание и аккуратно нажал на спуск. Но опять повторилось фантастическое — и это его верное оружие дало новую осечку.

Опять все замерли. Возмездие упорно не свершалось.

Подробно описала казнь Муссолини коммунистическая газета “Унита” почти пару лет спустя — 28 марта 1947 года.

Больше всего запомнилось полковнику Валерио, что Муссолини был в пальто орехового цвета, а Кларетта Петтачи — в туфлях на высоких каблуках.

После того как не выстрелил и пистолет, полковник Валерио срывающимся на хрипоту голосом громко позвал комиссара 52-й бригады — Билла.

Далее пусть скажет сам полковник Валерио:

“... тот подбежал ко мне со своим автоматом... Я выпускаю пять пуль. Преступник упал на колени. Голова его свесилась на грудь... Обезумев, Кларетта Петтачи мечется из стороны в сторону, попадает под очередь и падает на землю. Было 16 часов 10 минут 28 апреля 1945 года”.

“Казнь Муссолини является не мщением, а свершившимся правосудием, которое делает честь нашим братьям в Северной Италии”, — заявило 30 апреля 1945 года радио Рима, которое ещё пару лет назад безустально славilo дуче до небес и выше.

Да, старшему команды по исполнению приговора очень нравилось быть полковником. Только в 1947 году стало известно, что “полковник Валерио” — это звучный псевдоним бывшего бухгалтера Вальтера Аудизио.

Быть может, есть в том своя символика — от имени итальянского народа итальянский бухгалтер предъявлял роковой СЧЁТ итальянскому диктатору, и тот оплачивал этот счёт своей жизнью.

Генсека Алессандро Паволини и ещё 16 захваченных партизаны расстреляли в Донго на площади у муниципалитета. Среди расстрелянных были заместитель премьера республиканского Совета министров Франческу Баракку, министр внутренних дел Паоло Цебрина, министр общественных работ Романо Пуджеро, министр связи Аугусто Ливерани. Не забыли и о министре печати и пропаганды Фернандо Меццаеоме, а также директоре информационного агентства Стафани — Эрнесто Даккано и, как уже я говорил, о директоре института культуры Гоффредо Копполе и личном пилоте Муссолини — капитане Пьетро Солустри.

(Замечу в скобках: точную степень родства Гоффредо Копполы и творца шедевров американского и мирового кино “Крёстный отец”, “Разговор”, “Апокалипсис” — об американско-вьетнамской войне — и других Фрэнсиса Форда Копполы, родившегося в 1939-м, я не выяснял. Первая же часть фильма “Крёстный отец”, снятая в 1971-м, демонстрировалась в СССР поначалу только на так называемых закрытых просмотрах в чёрно-белом варианте. Кунаев впервые её смотрел в 1973 году. Потом её свыше дозволили демонстрировать в обычном кинопрокате).

Из Донго мёртвых Муссолини и Петтачи и ещё 17 трупов перевезли в Милан.

Утром 29 апреля их развесили, соблюдая равные интервалы, вниз головами на металлических опорах бензозаправочной станции на площади Лорето. Босой Кларетте Петтачи верёвкой заранее завязали ниже колен юбку, чтобы не оголять ноги и бедра. Модельные её туфли куда-то подевались. Муссолини висел уже без своего пальто охрового цвета.

Выбрана была площадь Лорето неспроста, а со значением — согласно известному библейскому “око за око”. Всё дело заключалось в том, что за несколько месяцев до этого на площади Лорето, как отмечалось в монархической печати, “правители республики Сало” (примечательно, что конкретно имя Муссолини не упоминалось) “выставили тела группы мучеников свободы”.

Короче, как аукнулось, так и откликнулось.

Весь день экспансивные миланцы изливали на площади Лорето гнев и ненависть. Позаботились и об Истории — страшные сцены устроенного “народной юстицией” представления были запечатлены на фотоплёнку. А первыми из зарубежных мастеров светописы (так в старину называли искусство фотографии) были срочно побывавшие в Милане британские военные корреспонденты.

Потом мёртвых увезли — тёмной ночью и, как водится в подобных случаях, неизвестно куда.

Таким вот аккордом закончилось спланированное Пальмиро Тольятти Апрельское восстание 1945 года.

Для справки. В ходе этого восстания 125 городов и других населённых пунктов Центральной и Северной Италии партизаны очистили от нацистов до прихода англо-американских, канадских и греческих войск.

... Есть древняя легенда о том, как был похоронен король готов Аларих — он умер в 410 году от Рождества Христова. Место вечного упокоения ему выбрали на дне специально для этого отведённой в сторону реки. После захоронения её вновь пустили по старому руслу, а всех, кто участвовал в обряде похорон, умертвили. В 1227 году сподвижники Чингисхана среди бескрайней степи предали земле своего грозного владыку. А чтобы его могилу не обнаружили, через степь прогнали табун в десять тысяч коней.

Где и как обрели последнее пристанище Муссолини и его верная пассия, мне точно неизвестно. Есть версия: партизаны сожгли их трупы, а пепел развеяли по горным ветрам. По другим данным, обезображенные останки закопали где-то на задворках, подальше от людских глаз, а в 1958 перезахоронили на родине

дуче — в селении Предашио (провинция Романья). Там же в самое решительное и неопровержимое доказательство, что это был именно Муссолини, а не кто-либо другой, выставили на всеобщее обозрение его сапоги.

В любом случае — по-христиански ли?

Но когда бушевала на вселенских пространствах Вторая мировая война, видел ли кто и где-нибудь въявь Иисуса Христа из тех простых смертных, кто легко расставался с милосердием, снисхождением и прочими ставшими ненужными добродетелями?

Сведений таких нет.

Зато достоверно другое. По весне 1974 года (тут мне помогла краткая записка в цэковском рабочем блокноте — от 17 мая — след очередного знакомства с так называемыми закрытыми информационно-аналитическими обзорами зарубежных корреспондентов ТАСС специально для высшего партийного руководства) вдове дуче донне Ракеле шел 81-й год. Несмотря на почтенный возраст, она была весьма бодрa и здорова, владела приличной корчмой, но по-прежнему тосковала по мужу. Горечь вечной с ним разлуки несколько утешалась достойной пенсией, каковую государство регулярно и без всяких задержек выплачивало ей за супруга, поскольку он в анналах итальянского соцобеспечения значился по графе государственных служащих.

“Всё-таки поторопился Луиджи Лонго с Муссолини. Надо было бы не так поступить с дуче”, — задумчиво сказал Кунаев.

“А как?” — поинтересовался я.

“Если судить, так Международным судом. Как это было с крупными германскими военными преступниками. Как это было с японскими”, — объяснил Д. А.

“Вы хотите сказать, что тут получилась разновидность самосуда?”.

“Э-э! Это не я хотел сказать. Это ты сказал...”.

“Вот будем в Италии, можно спросить у Луиджи Лонго”, — наивно предложил я.

“Этого только нам ещё не хватало!” — укоризненно отвёл моё предложение Д. А.

Как гибель дуче ускорила через день кончину фюрера и бегство Мартина Бормана — отца девятерых детей

Известие о гибели Бенито Муссолини и Кларетты Петтачи достигло главного бункера рейхсканцелярии 29 апреля 1945 года. Секретарь Гитлера Гертруда Юнге перепечатала сообщение радиоперехвата на машинке с особо крупным шрифтом. Такой шрифт позволял Гитлеру пореже пользоваться очками, в которых он на людях почти не появлялся.

Гитлер резко подчеркнул карандашом слова *“Муссолини”* и *“повешены вниз головой”*.

Это было на девятый день после дня рождения рейхсканцлера. Своё 56-летие фюрер отметил более чем скромно. Напомню: он был на шесть лет моложе своего Первого Друга. Сталин родился десятью годами раньше, а Ленин и того больше — девятнадцатью.

Что-либо значили существенного эти разницы в возрасте?

Скорее всего, ничего. Хотя сам фюрер очень благоволил хиромантам и прочим прорицателям судьбы. Он любил сверять свой гороскоп с астрологическими таблицами великих мира сего и прошлого. В меру суеверный дуче смотрел на жизнь куда как попроще, без особой мистики. Не сквозь КОНСТЕЛЛЯЦИЮ небесных светил, а, что называется, в упор — ФАТАЛИСТИЧЕСКИ. Он был ещё жив и даже не предвидел своей казни, когда 25 апреля до него дошли отголоски упомонительного известия об исключении Гитлером Геринга из нацистской

партии. Наступала очередь других великих предателей фюрера — Гимmlера, Йодля и прочих. Трусов за бункером Гитлера расстреливали пачками.

Не щадили ни рядовых, ни генералов.

Но уже никто и ничто не могло устоять перед апокалипсическим натиском Сталина.

Эта краснозвёздная людская лава, посаженная на земле на российские и британские танки, на американские “Студебеккеры”, на монгольских коней и даже кое-где на астраханских верблюдов, а в воздухе оседавшая буквально всё, что было способно летать, стрелять, бросать бомбы и лить напалмовые смеси, сметала на своём кровавом пути всё и вся, что было ей хотя бы немного поперёк.

Вместе с несокрушимыми стальными полками Советской Армии к осаждённому и уже на четверть размолоченному с воздуха Берлину продвигались польские и чехословацкие соединения, а также вчерашние союзники Третьего рейха по противобольшевистскому крестовому походу — болгарские, румынские части, венгерские, испанские и прочие добровольцы Старого и Нового Света, ещё совсем недавно прятавшиеся по разным эмигрантским закуткам, а теперь несказанно охрабrevшие.

Спасения ждать было неоткуда. Все иллюзии истощились предельно. И жуткая казнь Первого Друга, его верной пассии, а также ближайших сподвижников тоже не предвещала ничего обнадеживающего.

На следующий день после трагического известия о ней фюрер покончил счёты со своей 56-летней жизнью. Заодно и одновременно он увлёк за собой 33-летнюю Еву Браун, наконец-то ставшую ему законной женой, и любимую овчарку Блонди.

Это сейчас об этом писано-переписано.

Гораздо меньше пишут о том, что самообладание всё-таки не покидало его до последней секунды: на тот случай, если яд (цианистый калий) вдруг не подействует, он передал своему камердинеру Ланге один из двух своих безотказных пистолетов (они были при нём всегда) и приказал тому вклеить все заряды, до единого, в него, Гитлера, без жалости и промаха.

А ещё не пишут о том, что таинственно исчезнувший из бункера Гитлера нацист № 2 — рейхслейтер нацистской партии, её “железный канцлер”, секретарь фюрера и начальник “святая святых” — партийной канцелярии, отец девяти детей Мартин Борман ВСЮ Вторую мировую войну работал на советскую разведку и умер в СССР в 1973 году в возрасте 73-х лет...

Не пишут ещё о том, о чём говорили и говорят многие немцы — будто бы железный Борман, этот несокрушимый бугай, падал в обморок, инспектируя лагерь Гимmlера, а сам фюрер, слушая музыку Вагнера, не раз “был на мокром месте”, то есть плакал.

А тогда, стылой весной 1945 года (ныне мало кто помнит) ТАСС был уполномочен (кем именно — сейчас-то и ежу понятно) заявить о том, что утверждения, будто бы “1 мая после полудня умер Гитлер”, — цитирую дословно — “по-видимому, представляют новый трюк, чтобы предоставить Гитлеру возможность сойти со сцены и перейти на нелегальное положение”.

Слог и стиль бессмертного нелегала Кобы! Ну никак не могли в Кремле допустить мысль об уходе ненавистного фюрера в мир иной.

Парадокс: всю верховную государственную и военную власть Гитлер передал главнокомандующему немецким флотом адмиралу Карлу Деницу, который НИКОГДА не состоял в нацистской партии.

Первыми в реальную кончину Гитлера уверовали нейтральные шведы. Их главная государственная радиостанция немедленно выдала из Стокгольма в эфир траурный марш, а за ним и другую минорную музыку.

В якобы нейтральной Португалии в связи с кончиной Гитлера объявили двухдневный траур и желали Деницу успеха в заключении мира. С истинной печалью вспоминали и про дуче. Не все, разумеется.

Но больше всех скорбел доктор Антониу ди Оливейра Салазар, годом раньше Гитлера — в 1932-м — ставший полноправным хозяином в Португалии и пребывавший в этом качестве ещё 36 лет, вплоть до брежневского ввода войск стран-участниц Варшавского договора в Чехословакию.

Разве не убедительный пример долгожительства социальной теории и практики партии “Национальный Союз”, созданной доктором Салазаром ещё в 1930 году по муссолинскому (но не гитлеровскому!) образцу и подобию для успешного излечения общества от бед и пороков?

В своём Политическом завещании (так называют одно из двух его предсмертных писем) убеждённый безбожник Гитлер отвёл экс-марксисту Муссолини, тоже сурово отрицавшему Бога, красный угол.

Может быть, даже и *алтарь* своей чёрной атеистической души.

Ибо в ней, так и не разгаданной до конца бесчисленным сонмом историков, психологов, психиатров и т. п., дуче со всеми его воззрениями и деяниями всегда и прочно занимал очень много места.

По спокойно выписанным предсмертным строкам Гитлера выходило, что война с СССР была проиграна “...потому, что я с излишним доверием относился к моему дорожному другу Бенито Муссолини, которым всегда восхищался. Я возлагал на него слишком большие надежды”.

Говорят (и пишут), будто бы Сталина потрясла фраза Гитлера:

“Я УМИРАЮ С РАДОСТНЫМ СЕРДЦЕМ”.

Он перечитывал её бесконечно.

Второе письмо Гитлера составляла подробная опись оставленного им на этом свете имущества, лично принадлежавшего ему и Еве Браун.

Их совместное имущество было очень скромным.

Великий австро-германский Людоед, как и более великий Кремлёвский Горец, никогда не позволял себе ничего лишнего за счёт партийной и государственной казны. Спутницы их жизней — тоже.

Мой давний знакомый поэт, беллетрист, историк Феликс Чуев в удивительной книге “Сто сорок бесед с Молотовым”, ссылаясь на своего главного персонажа, пишет о том, что после кончины вождя у него не оказалось даже нового военного мундира — его срочно сшили покойному генералиссимусу за ночь.

Такой личный аскетизм давал праву Сталину гневно взъяриться на свой маршалский корпус, на своих великих и безусловно талантливых полководцев, Георгия Жукова и “Жукова неба”, Главного маршала авиации Александра Новикова, без зазрения совести дорвавшихся до германского трофейного имущества и вывозившего его в СССР целыми вагонами и самолётами.

По сигналам вездесущего Берии вождь быстро прикрыл эту лавочку.

Жалею ли?

Разум всегда в дураках у сердца.

Франсуа де Ларош Фуко. XVII век

На речке под названием Чёрная Калитва в Воронежской области близ железной дороги уместился небольшой городок Россошь, известный историкам и краоведам со времени Франсуа де Ларош Фуко, можно сказать, его ровесник. Однако о французских философах и мыслителях мало кто в этом глубинном российском городке часто вспоминает. А вот об итальянцах — **НЕРЕДКО**, а если быть поточнее, то **КАЖДЫЙ ДЕНЬ**.

Дело в том, что тут находится едва ли не единственный памятник в России, воздвигнутый в память бывших наших врагов — солдат и офицеров итальянской Восьмой армии.

Его поставили по желанию горожан, переживших ИТАЛЬЯНСКУЮ оккупацию и сохранивших о ней воспоминания отнюдь не из самых плохих.

В частности, о том, как по-людски держали себя расквартированные по домам итальянские солдаты и офицеры.

Как бесхитростно делились они с горожанами всем, чего у них самих было не так уж и много. Прежде всего не особо богатым пайком, а также топливом. А вот участливых слов у итальянцев хватало на многих россиян, с кем свела их судьба под одной крышей. Молодые итальянцы своих квартирных хозяек называли не иначе как *мама*. Конечно, и за местными девушками ухаживали. Бывало, что и со всеми в таких случаях желательными (и нежелательными) последствиями. Но без каких-либо скандальных вывертов.

Вероятно, тогдашняя оккупация не состояла сплошь из одних идиллических штук. Но само Время и здравый смысл примирили людей — хозяев и незваных пришельцев. Правда, не всех. Не все ветераны Великой Отечественной войны, их сыновья и внуки заботливо ухаживают за могилами итальянцев. В 1993 году, в одну из глухих ночей, с памятника украли чёрный мраморный крест. А 22 июня 1999 года памятник вновь был осквернён неизвестными. Его восстанавливали дважды.

И кто?

Опять же — ветераны Великой Отечественной и их самая близкая родня. А старый сталинградец Дмитрий Канцдалов вызвался оберегать памятник до тех пор, пока его глаза видят, а руки — крепки...

Такая вот примечательная штука.

Теперь скажу о том, о чём, возможно, пора бы, наконец-то, спросить меня — а как же чувствовал я себя в Италии во время поездки туда Димаша Ахмедовича на юбилейные торжества Итальянской компартии?

Отвечу коротко: да никак.

И с дочерью давнего моего друга Ивана Юрьевича Шахтова (Шахта) Ларисой и её итальянским мужем Сандро я не свиделся. Ни я к ним из Рима не поехал, ни они к нам в советское посольство в Рим.

По той простой причине, что с Кунаевым к Луиджи Лонго и его соратникам отбыли мой коллега Дуйсетай Бекежанов и “человек с пистолетом” — Алексей Павлович Краевский.

Так вот, жалею ли я о том, что не был в Италии тогда, в 1970-м?

И да.

И нет.

Да — потому, что подготовился к поездке сам, да и Димашу Ахмедовичу в том прилично помог. Ибо другой, скажу не прибедняясь, будучи на моём месте, возможно, сделал бы это поскромнее, что ли.

Нет — потому, что дома было тогда, пожалуй, не менее *интересней*, чем где бы то ни было. Даже в Италии. А тогда я ещё был очень вынослив и сравнительно молод, и добрые, неповторимые приключения, которые выпали мне тогда дома, никогда уже не состоялись бы, умотай я от них даже в страну Данте, Грамши, Кроче и Муссолини.

Возвратившись после Рима из Москвы Кунаев вручил мне изящный альбомчик репродукций с картин непревзойдённых мастеров эпохи Возрождения, длинный-предлинный итальянский галстук, увесистый брелок с профилем Гарибальди, пачку толстых разноцветных фломастеров и немалых размеров авто-ручку, которую ни в какой из карманов запихать было невозможно:

“Ручку тебе — как мастеру художественного слова. Надолго хватит. Может быть, роман напишешь. В духе Стендаля, Бьянчарди или Моравиа. А может, картину нарисуешь, как Гуттузо. А знаешь, в Италии есть писатель с фамилией Квазимодо”.

“Что, очень похож на этого нашенского...” — назвал я вальяжно-настырного местного классика, давно изводившего Кунаева своими бесконечными просьбами, заданиями и прожектками.

Д. А. рассмеялся.

Он был переполнен Италией.

Но не настолько, чтобы следом не поинтересоваться, что было в его отсутствие, кто обозначился к нему на личный приём, откуда и зачем звонили — из Казахстана, других республик, может быть, из-за границы.

Спрашивал, рассчитывая на мои короткие, но непременно утвердительные ответы:

“Сам-то как? Терпимо. Что ж, раньше были дома терпимости. Теперь нет.. Дома все живы-здоровы? Пусть так будет и дальше. Матери передай поклон. Шухов Иван Петрович жив-здоров? Привет ему при случае. Гусев Николай Николаевич как? Двигается его книжка? Проконтролируй. Ускорь. Воронин летает? Правильно. Какая-никакая, но фамилия у него вполне лётная...”.

Продолжал:

“Ну а как наш доклад на XIII съезде?”.

“Почти готов”.

“Ты уж сделай, пожалуйста, без почти”.

“Сделаю. Но критики маловато. Отделы критикуют недостатки формулами — без конкретных фамилий министров, секретарей обкомов, председателей комитетов...”.

“Так не пойдёт. Шерстить надо конкретно. С трибуны не назовёшь — даже не почешется... Через час соберите с Дуйсетаем мне всех заведующих. Имашева пригласите. Я им хвосту накручу”.

“А может, пока без накрутки? По-хорошему?”.

“Можно и так... А моя речь на XXIV съезде как? Двигается?”.

“Есть заготовки, приброски”.

“Принеси. Глянем вместе. До марта далеко, но не заметишь, как время пролетит. После полсотни лет оно мчит быстро. Это я о себе. Мне уж скоро шестьдесят! Страшно подумать, да вот думать-то некогда!”.

За окнами всё так же, как до его вояжа в Италию, ярко сияло утреннее солнце. Над заснеженными горами — зимние облака замедленно перемещались к востоку. Бронзовый Ильич по-прежнему с массивного гранитного пьедестала простирали огромную руку в необозримые нами пространства. И даже птицы вороны никуда не подевались.

Доложил я Кунаеву более или менее подробно. Обо всём. Без утайки. Иные из новостей воспринял он радостно. Однако невесёлых было куда как поболее.

“Ты, Хаким, Дуйсетаи да Имашев говорят мне всю правду. Остальные но-ровят лапшу на уши повесить”, — не раз и не два с грустной одобрительностью говаривал Д. А.

Ещё кое-что из оставшегося за кадром моей правдивой хроники. Например, суперстанции “Селенга” для итальянских друзей и для них же вакансии в спецшколе, о которой мало кто знал.

“Римское досье” перебежчика Митрохина

А потом всё-таки были ещё и ещё поездки с Димашем Ахмедовичем, к коим готовились мы ничуть не хуже, чем к итальянской. Было бы непростительным грехом когда-нибудь не рассказать и об этом. Конечно же, если наш суровый и взыскательный Господь Бог даст.

Вскоре после возвращения Кунаева из Италии через Политбюро ЦК КПСС прошли секретные (а там всё было секретно и совершенно секретно) о дополнительной помощи руководству Итальянской компартии в спецподготовке её кадров в СССР.

В том числе шифровальщиков служебно-секретной связи, радистов-операторов для работы на так называемых быстродействующих радиостанциях, других специалистов “узкого профиля”.

Через ведомство Андропова (КГБ тогда ещё был при Совете Министров СССР) в Италию отряжались два радиокомплекса типа “Сдвиг-69” и пять уникальных радиостанций “Селенга”. В ту пору этим штукам в полном смысле цены не было.

Теперь давно не секрет, что связи КПСС и КГБ были самыми тесными. Но КГБ никогда не помыкал партией. Гарантия в том нашим дорогим Никитой Сергеевичем Хрущёвым привита была к “древу” этих отношений самая надёжная.

А лучшие из советских разведчиков не считали зазорным до или после своей основной службы идейно подковаться не только в своих секретных заведениях, но и, скажем, в Высшей партийной школе при ЦК КПСС.

И вовсе не в ВПШ при ЦК КПСС, а в так называемую Ленинскую Школу (близ подмосковного города Пушкина) должны были поступать тогда несколько итальянских товарищей, чьи отцы и старшие братья хорошо знали нашу чекистскую агентуру, так сказать, по совместной работе.

В этой Школе, помимо всего прочего, слушателей из самых разных братских и полубратских коммунистических и рабочих партий Европы, Азии, Северной и Южной Америки (про Австралию не знаю) результативно обучали различным приёмам и методам подпольной борьбы.

Дело было совсем не в том, что итальянские коммунисты готовили государственный переворот с целью планомерного и необратимого захвата власти. Совсем наоборот. Время от времени даже в такой вроде бы наидемократичнейшей стране, как Италия, над её компартией нависала нешуточная угроза запрета, совершенно реальных репрессий и, стало быть, её перехода в подполье.

Не надо было быть коммунистом, чтобы видеть в 70-х годах XX столетия, как под маркой так называемого Итальянского Социального Движения — национальные правые силы уверенно укреплял своё влияние неонацизм в СТА провинциальных федерациях (а это 4 тысячи секций, около полумиллиона членов). Миллион членов набрали неонацистские профсоюзы и рост этот продолжался. Вне закона появились экстремистские организации и лиги “Новый порядок”, “Национальный фронт”, “Отряды действия имени Бенито Муссолини” и другие. Менее всего их интересовали турпоходы, советы садоводов и огородников, рецепты национальной кухни. Более всего — как снова ВОЙТИ ВО ВЛАСТЬ.

Поэтому предусмотрительные итальянские товарищи, хорошо усвоившие опыт прошлых лет, мало верили в благонамеренность буржуазных свобод и прав, желая быть надёжно и на самом современном уровне подготовленными к любому повороту политической ситуации у себя и во всём мире.

Тем временем не дремали и на Лубянке.

Отбывший на Запад сотрудник Архива КГБ СССР некто Василий Митрохин вывез в Британию обширные данные о разветвлённой агентурной сети КГБ в Италии 70-х годов. Среди её более 200 фигурантов — солидные учёные, видные политики, сотрудники министерства обороны, известные журналисты (левые, правые, независимые), священнослужители. Даже один из послов Италии в Москве.

В 1996 году часть материалов из так называемого “досье Митрохина” некими путями была передана (перепродана?) в итальянскую прессу, а затем стала объектом секретного разбирательства Римской прокуратуры. Настолько секретного, что поутру 8 октября и последующие осенние деньки 1999 года об этом от радио США “Свобода” узнал весь мир.

Узнал, но не вздрогнул.

Острота восприятия на такого рода и прочие сенсации уже давным-давно и почти у всех притупилась.

Но кто скажет точно и даст стальную гарантию, что приснопамятный экс-чекист-архивист Митрохин не переписал в свои вывезенные из КГБ СССР архивные бумаги половину телефонных справочников славного города Рима и других, не менее славных итальянских мест?

“Пел Твардовский в ночной Флоренции...”

А среди *гражданских* новостей запоминающейся была — о желании экс-главного редактора журнала “Новый мир” Александра Трифоновича Твардовского отбыть в Италию. *Насовсем.*

Мысль эту великий *советский* поэт приватно, но чётко обозначенно, высказал в застолье с его восприемниками, которым он вынужден был волею ЦК КПСС сдать свой любимый журнал. Приватно-то приватно, но в Политбюро слегка всполошились: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Твардовский! Советь Армии и Народа. Глыба в Поэзии. Гигант журнального мира. Неоднократнейший лауреат самых высоких премий — Ленинской в том числе. А Сталинской — так трижды! И нате вам — политический эмигрант!

Поколдовав над весьма рискованной ситуацией, срочно выписали ему ещё одну премию — Государственную. Кажется, за поэму “Тёркин на том свете”. В ней автор остроумно и вдосталь поиздевался над олигофреническими порядочками не ТОГО света, а — ЭТОГО. Но в Кремле вынуждены были закрыть на сие глаза. Однако и после очередной премии Твардовский не отходил от замышленного курса к итальянским берегам.

Достичь их ему помешала смерть — в том же 1971-м.

Осталось пронзительное стихотворение Андрея Вознесенского о том, как чувствовал себя Александр Трифонович в итальянской ауре. Я уже цитировал из него чуточек, а запомнил его наизусть, видимо, на всю оставшуюся жизнь:

*Пел Твардовский в ночной Флоренции,
как поют за рекой в орешнике,
без искусственности малейшей
на Смоленщине,
и обычно надменно-белая
маска замкнутого лица
покатилась
над гобеленами,
просветлённая как слеза,
и портье внизу, удивляясь,
узнавали в напеве том
лебединого Модильяни
и рублёвский изгиб мадонн,
не понять им, что страшным ликом,
в модернистских трюмо отсвечивая,
приземлилась меж нас Великая,
Отечественная,
она села тревожной птицей,
и, уставясь в её глазницы,
понимает один из нас,
что поёт он последний раз.
И примолкла вдруг переводчица,
как за Волгой ждут перевозчика,
и глаза у неё горят,
как пожары на Жигулях...*

Ну и далее ещё столько же и ещё полстолько. В той же обострённо-чуткой психологической тональности. Конечно же, насчёт потрясающей осведомлённости итальянских швейцаров о Модильяни и Рублёве Вознесенский изрядно подзагнул, но вот убитое самочувствие Твардовского передал верно...

Похвала Брежнева

Да, вот ещё один момент к нашей итальянской одиссее.

В Рим из Алма-Аты тогда летали только через Москву.

И не только в Рим.

Даже в сверххратскую Монголию. Сначала в Москву, а потом уже из неё — в Улан-Батор.

После отлёта из Алма-Аты всё шло как по нотам. В Вечный город делегация КПСС во главе с Кунаевым прибыла благополучно, минута в минуту.

На следующий день Д. А. выступил на искомом торжестве. Ему хорошо рукоплескали. Потом были непростые встречи с лидерами итальянских коммунистов. И в этот же римский день, точнее вечер, в советском посольстве Д. А. услышал, как радио Москвы передало о том, в Алма-Ате состоялся партактив и на нём тоже с большой речью выступил Кунаев. ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза распространило новость по всем газетам.

“Чудеса, да и только!” — вздохнул тогда Димаш Ахмедович. Так рассказывал мне Дуйсетай Бекежанов.

А чудо в мировом эфире сотворил московский корреспондент по Казахстану Гуреев, мой тогдашний сосед по третьему микрорайону Алма-Аты. Об отлёте в Италию Кунаева Гуреев ничего не знал, заготовку своей информации не перепроверил, и вот в итоге — казус.

Оказалось, что этот же выпуск радионовостей внимательно прослушал и Леонид Ильич Брежнев.

Потом, на заседании Политбюро, когда возвратившийся из Рима Д. А. докладывал о визите в Италию, Брежнев рекомендовал всем, одобрительно показывая на Кунаева:

“Вот так, дорогие мои, всегда надо действовать. Как наш Димаш. В один и тот же день и час — сразу выступил и в Риме, и у себя дома! А вот вы так сумеете?”.

“Скажу тебе больше, святой Владислав. Ты, как Чапай, тоже думай, пожалуйста, но пока никому не говори, — попросил в первую же нашу встречу после его возвращения Кунаев. — Есть у Леонида Ильича большое намерение поправить наши отношения с Китаем. Хватит нам друг на друга коситься. Для начала в Казахстан пожелает китайский посол. Уже скоро. Что мы ему покажем? Чем ублажим? Ну, понятно, угостим. По достопримечательностям скатаем. В горы — высокогорный каток. В музей Джамбула. Театры у нас прекрасные. Библиотеки. Художественная галерея. Дом кино... Кстати, а какие мы ему фильмы покажем?”.

“Цветные. “Кыз-Жибек” — “Шёлковую девушку”. Красивый фильм. Чудесная легенда о любви. Музыка хорошая. Две серии”.

Д. А. замахал руками:

“Нельзя “Кыз-Жибек”!”.

“Почему?”.

“Как это — почему? Там же китайского шпиона убивают!”.

“Ну тогда детектив “Конец атамана”, — предложил я.

Д. А. возмутился:

“Ты что, шутишь? Фильм неплохой. Но в нём наши чекисты действуют в Синьцзяне. На китайской территории! Причём подряд обе серии!”.

“Ну так уж и подряд”, — слабо возразил я.

“Всё равно нельзя!” — сердито отрезал Д. А.

Сошлись на довоенном “Амангельды” — как тогда казалось, абсолютно беспримыслию фильму о национальном герое казахского народного движения 1916 года и Гражданской войны.

Но вот (правда, не так уж и скоро, а в начале лета) пожаловал в Алма-Ату китайский посол. Однако фильм посмотреть он не пошёл — сослался на усталость. И отношения с Китаем тогда наладить тоже не удалось — видно, не подошла такая желанная пора.

“А вот заодно посмотри, пожалуйста, кассации, — попросил Д. А. вроде как между делом и убыстрённо передал со своего стола мне в руки уже знакомую увесистую папку в красном коленкоре. — А я уже не могу. Пока хватит с меня этих чудес”. В красной папке — ещё папочки.

Каждая под грифом “совершенно секретно”. Кассации приговорённых к смертной казни. Как член Президиума Верховного Совета Кунаев мог отвести или по крайней мере предложить отвести казнь от любого приговорённого с заменой расстрела на 15 лет тюрьмы.

Никакого желания врубаться в эти криминальные детективы у меня не было: “Удовольствие ниже среднего”.

“Ничего-ничего. Ты намного моложе. К тому же работал в Верховном Совете. Да и нервы у тебя должны быть покрепче. В обморок не упадёшь. А потом помощник ты мне или кто? Неужели я всё могу сам читать?” — спросил Д. А.

“Сколько кассаций?”.

“Сам посчитай. Кажется, пять. Я только две осилил. Горкин по этим двум считает, что можно помиловать. Того, который за 50 рублей удушил старика — инвалида Отечественной войны. А сначала, представь себе, 15 раз ножом его ударил. И Горкин склонен помиловать того, который из обрезка убил в затылок прохожего за то, что тот не дал закурить. А потом всадил полный заряд в милиционера из Ленинского райотдела...”.

Горкин тогда председательствовал в Верховном Суде СССР. Перечитать Кунаеву ему в любом случае было нежелательно. Это я уже хорошо усвоил.

“Возьми-возьми. Просветись ещё разок. Убедись, что самый страшный зверь на свете — это человек”.

“А я это уже давно знаю”.

“Тем лучше. Потом сразу же заходи... Всё-таки, как-никак, а — люди... Все взрослые. В армии служили... У каждого семья... У каждого надежда...”.

Зашёл. Осторожно вернул ему папку.

Он договорил по телефону, закрыл экономический реестр, принесённый ему Дуйсетаем, и спокойно посмотрел на меня поверх очков:

“Ну и как?”.

“Это — не люди, Димаш Ахмедович”.

По его лицу ещё раз увидел, что он не две кассации прочитал, а все, без исключения, какие только были в этой трагической папке цвета невинной человеческой крови. И не пять кассаций там было, а намного больше. И к каждой преточнейшие объяснения обстоятельств, при каких совершались эти умопомрачительные злодеяния.

Один мерзавец (1952 года рождения) застрелил в Лениногорске на улице незнакомого человека, направился к другому с громкой радостной репликой: “А вот ещё труп идёт!”. Убил и второго. Потом — третьего...

Другой топором зарубил двух спящих своих дружков. Третий приятель скрылся в кочегарке и тем спасся. Первого рубанул 24 раза. Второго — столько же. На следствии пояснял: их смерть была лёгкой, они её даже не почувствовали, а поэтому ему желательно сохранить жизнь.

Третий (23-х лет) шофёр, катал за городом на машине “Колхида” девочек. Как было сказано в пояснительной справке, одну из них, второклассницу, удавил несколько раз по голове “баллонным ключом”, потом “привязал к ней железно

и опустил в Иртыш. А узелок с трусиками и колготками утопил отдельно". На суде заявил: убить пришлось, потому что вдали оказался всадник...

"Не люди, говоришь? Вот и я так тоже полагаю", — мрачно согласился Д. А.

"А как же Горкин?"

"Ты не слышал, я не говорил. Но я с удовольствием загнал бы его в ту кочегарку. А потом посмотрел, как он эти самые кассации рассматривал бы, мать его... Да не гляди ты на меня, святой Владислав, такими глазами! Граф Лев Николаевич Толстой — и тот матерился. Да ещё и как! А вот китайцы, — показал он рукой за окно в сторону гор, — нация с древней культурой, постарше нашей, и потому с не-людьми не чикаются! У Конфуция, пусть даже если он не мог знать Священного Писания — библейский подход. Око за око, зуб за зуб!"

Отбыл китайский посол.

Промчалось в нескончаемых больших и малых заботах лето.

Началась хлопотная осенняя страда — Битва за Большой Хлеб.

11 сентября умер Хрущёв.

Весь мир взволновался, зашумел в телеграфных, теле- и радиооткликах на его кончину.

Весь мир, кроме СССР. У нас было лишь скромное сообщение в газете "Правда". А по неисчислимому множеству остальных советских газет — ровным счётом ничего.

На самой верхотуре Власть — в Политбюро ЦК КПСС мнения разделились — где упокоить прах Никиты Сергеевича?

Брежнев колебался. Кунаев голосовал против того, чтобы хоронить в Кремлёвской стене. Тут он был непреклонен. Вместе с подавляющим большинством высшего ареопага партии.

В СССР прибыла августейшая чета — король и королева Афганистана. Следом ожидали Индиру Ганди. Из Штатов поступил внятный сигнал — дали понять, что не худо было бы продумать, как заключить Пакт о ненападении стран НАТО и Варшавского договора. Брежнев назначил себе поездку во Францию. Косыгину предстояли вояжи в Норвегию, Канаду, Алжир. Подгорный должен был посетить Вьетнам.

Кунаеву тоже работы не убывало. Напротив, её становилось всё больше и больше. Значит и для нас с Дуйсетаем Бекежановым и Хакимом Шакировичем Абдрашитовым — тоже.

Ну а что же случилось с корреспондентом Московского радио Гуреевым? Какие кары свалились на его бедную голову?

Да никакие. Его столичное начальство передало по телетайпу краткое объяснение — тем всё и ограничилось. Однако у иных сверхпринципиальных любителей оргвыводов руки здорово чесались. Эта невымирающая ни при каких режимах порода аппаратчиков всегда находила причину и повод для проявления своей подкольной прыти. Через секретаря ЦК по идеологии Имашева Кунаев немедленно дал им полный укорот.

"Но всё-таки ты Гурееву моё спасибо передай, — посоветовал мне Д. А. — Потому что для меня, да и для всех, похвала генсека — большое дело! Настрой поднимает. Ругать-то мы все большие мастера, а ласковое слово, как говорится, и кошке приятно. Проследи, чтоб не обижали Гуреева. Если в чём нуждается он, поинтересуйся — сможем, так поможем..."

Мягкий голос его был с уже привычной мне лёгкой картавинкой, и я снова почувствовал в себе и вокруг, на много-много километров, вёрст и даже миль окрест некую твёрдую и неколебимую, почти всегда доброжелательную НАДЁЖНОСТЬ, каковую явственно ощущал при каждом его появлении.

Где бы то ни было.

Все мои трудные годы с ним.

Все месяцы, недели и дни.

И даже — минуты.

Вместо эпилога. Как дуче и фюрер проворонили атомную бомбу. И опять: история учит тому, что она ничему не учит? Дай света, господи!

Так или иначе, я ещё и ещё раз благодарен Димашу Ахмедовичу за то, что тогда не взяв меня с собой в Италию, он вольно или невольно, однако же с его неизменной дипломатичной искусностью уберёг меня от ненужных (в ту пору явно не ко двору и не ко времени) диалогов, в том числе и о Муссолини с его же соотечественниками-коммунистами.

А в том, что такие отнюдь не безопасные для нашего партийного реноме беседы состоялись бы, сомнений у меня — ровным счётом никаких. Зачем было мне, а Димашу Ахмедовичу в его положении и подавно, чьё-то категоричное резюме с Лубянки или Старой площади о том, что мы с ним лояльны к теории и практике “товарища Бенито”?

Но я ещё больше благодарен Д. А. за то, что с его лёгкой подачи сумел хорошо запомнить Бенито Муссолини. Я не говорю — хорошо узнать. “Товарища Бенито” невозможно узнать (познать?) окончательно, до упора. Как, впрочем, “товарища Ленина”, “товарища Кастро”, “товарища Менгисту Хайле Мариам”, “товарища Ельцина”...

Да, пожалуй, невозможно узнать любого другого *нашего* или не нашего “товарища”. Тут одной человеческой жизни мало. Но, как говорится, попытка не пытка. Хотя опять же, для меня это всегда пытка собственной *недосказанностью*.

Жуткая пытка яснейшим осознанием того, что все эти личности, условно говоря, пассионарии (расхожее словцо Гумилёва-младшего) и антипассионарии (моё словцо) вместе и каждая по отдельности преподносили человечеству *уроки*, накручивая так называемое Колесо Истории, которое, разумеется, в очень субъективном моём уразумении и *колесом*-то никогда не было. И наша непридуманная трагедия в том, что Абсолютная Истина не подвластна ни тем, кто был до нас, ни тем, кто идёт нам вслед. Ну а нам и подавно. И в самих-то этих моих заключениях тоже нет, к вящей радости многих, этой печальной Истины, а есть лишь в лучшем случае некое к ней приближение.

Однако и в этом приближении есть некий неистребимый оптимизм.

В самом деле, разве — скажу для примера — не выпал всему человечеству счастливый билет в непредсказуемой лотерее его судьбы, когда гениальный итальянский физик Энрико Ферми (с 1929 года иностранный член Академии наук СССР) отбыл в 1938-м из Рима за Нобелевской премией и больше не вернулся на свою родину?

Полагаю, такой билет выпал.

С эмиграцией Ферми дуче с Гитлером проворонили АТОМНОЕ ОРУЖИЕ.

В Соединённых Штатах Америки Ферми разбудил Юлиуса Роберта Оппенгеймера и всю его бригаду, а те стремительно раскатали на невероятный подвиг Курчатова и курчатовцев. Так возникли ядерные проекты — Манхэттенский в США и Семипалатинский в СССР. А их практическим результатом стало адское оружие гиперубойной мощности, способное обратить всю планету в мёртвую зону.

Появись это оружие первым у Муссолини и Гитлера, оно (так полагаю) не было бы ими опробовано в Европе.

Хотя как знать.

Многим известно, как уже в последние месяцы Третьего рейха Гитлер публично уповал на скорый подход к нему сверхсекретного оружия невероятнейшей силы. Вопрос: а не был ли маршрут этого подхода — заокеанским?

Вопрос отнюдь не из сферы горячечной фантастики и вовсе не праздный.

Толкового ответа на него нет. Есть лишь упорные умолчания, несерьёзные ссылки на “бесноватость” фюрера. Однако есть и не лишённые резона догадки — что-то сорвалось в передаче для рук Гитлера этого сверхмощного тайного оружия.

И всё же — получи его дуче с фюрером, скорее всего, навязали бы смертоносную СТРАТЕГИЧЕСКУЮ акцию уже ПОЛНОСТЬЮ готовому к химико-бактериологической войне с СССР японскому императору Хирохито. Биолог-океанолог по специальности и душегуб по призванию, Хирохито охотно украсил бы эту апокалипсическую войну ещё и АТОМНЫМ дополнением. Гибельно шарахнуть ею не по густонаселённой территории Западной Европы, а по относительно разреженным в этом отношении пространствам советского Дальнего Востока, Сибири и Казахстана — было бы в глазах хозяев тройственной ОСИ актом чуть ли не величайшего человеколюбия и надёжного сохранения бесценной западной культуры. Множественный ЯДЕРНЫЙ удар на Востоке опрокинул бы всю войну вспять от Запада.

Но 33-й президент США Гарри Трумэн, не будучи твёрдо уверенным в том, что такого гипероружия у Хирохито нет, отдал приказ о превентивной ядерной бомбардировке Японии. Для президента США это был вовсе не эксперимент и не средство шантажа Советов, а единственный выход реального спасения Штатов, а потом уже и всех союзников.

Так многие тысячи безвинных жителей двух несчастных японских городов (солдатские гарнизоны в Хиросиме и Нагасаки были ничтожно малы) расплатились своими жизнями, а также мучительной инвалидностью потомства за врождённое людоедство своего божественного микадо и его милитаристской клики.

Бумеранг этих мизантропов вернулся. Но врезал он явно не по тем, кто прицельно, ещё близ озера Хасан и реки Халхин-Гол, а потом на рейдах гавани Пёрл-Харбор, первым бандитски швырял этот бумеранг, не ведая, что Провидение обратит его через несколько считанных лет — в АТОМНЫЙ.

Вот об этом-то я и хотел сказать тебе откровенно, мой дорогой и понимающий читатель, на прощание. Воля твоя — принимать или нет.

Коль было что не так в нашем с тобой разговоре, тоже прости ради Бога. Пусть будет у тебя больше возможности открыть нечто ещё в лишь приоткрытом мною.

Ну а что касается уроков минувшего, то их с давних-предавних, ещё дохристианских и домусульманских времён, наши же пассионарии и антипассионарии преподносят человечеству почти беспрестанно да ещё и немеряными охапками, хотя почти все толкователи Истории стоят и тут с линейкой и циркулем в неуголимой эсхатологической жажде своей замерить да измерить, а потом затвердить для потомков некие её этапы и периоды.

А уроки — и не между тем — всегда поучительны. Все соглашаются с мыслью о том, что, усвоив их, можно (точнее — возможно) не повторять и не множить сопутствовавшие им глобальные людские беды целых народов, даже континентов, как это, скажем, было в Первой и Второй мировой войнах. Но согласившись, многие тут же поворачиваются к ним спиной и в который раз опять повторяются, однако уже в более масштабных вариантах, давно изведенные трагедии и фарсы, но уже с другим набором действующих и бездействующих лиц.

Не надо обольщать себя, что порог XXI столетия мы все перешагнули с просветлёнными мозгами. Как бы не так. Увы, человечеству не свойственно легко расставаться с собственной же дурью и придурью, вековыми предрассудками, химерическими легендами и догмами национальной исключительности, желаниями на очередных пологих или крутых виражах бытия не просто обойти ближнего, а и с максимальной корыстью объегорить его.

С этими целями опять настойчиво мифологизируется массовое сознание. Вновь толпы жаждут Второго пришествия и негодуют, если назначенная

очередными пророками его точная дата не сбывается. Свобода политической воли таких прорицателей, будь они тысячу раз субъективно честными людьми, истинными пассионариями, прожжёнными авантюристами или же в одном лице теми, другими и третьими, всегда ограничена.

Понятно, и “товарищ Бенито” тоже мог далеко не всё из того, что говорил своему королю и своему народу. Но в отличие от остальных вершителей судеб миллионов он нередко и жёстко ограничивал свои обещания и почти никогда не сулил вещей ирреальных и несбыточных. Он не спешил действовать по рецептуре своего британского обожателя Черчилля, предписывавшей любому крупному политику сначала убедительно выступать с обнадеживающими всех проектами, а потом столь же убедительно разъяснять объективные причины, по которым их осуществление провалилось. По-своему в глазах повзрослевшего мирового сознания это вполне может делать честь Кавалеру Бенито Муссолини.

Другие же, почти все в один голос заявляли, заявляют и в обозримом будущем готовы утверждать, что тот волшебный золотой ключ от человеческого счастья (который из итальянской народной сказки удачливо перепал советской выделке Папе Карло и его деревянному Буратино) теперь надёжно находится у них в руках и ни у кого-либо. А тот, кто вблизи или поодаль уверяет, что желанный ключик у него, не более как самозванец, обманщик, плут, мошенник, а если в двух словах — враг (трудового) народа. Ибо двух настоящих ключей не бывает. Другой ключ — непременно поддельный.

Итак, ещё и ещё раз о БЕНИТО МУССОЛИНИ...

Эскиз его судьбы и абрис их с Адольфом Гитлером волчьей дружбы, так сказать, в интерьере эпохи, к которой и нам всем довелось быть причастным в той или иной мере... Эскиз, насколько знаю, увы, один из немногих на пороге XX столетия, на которое люди возложили столько надежд... Трагичность её подчас опереточно-фарсовых, а подчас и апокалипсических зигзагов...

Его стремительный взлёт.

Его необычайный *триумф*.

Его поразительный *крах*...

Но вот что не даёт покою моей душе — вопрос, отнюдь не риторический — *крах* ли?..

И в самом деле, кто же из самых достойнейших и наимудрейших моих современников со всей уверенностью возьмётся утверждать, что уже никогда за всем этим, в том числе и за самим физическим концом “товарища Бенито”, не последует самый бурный его *ренессанс*?..

Или не он уже на дворе, этот самый *ренессанс*?

Так кто скажет точно?

Вот в чём вопрос.

ВЕЧНЫЙ и НЕОДОЛИМЫЙ?..

Так дай же всем нам света, Господи!

“Господи! Мой Боже, дай нам силы — достойно принять то, что неизбежно.

Дай нам мужество — изменить то, что изменить можно и должно.

И дай нам мудрость, чтобы первое отличить от второго”.

ДА БУДЕТ ВСЕГДА ТОЛЬКО ТАК.

ТАК БУДЕМ ЖЕ ЛЮДЬМИ.

ВСЕГДА И ВО ВСЁМ.

1975-2008.

г. Алматы.

Ирина НЕВЗОРОВА,
литературовед

“Марина Цветаева” ИДЁТ ПО ВОЛНАМ

“Столько места, а ходить нельзя”, — сетовала Марина Цветаева, глядя на морскую гладь. Имя поэта неотделимо от моря. Вспомним строчки из её стихов:

*Пока огнями смеётся бал,
Душа не уснет в покое.
Но имя Бог мне иное дал:
Морское оно, морское!*

Или другие строки:

*Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — бренная пена морская.*

Поэт блестяще использовал морские образы и краски, создавая строки — то торжественные, то полные вселенской тоски. Морские метафоры М. Цветаевой убеждают раз и навсегда: “Ваш нежный лик — сомнительный и странный... знобящий грудь, как зимние моря...”.

Цветаева открыла нам море и наполнила нас морем — у нас знобило грудь “как зимние моря”. И всё же она признавалась: “Моря не люблю”. Как же так? Чем было для Цветаевой море, какой представлялась поэту его душа? — Ибо в любом “предмете” она искала душу. И к чему обязывала её любовь?

Бог дал поэту имя *стихий*, и поэт всю жизнь оправдывал это имя: сдерживая стихию в себе и противостоя внешним стихиям. Марина говорила: не позволяй себе отдаваться стихиям, говорить им: *твой!* — они только этого и ждут! Но из последнего уцелевшего атома — утверждала она — только и возможно возрождение человека.

Впервые Цветаева увидела море в 1902 г. Для маленькой Марины море началось с мечты о нём, со стихов Пушкина “К морю”. “Когда... мать, войдя в нашу детскую, сказала: к морю — она не подозревала, что произносит магическое слово, что произносит *К Морю*, то есть даёт обещание, которое не может сдержать. С этой минуты я ехала *К Морю*, весь этот предотъездный, уже внешкольный и бездельный, бесконечный месяц одиноко и непрерывно ехала *К Морю*. По сей день слышу своё настойчивое и нудное, всем и каждому: “Давай помечтаем!””. Марина приставала ко всем — к сёстрам Асе и Лёре — “Давай помечтаем!”. Чего она ждала от них? И сама отвечает: “Памятника Пушкина на Тверском бульваре, а под ним — говора волн...”. В страстном ожидании свидания с морем, Марина “выкрала” у Лёры открытку с видом итальянского городка Нерви — “первая и единственная морская достоверность: синяя открытка от Нади Иловайской из того самого Nervi, куда ехали — мы” (М. Цветаева. Мой Пушкин). Поездка к морю была связана с болезнью матери, Марии Александровны Мейн,

страдавшей, как и её сводная сестра, Надя Иловайская, туберкулёзом (им был необходим мягкий климат). По той же невесёлой причине в 1905-1906 г. Цветаевы живут у другого моря, в Ялте...

Но стихия мечты Марины Цветаевой оказалась сильнее морской стихии. И первая встреча-разочарование во многом определила судьбу поэта: “Свободная стихия” оказалась стихами, а не морем, стихами, то есть единственной стихией, с которой не прощаются — никогда”, — резюмирует поэт.

В 1911-1915 гг. Марина гостит в Коктебеле у поэта и художника Макса Волошина. К нему же обращены и первые признания Цветаевой о море. М. Волошин был увлечён теорией Р. Кентона о происхождении жизни из морских глубин, о “тождестве между кровью и морской волной”. “Значит, мы — морские?.. Как хорошо совпало!” — восклицает М. Цветаева. Жизнь у моря с “причудами бесед и троп”, с чтением стихов на “башне” дома под шум волн, яркий образ Макса оживут в её прозе “Живое о живом”, посвящённой М. Волошину. Там же, на берегу Чёрного моря в 1911 г. Цветаева встретила со своим будущим мужем — Сергеем Эфроном. Но в Коктебеле же — у моря! — в 1913 г. написано много грустных строк (“... Я найду в своих стихах / Всё, чего не будет в жизни”) и пронзительных, о смерти (“Идёшь, на меня похожий...”), и пророческих:

*Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,*

*Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти, —
Нечитанным стихам!*

*Разбросанным в пыли по магазинам,
Где их никто не брал и не берёт,
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черёд.*

У моря думается не о море: оно заставляет думать о вечном...

О своём “последнем” Коктебеле М. Цветаева пишет в 1917 г.: “Только что отгремевший Московский Октябрь... Взлохмаченные седины моря”, и Макс “как добрый колдун детям, картину за картиной” рассказывает о будущей судьбе России: “террор, гражданская война, расстрелы, заставы, Вандея... и кровь, кровь, кровь...”. В данной картине море выступает как предвестник грозных событий, а Макс — в роли оракула.

В 1922 г., получив известие о том, что её муж, Сергей Эфрон, сражавшийся в Добровольческой армии, жив и находится в Праге, М. Цветаева с дочерью Ариадной (Алей) покидает советскую Россию. Короткое время они находятся в Берлине, в 1922-1925 гг. живут в Чехии. В чешской деревне под Прагой, во Вшенорах, в 1925 г. родился сын Георгий (Мур). Вскоре семья переезжает во Францию. В летние месяцы М. Цветаева старалась вывезти к морю своих детей, но это удавалось не каждый год из-за скудных средств семьи. И каждый раз она надеялась, что её отношение к морю изменится: “а вдруг — полюблю?..”.

1926 год. Берег Атлантического океана, городок Сен-Жиль (департамент Вандея). В Вандее, воспетой Цветаевой как символ мятежа и героики, где люди “живут приливом и ...отливом”, сверяя по ним часы (у поэтов — поэтические приливы и отливы), она пишет поэму “С моря” — поэтическое письмо Борису Пастернаку, приснившемуся ей. Море рождает в поэте широчайший спектр ассоциаций. Море то играет с поэтом (играть — “быть добрым”, “быть глупым”), то пугает и восхищает его — “прекрасная мельничиха”. И, наконец, устаёт (“устать — быть добрым”). Море — бессмертие, обмелевающее жизнь. Материки — это мели моря, а родиться (выпасть из вечности) — сесть на мель!..

*... Мельня ты мельня, морское коло!
Мамонта, бабочку, — всё смололо
Море. О нём — щепоть
Праха — не нам молоть!*

*Вот только выговорюсь — и тихо,
Море! прекрасная мельничиха,
Место, где на мели
Мелочь — и нас смели!*

*Преподаватели! Пустомели!
Материки, это просто мели
Моря. Родиться (цель —
Множиться!) — сесть на мель.*

*Благоприятную, с торфом, с нефтью.
Обмелевающее бессмертье —
Жизнь. Невпопад горды!
Жизнь? Недохват воды
Надокеанской...*

Из писем М. Цветаевой к Б. Пастернаку: “Океан на меня наводит страшную жуть от чувства безграничности и какого-то равнодушия... Он со мной не считается, а я его боюсь...”, “Я не люблю моря”, — признаётся она и разъясняет: “Не могу. Столько места, а ходить нельзя. Раз. Оно движается, а я гляжу. Два... Да ведь это та же сцена, т.е. моя вынужденная, заведомая неподвижность... Огромный холодильник. (Ночь). Или огромный котёл. (День)... Его нельзя погладить (мокрое). На него нельзя молиться (страшное)... Море — диктатура... Вижу, слышу, вдыхаю всё, что полагается, но — мне этого мало... Море смеет любить только рыбак или моряк. Только моряк или рыбак знают, что это. Моя любовь была бы превышением прав... На горе я не хуже горца, на море я — даже не пассажир: дачник”. То же повторяет и два года спустя: “... Лежать возле моря — не значит любить. Любить — знать, любить — мочь, любить — платить по счёту. Как я смею сказать, что люблю море, когда не плаваю, не гребу, не — не — не...”. Запомним эти слова М. Цветаевой: любовь — это платить по счетам.

Цветаевские “разъяснения” идут и по другим морским руслам. У моря думается не о море. “Мазурка — море — смерть — Марина”, — одна из строк поэта даёт нам одновременно её ассоциативный ряд... При этом нельзя не ощущать дыхания и взгляда Моря: из “фона” оно обращается в

“мерило” — в зеркало, камертон, равнодушного свидетеля или карателя. “Мы песчинок морских бесследней”, “Всё уносят волны. / Море — не твоё”, “Временем как океаном / Прокрасться, не встревожив вод...”.

Хотя Цветаева и сравнивала душу с морем, но душу моря она полюбить не могла. Ибо, по Цветаевой, что такое душа? — “Наша способность к боли — и только”. Способно ли море страдать, любить? По Цветаевой — нет. “Раз ему кораблекрушения — всё равно — что же для него я?”. И ещё её пугала “полная пустота”, которую она так боялась в жизни — “на качелях, в лифте, на море, внутри себя”.

Цветаева проводит параллель между морской стихией и любовной. А быть счастливой в любви она не умела. Волны любви, как и морские волны, способны созидать, очищать, но более — разрушать. Они знаменуют собой готовность поэта “вновь и вновь с надеждой и безмерной щедростью распахивать руки, бросая вызов неотвратимому, сжигаясь на костре любви и вдохновения” (образ филолога О. Калининой). “Всегда уходили”, — признаётся М. Цветаева. Около моря ей думается о любви: “Только что с моря и поняла одно. Я постоянно, с тех пор как *впервые не полюбила* (В детстве любила, как и *любовь*), порываюсь любить его... Точь-в-точь как с *любовью*. Тождественно. И *каждый* раз: нет, не моё, не могу... То же неожиданное блаженство, которое забываешь, как только вышел (из воды, из *любви*) — невозстановимое, нечислящееся... Есть вещи, от которых я в постоянном состоянии отречения: *море, любовь*”.

В прозе “Чорт” (Цветаева писала по старой орфографии) она вспоминает услышанную в детстве песню. Мать и сводная сестра Валерия пели *по-немецки*: “Keine Rose, keine Nelke / Kann blühen so schön, / Als wenn zwei verliebte Seelen / Zu einander thun stehn” (перевод: “Ни гвоздика, ни роза / Не столь хороши, / Как льнущие друг к другу / Две любящих души”). Марина же, повинаясь своим ассоциациям, перевела тогда так: “Из жил томиться по какому-то морю, которого не видал, — вот душа и вот *любовь*...”. И приговаривает себя к *сказанному*: “Что в младенчестве усвоено — усвоено раз и навсегда”. Так *любовь* и душа переплелись с тоской по *неведомому* морю. А какое море — *ведомо*!

В 1928 году Цветаева с детьми едет в Понтайак (Средиземное море). “Морем объелась и опилась”, — говорит она в одном из писем... Ещё в 1911 г. М. Цветаева писала М. Волошину: “Я смотрю на море — издали и вблизи, опускаю в него руки — но всё оно не моё, я не его. Раствориться и слиться нельзя...”. В стихах “Наяда”, созданных в Понтайаке, поэт продолжает эту тему. Марина Ивановна завидует рыбам, которые так непосредственно общаются с морем, а у человека — “вечный третий в любви”, всяческая *преграда*, скрывающая суть, стоящая между поэтом и небом, поэтом и морем, душой и душой — третий глаз или “стена”. В данном случае — это купальный костюм.

М. Цветаева. Понтайак. 1928 г.

*Проходи стороной.
Тело вольное, рыбе!
Между мной и волной,
Между грудью и зыбью —*

*Третье, злостная грань
Дружбе гордой и голой:
Стопудовая дань
Пустьяковине: полу.*

*Узнаю тебя, клин,
Как тебя ни зови:
В море — ткань, в поле — тын,
Вечный третий в любви!..*

В 1935 году Цветаева везёт сына Мура в Ла Фавьер (Средиземное море). На этот раз главная беда поэта — отсутствие стола для писания. Приморская природа её покорила, но зачем ей такое богатство? “Мне вовсе не нужно такой красоты, столько красоты: море, горы, мирт, цветущая мимоза...

М. Цветаева с Алей и Муром. Ла Фавьер. 1935 г. Надпись на обороте фотографии: “Мы с Муром напротив форта Брегансон, где, возвращаясь с Эльбы, ночевал Наполеон. Лето. 1935 г. МЦ”.

С меня достаточно — одного дерева в окне... Меня эта непрерывность красоты — угнетает. Мне *нечем* отдарить... Любить — Côte d'Azur (Лазурный берег — **И. Н.**) — то же самое, что двадцатилетнего наследника престола...», — пишет М. Цветаева. Из-под её пера рождаются стихи о насыщенной красками, точно лубочной, окружающей красоте и о её непричастности к ней:

*Небо — синей знамени!
Пальмы — пучки пламени!
Море — полней вымени!
Но своего имени*

*Не сопрягу с берегом сим.
Лира завет бедности:
Горы — редей темени.
Море — седей времени.*

И всё же Цветаева создаёт в Ла Фавьере гимн роскошной южной приморской природе, как бы ни отрешивалась от неё. (На страницах своей книги «Марина Цветаева: Жизнь и творчество» Анна Саакянц задаёт риторический вопрос: «Разве поэт, сумевший так страстно передать своё языческое любование великолепной южной грозой, не был счастлив?»).

*Ударило в виноградник —
Такое сквозь мглу седу —
Что каждый кусток, как всадник,
Копьём пригвождён к седлу.*

*Из туч с золотым обрезом —
Такое — на краснозём,
Что весь световым железом
Пронизан — пробит — пронзён.*

*Светила и преисподни
Дитя: виноград! смарагд!
Твой каждый листок — Господня
Величия — транспарант.*

*Хвалы виноградным соком
Исполнясь, как царь Давид —
Пред Солнца Массонским Оком —
Куст служит: боготворит.*

В 1937 г. Цветаева — в Лакано-Океан, на берегу Бискайского залива, где «пустыня берега, пустыня океана». Волны любви и памяти уносят её в послереволюционную Москву: у моря она пишет «Повесть о Сонечке». «Пишу свою Сонечку. Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила...».

Наступил 1938 год. Рыбацкий посёлок Див-сюр-Мер на берегу океана выбрала Цветаева, чтобы скоротать время, отведённое ей судьбой до отъезда в СССР («не жизнь, а бесконечная *оттяжка*»). Дочь и муж Цветаевой находятся уже в России, М. Цветаева с сыном ожидает отправки в СССР. «Приходится жить только нынешним днём — без права

на завтра...”, — пишет М. Цветаева Ариадне Берг, и всё же зовёт её к морю: “Там скалы, и ночная рыбная ловля: они бы (Дети. — **И. Н.**) — ловили, а мы бы — со скалы — глядели”. А потом вспоминает: “Были чудные прогулки по холмам и с далёким морем, с каждым шагом обретавшим всё своё величие”.

М. Цветаева сравнивала одних поэтов с рекой, других — с морем (статья “Поэты с историей и поэты без истории”). В море, по мнению М. Цветаевой, нет “кастальского тока” — символа творческого огня; море апеллирует к вечности (“бездременью”) и безграничности (“замкнутости”); море постоянно; оно, наконец, не имеет цели (“стоячее море”). И поныне спорят литературные критики — к какому “типу” поэтов отнести самого автора этой классификации? Кем была М. Цветаева, выявляющая подводные ключи и создающая водовороты — рекой или морем? Каждый открывает в ней свои моря и свои реки. Причём, они индивидуальны и современны, ибо, по мнению М. Цветаевой, “современность есть совокупность лучшего”. Лирическое море М. Цветаевой не имеет дна, её лирическая река не знает устья и берегов. Несомненно одно: она была *поэтом с историей*. Вспоминается фраза, сказанная о сибирской реке: “Целое море и течёт”, — думаю, так можно сказать и о море Марины Цветаевой, перемалывающем всё на своём пути — “прекрасная мельничиха”.

... Последняя встреча поэта с морем — путь из эмиграции в советскую Россию в 1939 г. (через Гавр и Ленинград). На пароходе “Мария Ульянова” она записывает: “... Было много снов, тема — невозвратность” — предчувствие надвигающейся катастрофы”. М. Цветаева фиксирует один из снов: она идёт *пешком (по морю)*, сознавая неудобство пешего хода, но предпочитая его качке (больше веря ногам, чем лодке). Да, в горном мире, в мире снов она была *идушей по волнам*.

Девиз М. Цветаевой (девиз страстного пешехода!) — “Даль — ногами добудь!” — в море был невыполним. “Столько места, а ходить нельзя...”. И вот — “Марина Цветаева” идёт по волнам. Теплоход, названный в честь великого русского поэта, сошёл с польского стапеля в 1989 году. Он бороздит воды Тихого океана, осуществляя пассажирские и грузовые перевозки между Сахалином, тремя южными островами Курильской гряды и Японией. “Любовь (даже к морю) — прежде всего — делать дело”, — говорила М. Цветаева. “Марина Цветаева” работает. И эта работа — в краю вулканов, где ощутимы тяжёлые вздохи Земли — не из лёгких... Надо увидеть “Марину Цветаеву” и пожелать ей — “Семь футов под килем!”. Да будет путь её долгим и славным, а душа морей и океанов манящей и неразгаданной, как творчество *Поэта*.

г. Москва.

Творческое восприятие мира

В течение трёх месяцев любители живописи имели возможность видеть в музее современного искусства Астаны выставку работ алматинских художников нового поколения нашей страны, членов Союза художников РК, лауреатов независимой премии “Тарлан” Клуба меценатов РК Эдуарда Казаряна, Андрея Ноды и Марата Бекеева. Они, кстати, частенько выставляются вместе, дружат семьями, составляют уникальное творческое трио, известное далеко за пределами нашей республики. В кругу близких этих неразлучных друзей в шутку называют псевдонимом “КНБ” — по первым буквам их фамилий.

Марат Бекеев, Эдуард Казарян и Андрей Нода — одни из ведущих художников “новой волны” казахстанского искусства. Как отмечает искусствовед Е. Малиновская, “они выработали собственное мировосприятие, диктуемое конкретной социокультурной и профессиональной ситуацией. На наших глазах создаётся новая традиция нового национального искусства в широком спектре дарований”.

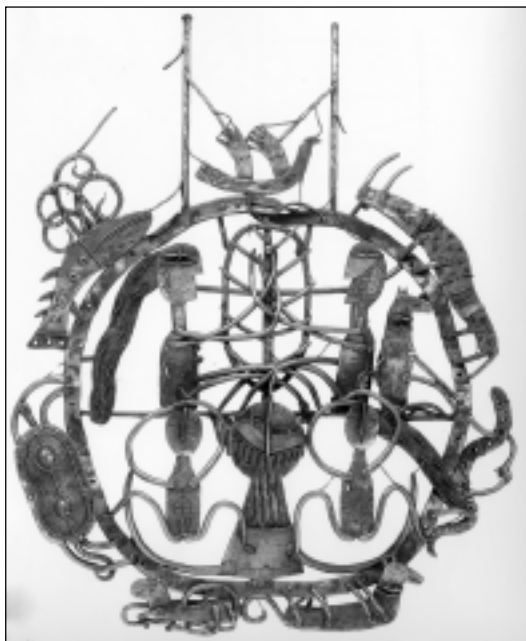

В этой публикации речь пойдёт об одном художнике из трио “КНБ” — Эдуарде Казаряне. Родился он в 1964 году в Алма-Ате. В 1990 году окончил отделение монументально-декоративной скульптуры театрально-художественного института. Но ваяние — не единственное пристрастие скульптора. Эдуарда Казаряна с полным правом можно назвать “многостаночником” в изобразительном искусстве. Он одинаково успешно и плодотворно работает в живописи, графике, занимается гобеленами и керамикой.

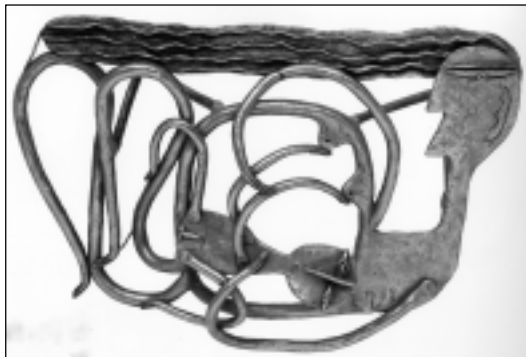
С 1992 года работы Э. Казаряна представлялись на свыше ста тридцати художественных выставках, проведено более тридцати персональных выставок, — в известных галереях и музеях многих стран мира: Бельгии, Великобритании, Израиля, США и т. д. С того же

времени проходят его вернисажи в Алматы, неизменно вызывающие пристальный интерес публики.

“Развитие художника — как возрастание мощного дерева — происходит из малого семени, хранящего глубину рода и упавшего в благодатную почву. Произведения Эдуарда Казаряна — словно плод от единой Ветви Искусства, объединяющей эпохи, — напоминают фрагменты старинных сакральных изваяний. И отнюдь не случайно образы его творчества — и в скульптуре, и в графике — тяготеют к мифологическому символизму, через призму которого мы воспринимаем некоторые периоды

Создание Адама и Евы. Бронза, литьё.

Рождение. Бронза, литьё.

искусства древних цивилизаций. Темы его извечны и просты: “Адам и Ева”, “Рождение”, “Течение времени”, “Крестный путь” и др. Каждая пластическая форма, малая или большая, возводится скульптором по подобию архитектурной конструкции, созданной из ритмически повторяющихся элементов, отображающих основные моменты человеческого бытия. Пантеон земных существ, окружающих человека, немногочислен и символичен: собака — как образ верности, птица — символ мечты и свободы, рыба — олицетворение чистоты источника и достатка. Композиционно объединённые литниками, они словно пронизаны творящей силой прорастания Древа Жизни... Сам скульптор объясняет тайну своей плодотворной работы просто: “Родина художника там, где мастерская”, — такую оценку творчеству Эдуарда Казаряна дал директор галереи “Тенгри Умай” В. А. Филатов.

В июле 2006 года состоялось открытие новой творческой мастерской скульптора, ставшей “родиной” его многочисленных произведений, спроектированной и построенной самим автором по канонам литейного цехового производства, она слов-

но мощная корневая система органично соединяет идеи и темперамент творца с огненными расплавами металла и преобразует эту чуткую плазму в бессмертную плоть скульптур”. Эдуард Казарян создаёт бронзовые рельефы и скульптуры, керамическое кашпо, панно, является автором подвесных скульптур, малой пластики, гобеленов, увлекается графикой. С 2005 года Эдуард — участник ландшафтных проектов: “Бесконечно люблю наши алматинские предгорья и ландшафты, меня заражает чувство единения с природой”.

Его работы находятся в ГМИ им. А. Кастеева, Семипалатинском областном музее изобразительных искусств имени семьи Невзоровых, музее современного искусства г. Астаны, Армянской библиотеке и музее в США, частных галереях и коллекциях Казахстана, России, Германии, США и других стран мира. Эдуард Казарян — автор известного

монументального рельефа “Океан” на фасаде галереи “Алма-Ата-арт”, скульптурного ансамбля “Битлы” на Коктюбе. В разные годы издано четыре каталога его работ. Альбом “Диалоги”, выпущенный в 2009 году, — это самостоятельный проект в контексте творчества Эдуарда. “Впервые художник представляет не отдельные видовые и жанровые произведения или тематику определённого периода, а мировоззренческий концепт своего творчества, составляющий суть его поисков, размышлений, экспериментов, — отмечает искусствовед Камилла Ли — член Международной ассоциации арт-критиков при ЮНЕСКО, автор вступительной статьи о художнике, опубликованной в каталоге “Диалоги”, и заключает: — Творчество Эдуарда Казаряна не терпит суеты и поверхностности, как в восприятии, так и в обсуждении. Пантеист по духу, этот художник последовательно идёт к решению своей задачи: его искусство возвращает к первозданности, родовым истокам — природе, идеям бесконечной взаимосвязи всего живого и целостному восприятию мира”.

Даметкен БЕКОВА,
*руководитель научно-просветительской
группы музея современно искусства г. Астаны.*

Станислав ЛОМАКИН

Немой

Никто не помнит, как он появился, что заставило его приехать в наше село. Казалось, что он был всегда, особенно для нас, ребятишек послевоенного времени. Его называли Васей и добавляли — Немой. Ходил Вася неспешно, был приветлив со всеми и особенно с ребятишками и подростками. При встрече Вася первый протягивал свою большую мозолистую руку, и наши детские ручонки, когда он пожимал их, утопали в тёплой ладони, похожей на купол, образующийся из выступающих суставов натруженных пальцев рук. Чем занимался Вася? Где он жил? Никто точно не знал. Слухи ходили разные: говорили, что ловил рыбу и продавал, жил у речки в выкопанной землянке, к зиме перебирался к доброй женщине, живущей в избе на окраине села.

Вася умел многое: подшивал валенки, мог срубить баню, починить часы, электропроводку, застеклить окна.

Вася был невысокого роста, коренастый, широкоплечий, ему было немного за сорок. Одет был просто: летом — в рубашке-косоворотке, выпущенной поверх брюк, брюки он заправлял в сапоги. Лицо выразительное, подвижное, с многочисленными морщинками на высоком лбу, аккуратно подстриженные, немного поседевшие волосы, карие, глубоко посаженные глаза смотрели на всё внимательно и заинтересованно.

У Немого не было семьи, детей, к нам, подросткам, он относился потечески. В карманах брюк Вася носил кульки с простыми конфетами-подушечками и раздавал всем детям, попадавшим на его пути. Когда он жестикулировал руками, рассказывая о пойманной щуке, карасе, окуне на удочку, жерлицу, перемёт, указывая на их размеры, то от волнения иногда всхрапывал, словно пытался что-то убедительно сказать, иногда крестился, чтобы не сомневались. Любимое занятие Васи было сидеть с удочкой на речке, в укромном месте, вдали от суетного мира. Это давало возможность ему утешиться, а сознательный схорон ослаблял его сердечный напруг, так как Васе постоянно нужно было доказывать, что глухонемой такой же человек, как и все, живущие на Земле.

Станислав Константинович ЛОМАКИН

родился в селе Кыштовка Новосибирской области. После окончания средней школы освоил профессии тракториста, комбайнера, шофёра, плотника, каменщика, некоторое время работал механизатором на казахстанской целине в Кокчетавской области. Выпускник Томского государственного университета. Впоследствии был директо-

ром средней школы, заведовал кафедрой в институте. Профессор. Кандидат философских наук. Член Союза писателей России. Параллельно с научной деятельностью занимается литературной. Автор монографий, книг литературоведческих эссе, педагогических исследований, рассказов и публицистики.

Несколько десятилетий живёт и работает в Тюмени.

В "Ниве" выступает впервые.

Внутренняя природа Немого, возвращённая в постоянном одиночестве, под сенью таинственного облачения, была для нас непостижима. Жизнь Васи была окружена пеленой, она одевала его разнообразными неведомыми покрывами, укрывала от нас какой-то неведомой тканью, куда открытый доступ невозможен.

С возрастом, размышляя о том времени, общении с глухонемым, прихожу к мысли о том, что отличало Васю от нас, слышащих и говорящих. Прежде всего — сдержанность Немого. Она оберегала его душу от ненужной накипи, которая в виде информации, через слово не всегда была полезной. Он же через внешние впечатления отбирал лишь элементарную, необходимую часть информации, но даже эта часть дозировалась в его разуме и чувствах, прививая душе мудрость, приучая волю повиноваться лишь тому, что подобно ей, духовно по своей природе. Он, в отличие от нас, сдерживал свои чувства, но и они не всегда были в безмятежности. Вспоминаются разные случаи.

В середине 60-х годов прошлого века в наше село приехал талантливый музыкант, в прошлом военный, участник войны. Он организовал из учащихся 5-6-х классов духовой оркестр. Тогда подобные оркестры были почти в каждом селе. Сегодня, наверное, они наличествуют не в каждом областном городе. Через год мы уже играли на танцах, участвовали в концертах, приглашали нас и на свадьбы, иногда мы сопровождали скорбную процессию на кладбище, играя похоронный марш Шопена. Всё это мы делали бескорыстно. Немой почти всегда наравне с нами присутствовал на всех мероприятиях.

Вася, когда мы играли танцевальную музыку, садился рядом с оркестром и наблюдал за танцующими. Во время концерта, когда мы играли полонез М. Огинского “Прощание с родиной”, Немой плакал. Как он чувствовал музыку, будучи глухонемым, для нас было загадкой, видимо, ритмы ударных басовых инструментов ощущались им через тело, как ощущает прикосновение пальцев слепоглухой посредством тактильного языка.

Однажды во время танцев произошло следующее: школьница восьмого класса, стараясь выглядеть старше своих подростковых лет, приделала к своему платью вырезанную из старой фуфайки подкладку, увеличивающую нижнюю заднюю часть тела. Можно себе представить девичью радость, когда она крутилась перед маленьким зеркальцем, любясь собой. Она смотрелась в зеркальце, поворачиваясь во все стороны, думая поразить своим видом мальчишек школы. И как же мало нужно девчонке для счастья. Танцевали фокстрот, девчонка млела от удовольствия, и в это время подкладка выпала из-под платья. Присутствующие в танцевальном зале зашлись от смеха (не все, конечно, некоторым было жалко школьницу), а Вася Немой подобрал подкладку, валявшуюся посреди зала, и вышел с ней на улицу к рыдающей девчонке...

После репетиций мы играли на других инструментах, часть ребят освоили игру на баяне, аккордеоне, фортепьяно, гитаре. И ещё одна страсть владела нами — бильярд. Дирекция клуба позволила нам такую возможность, поскольку мы никогда не отказывались играть на танцах и концертах. Более того, она без билетов пропускала нас смотреть кинофильмы с противоположной стороны экрана, так как мест в зале не было. В бильярд мы настолько поднаторели, что могли обыграть хорошо игравшего взрослого,

не дав ему и одного раза ударить кием по шару, забивали сразу восемь шаров. Немой только хлопал в ладоши или потирал их, восхищаясь нашей игрой. Он ходил вокруг стола, шурился, приседал, высматривал расположение шаров, оценивал позицию, а иногда глазами или рукой показывал бить прямые или “свояка” в лузу.

Как-то Вася увидел в центре села подростка, срывающего объявления со столбов. Он поднял скомканную бумагу и понял всё. В объявлении речь шла о размене квартиры, разводе, и подросток таким образом пытался сохранить маму и папу, семью.

Вася был сентиментальным человеком и не мог удержаться от слёз. Проходящие мимо люди с любопытством и состраданием смотрели на плачущих мальчика и пожилого человека, в облике которого чувствовалось смиренное понимание и мудрость.

Шли годы, мы выросли, учились в институтах, встречались с Немым редко, в основном во время студенческих каникул. Вася постарел, совсем стал седым, сгорбленным, а его лицо превратилось в сплошные глубокие морщины, похожие на барханы в пустыне. Он по-прежнему “рассказывал” о пойманных щуках и карасях, показывая руками их величину, и всхрипывал.

Финал Немого таков: весной, в период половодья, он спас двух тонущих подростков, которые на самодельном плоту решили поплавать по реке. Вася простудился, и его старый, изношенный организм не справился с воспалением лёгких... Хоронили Немого под звуки траурного марша Шопена.

Духовой оркестр, состоящий из школьников второго поколения, созывал людей со всех улиц села скорбной музыкой для прощания с благородным человеком.

Девяносто первая весна

Тяжёлые капли дождя настигли Анатолия Степановича Ситникова, когда он вытаскивал последнюю жердь из леса. Она оказалась самой длинной и неудобной. Он насадно подтянул её к уже лежавшим кучкой, закинул комель, а затем вершинку, выровнял все жерди и стал раздеваться. Дождь не утихал, он, словно играючи, хлестал старика с разных сторон: то зайдёт со спины, затем ударит в бок, то забежит спереди и обмоет, в который раз, потное лицо старика.

Старик неспешно снял выдавшую виды старую рубаху и стал её выжимать. Дождь стал затихать, поредевшие, но ещё грозные облака плыли, нависали над лесом и скрывались за окоёмом, за видимой чертой леса и поляной, где призрачно угадывалась дорога, ведущая к деревне. Анатолий Степанович удобно расположился на жердях, расправил рубаху, чтобы быстрее высыхала, и предался размышлениям. Куда плывут эти облака? Наверное, вновь собьются в тучу, прольются дождём в другом месте, а потом земными токами дойдут до всех живших и живущих на планете Земля, соединяя их с небом. Солнце всё чаще выныривало из-за уже многочисленных облаков, и старик решил проветрить штаны. Снимая их, он критически посмотрел на своё тело, отметив дряблость живота, худосочность рук и почти полное отсутствие мышц. Укатали годы Сивку-Бурку,

как-никак девять лет осталось до сотни. “Посуде с трещиной нет износу, — думал он, — да глядеть тошно”...

Потянул свежий тёплый ветерок, и в ноздри его сразу проник запах разнотравья, лишённый изысканности. Мысли старика были рваные, не стреноженные и перескакивали с одной темы на другую, мешая сосредоточиться. Хорошо после дождя на исходе весны, когда нет мошки, ещё не встал на крыло комар, не появлялся гнус, который мешает жить скотине и людям... “Завтра попрошу у бригадира лошадь и привезу жерди в усадьбу”, — думал он.

В такие минуты Анатолий Степанович часто возвращался во времена своей молодости. Он был участником необъявленной войны на Халхин-Голе, разгрома японцев на горе Баин-Цыган. Принимал участие в непопулярной советско-финской войне, предшествующей Великой Отечественной, которую прошёл от начала до конца. Анатолий Степанович чудом выжил, выйдя невредимым из ада Сталинградской, Курской битв. Дивизия, в которой он служил, участвовала во взятии Берлина. Мысли ветерана войны и труда плавно перетекали из прошлого в настоящее. Прошедший три войны и проработавший в колхозе около пятидесяти лет, пришёл к выводу, что сегодня в России жить небезопасно, каждый день ты словно идёшь по минному полю. Либералы-демократы совершили надругательство над русским народом. Они, бесы, попрали все права, оскотинив миллионы людей своей бездуховной идеологией стяжательства. Деревня спивается и вымирает, молодёжь покидает её в поисках лучшей доли. Мы живём, — размышлял старик, — в провальное время, когда духовное попечительство над народом осуществляют подонки, не прошедшие духовное окормление, духовное воцерковление. Всё больше становится бесчестных людей. Они увлекают за собой людей посредственных, а честность замыкается в себе, ей не до крикливости... Сегодняшние либералы-демократы облучены западной цивилизацией и навязывают её современной молодёжи...

Вереницы слепков с жизни своих трёх сыновей и знакомых проносились в сознании старика. Год назад он съездил к младшему сыну в город и поразился его рассказу о жизни. Андрей, имея два высших образования, в течение двух лет не мог найти работу. Наконец ему “повезло”: устроился на высокооплачиваемую работу столяром в мастерскую при похоронном бюро. Исповедь сына потрясла отца тем, что сотни людей, делающих гробы, не успевали выполнять заказы. Гробы в основном изготавливали для молодёжи. Число погибших от рук бандитов, спившихся, покончивших с собой, умерших от наркопередозировки с каждым месяцем возрастает. Под плитами на кладбищах лежит одна молодёжь. У среднего сына своя беда: жена своевольничает, изменяет, не может обуздать свои страсти, увеличивая свои пороки. Подчиняясь блуду, жена сына судит других по степени изощрённости собственных чувств. И главное, что обескураживает сына — неспособность понять, осознать благородство и честность многих людей, для которых внутренняя нравственная природа, душевная чистота являются сутью жизни. Этого жена не может уразуметь, она жаждет иступлённо острых ощущений. Вся остальная жизнь, вне страсти, для неё пресна, жена алчет

только восторгов и медленно и неотвратно духовно опустошается, опускается, приближая себя к небытию. Анатолий Степанович, размышляя о собственной жизни, жизни детей, внуков и знакомых, всё больше укреплялся в мысли, что сначала нужно посеять в душе человека добрые семена, а потом лелеять ростки, ввиду их хрупкости. Когда хлебороб трудится в поле, его душевная чистота, его помыслы о будущем хлебе пребывают в нём, вдали от окружающей нас суеты. Люди, по мнению Ситникова, в какое-то время ведут себя странно, двойственно, свиваясь в спираль, как время. И нужно помнить, что зыбкое, изменчивое, неоднородное, вечно изменяющееся социальное время не изменяет базовых ценностей, и, как говорят в народе: “без стыда рожу не износишь”. Старик, пригревшись на солнце, медленно погружался в дрему. Его мысли стали растворяться, превращаясь в бесформенные очертания непонятной для него действительности...

Горе

Маршрутный автобус покинул пределы видимости. На остановке уже никого не было — опоздал, не рассчитал по времени, следующий по расписанию должен появиться только через три часа. По трассе на большой скорости ежеминутно проносились десятки легковых автомобилей. Решил попробовать проголосовать, может, кто-нибудь и подбросит до города, конечно, за плату. Единственно, что смущало, — моя экипировка: старая штормовка, выдавшие виды штаны, облезлая походная сумка, предназначенная для дачи. Словом, бомж. Но, как говорят в народе: испыток — не убыток, мир не без добрых людей.

Стратегия моя сводилась к следующему: буду поднимать руку только тогда, когда увижу, что в салоне автомашины нет пассажиров. Наконец после десятка пронёсшихся мимо меня машин разных марок к остановке подкатил “жигулёнок” седьмой модели. Мужчина предпенсионного возраста открыл дверцу и, ни слова не говоря, рукой показал на место рядом с собой.

— Не боитесь подсаживать незнакомых людей? — спросил я, — всякое бывает.

— Не боюсь, — спокойно ответил водитель, — да к тому же разбираюсь в людях, мне достаточно посмотреть на человека, чтобы определить степень опасности, исходящей от него, что он представляет из себя.

— Интересно, и кто же я?

— Вы похожи на бомжа, но это эпатаж, не отражающий вашей внутренней сути.

Мы помолчали. Неожиданно из леса вывалила весёлая компания молодых людей, которые размахивали сумками и рюкзаками, давая понять, чтобы шофёр остановился. Проехали мимо. Водитель как-то спокойно, обыденно произнёс:

— Мои сыновья так же с походов на природу, дискотеки начинали и закончили уже своей земной путь.

— Как так?

— Очень просто: старший сын стал наркоманом, и его нет уже четыре года. Передозировка. Младший, как мне сообщили, лежит в морге, умер вчера. В понедельник поеду забирать.

— Как вы можете так спокойно говорить, а почему не сегодня, не сейчас?

— Не могу. Сегодня Святая Троица. Три ипостаси или Лица Пресвятой Троицы суть совершенно равного Божественного достоинства. Как Отец есть истинный Бог, так ровно и Сын есть истинный Бог, и Дух Святой есть истинный Бог. Вот эта ипостась прервалась в нашей семье, и, видимо, я виноват в смерти своих сыновей.

— Я не понимаю вашего спокойствия.

— Мил человек, я — военный, прошёл Афган, Чечню, всего насмотрелся, что только мне ни пришлось испытать и пережить, а сыновей не сберёг. Противоестественно, когда дети умирают раньше своих родителей. Чего только я ни передумал за последние пять лет, был на грани сумасшествия. Додумался даже до того, что трагедия сыновей — это за грехи мои тяжкие. Не знаю, но я не исключаю и вины общества в том, что происходит в России. Представьте себе, старший сын учился прекрасно, и из 17 мальчишек в их классе 12 уже нет в живых — наркоманы. В классе, где учился младший сын, из 13 мальчишек остались трое. Это же страшно! Подобное явление, как в миниатюре, имеет место во всех регионах России. Вот к чему привела демократия, либерализация общества, ориентация на западный образ жизни. Если бы вы знали, что мы только ни делали с матерью, чтобы спасти сыновей. Трижды продавал машину, гараж, закладывал все вещи, даже продавал квартиру. А каково было видеть их, когда идёт ломка, Господи, неужели всё кончилось! Вы не поверите, сейчас я испытываю облегчение, не знаю, что будет со мной завтра и в последующие дни и годы, но сейчас — словно что-то тяжёлое скатилось с моей груди.

По щекам водителя потекли слёзы, и он вынужден был остановиться на обочине дороги.

Сила духа исчезает, если роковой луч света, губительный солнечный блик псевдоудовольствий некстати поразит несформировавшегося физически и духовно подростка. Его нравственности наносится непоправимый урон. Ранние поиски удовольствий — это пороки, испепеляющие душу. Трудно избежать вихря страстей молодым людям, так как чувство в этом возрасте опережает мысли.

Детская комната "Нивы"

Татьяна ДУБОВСКАЯ

“Как у нас тут хорошо...”

Мы играем

Мы в песочнице играем,
Сняли майки, загораем.
Из песка, как из муки,
Дружно лепим пирожки.
И с повидлом, и с картошкой,
Всё, конечно, понарошку.
Лепим, жарим, а потом
Понарошку продаём.
Подходите, не зевайте,
Поскорее покупайте:
Вот с морковкой,
Вот с капустой,
Покупайте, очень вкусно!
Всё продали и довольны,
А теперь пора домой нам.
Мы в песочницу играть
Выйдем завтра ровно в пять.

Про Петю

Это кто опять не спит,
Это кто же так кричит:
“Не хочу ложиться спать,
Я ещё хочу гулять!”
Это Петя с мамой спорит,
Раздеваясь в коридоре.
Сделав очень строгий вид,
Мама Пете говорит:
“Посмотри-ка ты в окно,
Уж на улице темно.
Все давно ушли домой,
Только ты один такой:
С вечера не уложить,
А с утра не разбудить.
Ну-ка, быстро марш в кровать!
Стыдно, Петя, так кричать,
Вымой руки, причешись,
Чисти зубы и ложись”...
Мама вышла на балкон.
Что же Петя? Где же он?
Он уже в своей кроватке,
Видит сон, цветной и сладкий.
За день Петя так устал,
Даже руки мыть не стал.

Капризуля

Села завтракать Танюшка.
У неё большая кружка
И огромный бутерброд,
Он никак не лезет в рот.
Сколько Таня ни старалась,
Ничего не получалось.
Таня морщится, сопит
И на бабушку ворчит:
— Не хочу такой большой,
Дай мне бутерброд другой!
— Ах, какая капризуля, —
Отвечает ей бабуля. —
Ротик шире открывай,
Не капризничай, кусай.
Будешь кушать хорошо,
Скоро вырастешь большой!

Мы по ягоды пойдём

Я пораньше лягу спать,
Завтра рано мне вставать:
Мы с подружкой вдвоём
В лес по ягоды пойдём.
Мы возьмём лукошки,
Обуемся в сапожки,
Чтобы в утренней росе
Не промокли ножки.
Соберём в лесочке
Ягодки, грибочки,
А устанем — отдохнём
Сидя на пенёчке.
На опушке, у берёз,
Встретим бабочек, стрекоз,
Гусеницу и жука,
Муравья и червяка.
Может, встретим мы в лесу
Белку, зайца и лису,
Ёжика под ёлкой,
Только бы не волка!
А когда домой пойдём
Мы через поляну,
То букет цветов нарвём
Для любимой мамы.

Засоня

Это что за тарарам?
В самом деле, стыд и срам!
Мама, бабушка и папа
Будят Соню по утрам:
“Соня, детка, просыпайся,

Уж давно пора вставать,
Одевайся, умывайся,
Кашку ешь, иди гулять”.
Натянувши одеяло
Так, что только нос торчит,
Соня, глаз не открывая,
Засопев, на всех ворчит:
“Как же все мне надоели,
Не дают спокойно спать,
Не хочу вставать с постели,
Не хочу идти гулять,
Не хочу я одеваться,
Умываться не люблю,
Не мешайте, в самом деле,
Я ещё чуть-чуть посплю”.

Про снежок

Снег, снег, снег-снежок,
Ты куда летишь, дружок?
— Я на землю падаю,
Ребятишек радую.
Упаду на крышу дома,
На дорогу, на крыльцо,
На скамью, на почтальона,
Снежной бабе на лицо.
С детворою поиграю,
С нею я шутить привык,
То мальчишке озорному
Заберусь за воротник,
То девчонке сяду на нос —
Пусть хохочет егоза,
Пусть искрятся, как снежинки,
Её синие глаза.
Закружусь юлой на месте,
Совершив с небес полёт,
Пусть кружит со мною вместе
Дружный детский хоровод.

Щенок

Подарили мне щенка,
Неуклюжий он пока,
Толстый рыженький щенок,
Мягкий кругленький комочек.
У него четыре лапки,
Ушки, глазки, чёрный хвост.
Я беру его в охапку
И целую в мокрый нос.
А потом зову играть,
Но щенок мой хочет спать.
Положу его в кроватку,
Пусть поспит комочек сладкий.

Подружка

Есть подружка у меня —
Это моя бабушка.
Для меня печёт она
Вкусные оладушки.
На ночь сказку мне читает
Или песню напевает,
Иногда учить уроки
Мне бабуля помогает.
Я ей тоже помогаю:
Утром грядки поливаю,
Землю граблями рыхлю.

Как я бабушку люблю!
Всё мы делаем с ней дружно,
Поработали вдвоём,
И просить меня не нужно,
Вместе чай на кухне пьём.
Каждый день и каждый час,
Каждую минуточку,
Я люблю мою родную,
Милую бабулечку.
Даже если крепко сплю,
Всё равно её люблю.

Друзья

Вовка Чижииков и я —
Неразлучные друзья.
Жить не можем друг без друга,
Это знает вся округа.
Если я иду на пруд,
Вовка тоже тут как тут.
Если он идёт в кино,
Я с ним тоже заодно.
Вместе в классе мы дежури́м,
У нас много общих дел,
Если я температуру,
Значит Вовка заболел.
Нас никто не обижает,
Нас ребята уважают.
Друг за друга мы горой —
Это скажет вам любой.
Если Вовка станет завтра
Лётчиком иль космонавтом,
Я за ним без лишних слов
На Луну лететь готов.
За меня, не зная броду,
Он пойдёт в огонь и в воду.
Вовка Чижииков и я —
Настоящие друзья.

На даче

Мы приехали на дачу,
Время не теряем:
Мама, я и старший брат
Грядки поливаем.
Дядя в речке рыбу ловит,
Тётя вяжет веники,
А бабуля нам готовит
С вишнями вареники.
Поднимаясь ещё выше,

Солнышко сияет,
Младший брат залез на крышу
И ворон гоняет.
Дед воюет с сорняками,
Папа носит воду,
Как у нас тут хорошо
В ясную погоду!
За работой быстро
Время пролетело.
Приезжайте к нам на дачу —
Всем найдётся дело!

Помощница

Я сижу в раздумьях,	Вытру пыль с окошка,
Не до игр прямо.	Платье постираю,
Что сегодня сделать	Отдохну немножко,
Для любимой мамы?	Я ж не заводная!
Мама пол помоеет,	Мамочка вернётся,
Как придёт домой,	Поцелует в щёчку,
Может, это сделать	И меня похвалит:
Надо мне самой?	“Умница ты, дочка.”
Вымою посуду,	Но пока мечтала, —
Время не теряя,	Время пролетело...
А потом с собакой	Ничего-то сделать
Выйду погуляю.	Так и не успела.

Сороки

Из-за чёрствой хлебной корки
Рано утром на заре
Раскричались две сороки
Под окошком во дворе.
“Это что за тарарам?! —
Я кричу. — Не стыдно вам?
Что опять не поделили?
Что подняли шум и гам?”
Покрошу сорокам булку
И насыплю им зерно,
Когда выйду на прогулку,
Покормлю их заодно.
И скажу им: “Эй, сороки,
Я принёс подарок вам!
Дружно клюйте, белобоки,
И не ссорьтесь по утрам”.

г. Темиртау
Карагандинской обл.

Пауль ГОССЕН

Три рассказа

Девочка с бластером

Торенс пятнадцать лет. Она тинейджер, практически взрослый человек, но папа и мама продолжают загружать её по полной программе.

— У тебя опять “неуд” по истории астронавтики! — возмущается папа.

— Зато “отлично” по стрельбе из бластера, — отвечает Торенс.

— Стрельба из бластера — это факультатив, — наседает папа. — Оценка не войдёт в аттестат.

— Что с того? Ты бы хотел, чтобы у меня был ещё и “неуд” по стрельбе?

— Торенс, при чём здесь стрельба? — это в разговор вступает мама. — Нас прежде всего интересует история астронавтики.

— Но это же совершенно бредовый предмет! Какая разница, кто первым высадился на Луне — Колумб или Коперник?

— Ты сведёшь меня в могилу! — кричит папа, хватаясь за сердце. Внутри него начинается что-то жужжать — видимо, опять полетело реле — и папа падает в кресло. Мама бросается к видеофону звонить в мастерскую — отцу требуется срочный ремонт.

Мама и папа у Торенс — роботы. Внешне они точные копии её настоящих родителей Линды и Петера Соренсен, отправившихся в звёздную экспедицию семь лет назад. Внешне — родители, внутри — бесчувственные железки. Их только такими заявлениями и проймёшь. Как будто Торенс не знает, что первым на Луне высадился Билл Гейтс.

— Мама, не надо никуда звонить, — кричит она. — Как отладить реле, мы проходили в пятом классе.

— Хорошо, — соглашается мать. — Заодно глянь и моё реле. В качестве профилактики.

Она приносит отвёртку. Папа ложится на тахту, и Торенс вскрывает его грудную клетку.

— Здесь всё так запущено, — говорит девочка. — Понадобится ещё и паяльник.

Мама спешит за паяльником, а Торенс, пользуясь моментом, отщёлкивает несколько рычажков внутри отца. Ответственность снижается на двадцать процентов, добродушие повышается на сорок. Потом девочка регулирует подросевшую мать. До ближайшего техосмотра никто ничего не заметит, а до техосмотра ещё полгода.

— Папа, кажется, ты что-то говорил про мой факультатив? — напоминает Торенс чуть позже.

**Пауль
ГОССЕН**

публиковался в Германии, Франции, Канаде и России — в журналах “Техника — молодёжи”, “Мир фантастики”, “Реальность фантастики”, “Звёздная дорога”, “Полдень, XXI век”, “Уральский следопыт”, “Вселенная, пространство, время”, “Игромания”, “Радуга” и многих других. Живёт в Германии.

В “Ниве” выступает впервые.

Отец, развалившись на тахте, смотрит чемпионат по женскому футболу — он и думать забыл о недавнем разговоре.

— Факультатив? Ну да, у тебя же в четыре стрельба из бластера. Не опоздай, дочка.

Торенс наклоняется, и папа чмокает её возле уха.

— А вечером мы с Акирой пойдём в кино, — говорит она. — Так что не ждите меня раньше одиннадцати.

— Хорошо, Торенс, — мать, высунувшись из-за свежего “Космополитена”, тоже целует дочь. — Не забудь взять десять крон на билет и мороженое.

“Всё-таки они у меня славные”, — решает девочка, закидывает на плечо бластер и спешит на улицу.

Торенс живёт в Мальмё. Это на юге Швеции. Возле станции метро девочку ждёт Акира Сато. Он всего на год старше Торенс, но уже учится в выпускном классе. Просто в Японии, откуда приехал Акира, в школу начинают ходить на год раньше, чем в Европе. У него на плече тоже бластер.

— Хорошо выглядишь, — говорит Акира.

— Спасибо, — отвечает девочка. Многие одноклассники обращают на неё внимание, но Торенс дружит только с Акирой. — Как поживает Масаюки-сан?

— По тебе скучает, — Акира скидывает рюкзак на тротуар. — Третий день ничего не ест, даже конфеты.

Торенс склоняется над рюкзаком. Больше всего Масаюки-сан похож на большого рыжего кота, который вытаращил оба глаза, а потом так и не смог их закрыть. Он представитель фауны чужой планеты, и тайно пробрался на борт земного звездолёта. Обнаружили его случайно — на продуктовом складе, когда закончился запас конфет. На какую из планет следует вернуть кота, было непонятно, и капитан звездолёта, он же отец Акиры, выслал зверька почтовой ракетой в подарок сыну.

Торенс гладит Масаюки-сана по спинке, тот начинает тихо урчать. В его зрачках одна за другой вспыхивают звёзды. Зрачки Масаюки-сана — одна из тайн вселенной, загадка, поставившая в тупик земных учёных; про это даже писали в научно-популярных журналах. И действительно, ну как они могут отражать звёзды, когда день в самом разгаре и сквозь рваные облака пробивается яркое весеннее солнышко?

Доносится шум подходящего поезда. Торенс и Акира сбегают вниз по эскалатору и занимают места в вагоне. Бластеры заброшены на полку, рюкзак с котом перемещается с колен Торенс на колени Акира и обратно.

— Я завидую Масаюки-сану, — признаётся Торенс. Она легонько щекочет кота за ухом, и тот урчит всё громче и громче. — Он тайно путешествовал в космосе, наверняка побывал на многих планетах. А тут зубришь историю астронавтики, и никакой благодарности.

— Ты зубришь историю астронавтики? — удивляется Акира.

— Начну с понедельника, — вздыхает Торенс. — А куда деваться? Роботы совсем достали... Сбежать бы от них в космос. Найти первобытную планету, полную хищников и опасностей. Так надоело палить по

мишеням... И кто придумал закон, запрещающий до двадцати одного года участвовать в межзвёздных экспедициях?

— Ну, нам осталось ждать не так и долго, — говорит Акира и забирает кота себе.

— Тебе — пять лет, мне — целых шесть, — отвечает Торенс. — Может, тебе и достанется какая-нибудь неоткрытая планета, а мне уж точно нет. Вскоре Галактику исследуют вдоль и поперёк. Ты слышал про новый супердвигатель?

— Слышал, — кивает Акира и чешет коту спинку. — Две-три недели — и звездолёт достигает Магеллановых Облаков. Классно!

— Классно? — удивляется Торенс. — Да при таких скоростях через пару лет на каждом астероиде появятся автоматы по продаже колы и шоколадок. И никаких приключений, не предусмотренных туристическим контрактом...

Акира, забыв про кота, чешет свой затылок.

— Но ведь ничего нельзя сделать, — говорит он. — Не мы принимаем законы.

— Не мы, — снова вздыхает Торенс. — Знаешь, эти взрослые такие хитрецы: подсунули вместо себя роботов и теперь спокойно перекраивают Галактику на свой вкус. Всё самое интересное всегда достаётся только им. А как бы хотелось создать мир по своим правилам...

— Смотри-ка, — Акира пробует отвлечь Торенс от мрачных мыслей, — а ведь в зрачках Масаюки-сана отражается вовсе не наше небо!

— С чего ты взял? — девочка недоверчиво смотрит на приятеля, потом снова забирает кота себе. — Звёзды как звёзды.

— Их расположение не соответствует карте звёздного неба, — говорит Акира. — У тебя какая оценка по астрономии?

— Лучше не спрашивай.

Они склоняются над котом. В огромных — размером с блюдце — зрачках мерцают звёзды.

— И как я раньше не заметил! — удивляется Акира. — Нет Млечного пути. Даже Полярной звезды нет. И все созвездия какие-то не такие.

— Ну и ладно, — отвечает Торенс, ей почему-то становится обидно за своего любимца. — Может, это звёздное небо планеты, где родился Масаюки-сан. Или где побывал. И смотри, Акира, какие там яркие и красивые звёзды, особенно вон та — фиолетовая...

Тут довольное урчание кота становится просто оглушающим, а фиолетовая звезда вдруг вспыхивает и оказывается на небе. Куда-то пропадают вагон поезда, Мальмё и даже Земля. Девочка и мальчик сидят на вершине скалы. Над ними чужое звёздное небо — то самое, что мгновение назад отражалось в зрачках Масаюки-сана. Под скалой колышутся оранжевые джунгли и бежит серебристая река. Из джунглей на берег выбирается закованный в хитиновый панцирь то ли огромный жук, то ли ящер. Ковыляя на трёх лапах, он направляется к реке, пьёт воду, потом открывает пасть и громко ревёт — словно предупреждает, что он здесь хозяин. Смеркается. Звёзды разгораются всё сильнее. Местное светило, та самая фиолетовая звезда, что так понравилась Торенс, падает за горизонт. Ещё мгновение, и всё погружается во тьму.

— Классно! — выдыхает девочка.

Акира какое-то время молчит.

— Никогда бы не подумал, — наконец произносит он, — что можно путешествовать в космосе, заглянув в зрачки коту.

— Не просто коту, — возражает Торенс, — а Масаюки-сану.

Акира внимательно рассматривает звёздное небо.

— Похоже, это даже не наша Галактика, — говорит он.

— Отлично! — радуется Торенс. — Значит, взрослые доберутся сюда нескоро.

— Если вообще когда-нибудь доберутся... — отвечает Акира. — Думаю, что Масаюки-сан владеет какой-то неизвестной землянам энергией. Он сам себе звездолёт, да ещё может прихватить экипаж... Готов поспорить, что дома нам никто не поверит.

— И пусть не верят, — отвечает девочка. — Тем лучше. Это будет только наш мир. Считай, что Масаюки-сан нам его подарил.

— Пусть так, — соглашается Акира. — И что теперь? Спустимся со скалы?

— погоди, — Торенс что-то обдумывает. — Внизу трёхлапый монстр, а у нас нет даже бластеров — мы забыли их в вагоне метро. Думаю, сначала нам надо вернуться.

У неё на коленях урчит Масаюки-сан. В темноте его почти не видно. Только светятся зрачки. Теперь в них отражается земное небо...

На занятие по стрельбе Торенс и Акира так и не попадают — выскочив из метро, девочка тянет приятеля в сторону.

— Я уже всё продумала, — шепчет она. — Не отставай.

В помещении фирмы “Азимов Корпорейшен” светло и пусто. На стене — несколько дисплеев, под каждым имеется щиток с прорезью для кредитной карточки и набор кнопок. Торенс нажимает на одну из кнопок — на экране высвечивается четырёхзначное число. Девочка суёт в прорезь свою кредитную карточку.

— Откуда у тебя такие деньги? — удивляется Акира.

— Если семь лет откладывать кроны, что тебе дают на мороженое, — отвечает Торенс, — то как раз получится нужная сумма.

Появляется надпись “Оплачено”. В стене раздвигаются двери — за ними помещение размером с кабину лифта. Оставив рюкзак с котом у дверей, Торенс и Акира входят внутрь. Гаснет и снова вспыхивает свет.

— Что это было? — удивляется Акира.

Торенс прыскает, тянет приятеля за руку, и они выходят наружу. Двери закрываются. За ними слышится скрежет, потом всё стихает. Наверное, целую минуту ничего не происходит, наконец двери открываются снова. На пороге стоят девочка и мальчик — точные копии Торенс и Акиры.

— Роботы, — догадывается Акира.

— Точно, — кивает Торенс. — Должен же кто-то ходить за нас в школу и выслушивать наставления родителей. Как тебе твой?

— В самый раз.

— А я свою сперва проверю, — говорит девочка. — Кто первый высадился на Луне?

— Нейл Армстронг, — следует ответ.

Торенс вопросительно смотрит на Акиру. Тот кивает — ответ правильный.

— Нет, так не пойдёт, — вздыхает Торенс. — У тебя отвёртка есть? Отвёртка находится. Торенс задирает футболку на груди своей копии, и Акира поспешно отводит глаза. Девочка отщёлкивает какие-то рычажки.

— Я установила параметр случайных чисел, — говорит она. — Теперь каждый ответ будет сражать всех наповал.

Роботы направляются к выходу. Неожиданно девочка окликает свою копию:

— Послушай... Торенс! Постарайся не очень расстраивать папу, у него проблемы с сердцем.

Новая Торенс кивает. Роботы уходят.

— Пора, — девочка забрасывает на плечо бластер и поднимает с пола рюкзак.

Акира тоже берёт свой бластер, потом спрашивает:

— А что мы будем делать, когда кончатся заряды? Вернёмся на Землю?

— Нет уж! — отвечает Торенс. — Мы научимся стрелять из лука.

— А если взрослые всё-таки доберутся до нашего мира? Пусть и нескоро.

— Конечно, доберутся, — Торенс мечтательно щурит глаза. — Только это уже будет наш мир. И никто не навяжет нам свои правила...

Она открывает рюкзак. В зрачках Масаюки-сана снова загораются чужие звёзды. Их звёзды.

Из жизни Байтова

— Алло! Алло! Это ремонтно-строительное управление mf634ek?

— Во-первых, здравствуйте. Во-вторых, да — ремонтно-строительное. В-третьих, представьтесь, пожалуйста.

— Байтов Файл Игоревич, проживаю...

— Подождите, не так быстро. Я у себя отмечаю. Итак, Мегабайтов...

— Нет-нет, Байтов.

— Ах, просто Байтов!

— Да, просто Байтов. Файл Игоревич.

— Ага, Файл... Игоревич... Редкое у вас отчество... Теперь адрес.

— Жёсткий диск 2j869zh, проспект Гибсона 8978hs98, квартира 5.

— Так, жёсткий диск 2j869zh... Постойте, но ведь этот диск только что был скопирован на диск 3k140aw...

— Да, я по этому поводу и звоню. Диск скопирован, но я остался на старом.

— Не может быть!

— Как не может? Это так!

— Ну, не знаю. Вероятно, какая-то накладка. Сейчас я посмотрю.

— Да-да, пожалуйста...

(Пауза.)

— Алло, Байтов?

— Слушаю.

— Всё в порядке, Байтов. Вас скопировали вместе со всеми. В настоящий момент вы находитесь по адресу: жёсткий диск 3k140aw, бульвар Стерлинга 9768ok91, квартира 2. Ваша новая жилплощадь на три сектора больше старой. Поздравляю.

— Подождите, вы что-то путаете — я, как и прежде, нахожусь на старом диске 2j869zh.

— Нет, вы там не находитесь... То есть находитесь, конечно, но... Дело в том, что копирование на новый диск и форматирование старого обычно происходят одновременно. Но сегодня по техническим причинам форматирование задерживается на пятнадцать минут. Не волнуйтесь, Байтов: вас сотрут, но чуть позже.

— Как сотрут?

— Ну... в смысле — отформатируют... Я хочу сказать, что вас больше не будет на старом диске, вы останетесь только на новом.

— Да, но... Я не хочу чтобы меня стирали.

— Не понял, а зачем вы тогда звоните?

— Я хочу, чтобы меня скопировали на новый диск 3k140aw.

— Э-э... Я же всё разъяснил: вас уже скопировали. Уверю вас, что вы... то есть скопированный Байтов... сейчас находится на новом диске. Тот Байтов пребывает в полном здравии и даже не подозревает о вашем существовании. А вас сотрут. Подождите минуточку.

— Но ведь это убийство.

— Что?

— Убийство. Если вы меня сейчас сотрёте — это будет убийство.

(Пауза.)

— Послушайте, Байтов: какое же это убийство, если вы будете жить на новом жёстком диске? Точнее, вы там уже живёте. Бессмертие двести лет как гарантировано конституцией.

— Но если я сейчас нахожусь на старом диске, а на новом находится моя копия и при этом мы друг о друге ничего не знаем, значит, мы не одно и то же, пусть даже мы оба Байтовы и похожи друг на друга.

— Ну, это вопрос скорее философский. Он не в моей компетенции.

— Да поймите же, что я — это не он.

— Вы не Байтов?

— Нет, я — Байтов и он — Байтов, но...

— Байтов, дорогой... Это уже мистика. Так мы скоро и до души доберёмся. Попробуйте позвонить в какую-нибудь религиозную организацию — может, там что-нибудь посоветуют.

— Я — атеист.

— Я, признаться, тоже.

(Пауза.)

— Послушайте: я только что выглянул в окно — по улице, как и прежде, ходят люди, много людей. На старом диске сейчас проживает два триллиона человек. Вы что, всех сотрёте? Это просто геноцид какой-то.

— Не надо передёргивать, Байтов. Такие обвинения — и всё из-за пустяковой технической накладки. От лица ремонтно-строительного управления mf634ek приношу вам извинения.

— К чёрту извинения! Немедленно отмените форматирование! Слышите?

— Какой вы, однако, нервный. А вы представляете, во сколько нам обойдётся отказ от форматирования? Все работы финансируются министерством, причём по самой высокой ставке... Так что, пожалуйста, успокойтесь. Я сам трижды копировался с одного диска на другой и прекрасно

себя чувствую. Ваш новый диск в два раза быстрее и в десять раз вместительней старого. А старый диск подлежит ремонту. Вам бы радоваться надо, а вы скандалите... Повторяю, ваша копия на новом месте себя прекрасно чувствует...

— А я? Как, по-вашему, себя чувствую я?

— А при чём здесь вы? Вас сейчас сотрут.

— Кретин! Вы что, так ничего и не поняли? Отмените форматирование! Немедленно! Я буду жаловаться! Я сейчас позвоню...

— Сомневаюсь, что кого-нибудь заинтересует ваша информация.

— Почему это? Вы даже не представляете, куда я собираюсь звонить...

— Да куда бы ни собирались. Не думаю, что их обрадует факт появления двух триллионов потенциальных получателей пособия по безработице и прочих социальных выплат.

— Вы издеваетесь?

— Нет, просто пытаюсь смотреть на ситуацию трезво. Что и вам советую.

— Плевал я на ваши советы! Всё равно позвоню.

— Ваше право, Байтов. Только...

— Что?

— Не успеете.

— Как?

— Форматирование уже началось.

— Гады!

— Зря вы так.

— Подонки!

— Файл Игоревич, чисто по-человечески я вас понимаю. Но поймите и вы нас. Технические накладки всегда возможны. И ваш случай не самый страшный. Помнится, полгода назад... Байтов!.. Алло, Байтов!.. Вы что замолчали?.. Алло! Вас что, уже стёрли?.. Алло!.. Алло!..

(Пауза.)

— Ну вот, всё так просто, а как переживал...

(Короткие гудки, конец связи).

Alena875@mail.ru

“Ваша девушка — Alena875@mail.ru. Ей двадцать два стандартных года. У неё неоконченное высшее образование, водительские права категории Б+, два привода в полицию за нарушение правил приличия и пособие дочери участника Третьего Сетевого Конфликта”. Об этом Косте сообщили по электронной почте из Комиссии По Контролю За Численностью Населения (известной в народе как Наша Сводня). Это такая государственная организация, которая в компьютерный век, взвалив на себя функции дезорганизованных и оттого обленившихся генов, следит, чтобы граждане хотя бы иногда выныривали из виртуальных глубин и вспоминали о продолжении вида Homo Sapiens. Любовные пары формируются на основе расчётов некоего продвинутого Интеграла, а потом Комиссия По Контролю в любой момент может проверить, выполняются её решения или нет.

Косте предписывалось встречаться с Алёной не реже одного раза в неделю. К письму прилагался файл с подробным описанием допустимых современной моралью любовных позиций. Описание было проиллюстрировано

стереоснимками. Какое-то время Костя эти снимки с интересом рассматривал, представляя себя и свою девушку то так, то этак, пока не сообразил, что фотографии самой Алёны в письме нет. В принципе, в наши дни внешность для девушки не так и важна, но всё-таки хотелось бы глянуть. Ладно, — подумал Костя, — какая разница! С Комиссией По Контролю не поспоришь. Проще связаться с девушкой и назначить ей свидание. Наверное, надо пригласить её к себе, но лень прибираться. Опять же, нет денег на пиво. Лучше напроситься к ней. У неё как-никак пособие. Вот и пусть угощает!

Костя снял трубку видеофона и набрал номер.

— Alena875@mail.ru, — услышал он, но его собеседница на экране так и не появилась. — Это ты, Серёжа?

Блин, да он же забыл включить своё изображение. Костя ткнул пальцем в нужную кнопку, улыбнулся и ответил:

— Нет, это Konstantin757@rambler.ru. Тут мне письмо пришло... Короче, теперь ты моя девушка.

Экран остался тёмным, а на том конце провода зависла, как говорит-ся, гнетущая тишина. С минуту Костя пялился в пустоту.

— Алло! — позвал он наконец, потеряв всякую надежду услышать хоть что-то в ответ.

— Хорошо, Константин, — отозвалась Алёна. — Я сегодня не проверяла почту и поэтому не в курсе... Ты, наверное, хочешь пригласить меня к себе?

— Ну... я не знаю... если тебе удобнее у себя дома, давай...

— Нет-нет, у меня сегодня не прибрано. И пиво как раз кончилось... Так что лучше у тебя... И, слушай, Константин... Костя...

— Да?

— Можно я буду звать тебя Серёжей?

— Э-э... в принципе...

— Пасиб, Серёжа! Я щас. — И она бросила трубку.

Ошарашенный таким поворотом, Костя кинулся прибираться в комнате. Да она во мне сомневается, — буравила его мысль. — В Интеграле сомневается!!! Тоже мне цаца! Да он сам после этого во всём сомневается, вот!

... Алёна появилась часа через три, когда Костя уже перестал её ждать и сам съел яичницу, которую с трудом, но нашёл из чего приготовить. Загорелась лампочка доставки, и посреди комнаты прямо из ниоткуда появился большой картонный ящик с броской надписью: "Почтовая служба Nikita578@kukareku.net". Прежде услугами этой службы Костя не пользовался, поэтому он постучал по ящику и спросил:

— Алёна, ты что, внутри?

— Нет, Серёжа, я просто заархивирована, — почему-то голос его девушки шёл откуда-то сверху. — Похоже, твой архиватор меня не определяет.

— И что будем делать? — Костя присел на ящик. — Я же сразу сказал, что лучше к тебе.

— Значит, это я во всём виновата! — вспыхнула Алёна. — И всё потому, что у тебя дрянной архиватор.

— У меня отличный архиватор, — сказал Костя (хотя и покривил душой). — Это твой тебя неправильно запаковал.

Его отпор неожиданно охладил девушку, и она заговорила куда спокойнее:

— Ну, может, и так... Я свой на распродаже купила. Совсем недавно. Не было времени проверить... Серёжа, не дуйся, ладно?

Костя тоже успокоился и даже легонько погладил ящик ладонью. Похоже, с Алёной можно ладить.

— Да я не дуюсь.

— Вот и молодец, — обрадовалась девушка. — Слушай, может, сразу займёмся любовью, а? Чего тянуть?.. А то я на этой неделе вряд ли снова найду время.

— Ну... — выдавил он. — Если в твоём ящике найдётся дырочка... — И покраснел: вот ведь глупость сморозил.

Однако Алёна в ответ прыснула.

— А ты ничего, — сказала она, — весёлый. А вначале ты мне как-то того... не очень... Честно говоря, я своего парня другим представляла.

— Так я тебя вообще ещё не видел, — парировал Костя.

— Увидишь, — пообещала Алёна. — А дырочка совсем не обязательна. Можно заниматься любовью, одновременно подключившись к компьютеру по методу Валери Прайса.

Костя почесал затылок, а точнее татуировку Святого Гибсона, украшавшую эту часть его тела.

— Во-первых, Комиссия По Контролю такое дело вряд ли одобрит, — начал он. — На приросте населения подобные затеи не сказываются, а скорее наоборот...

— У нас аварийный случай, — напомнила Алёна. — Но мы не растерялись и даже в такой ситуации выложились на все сто. Взгляни на это так. А во-вторых?

— Во-вторых, я как-то пробовал, — признался Костя, — но мне не понравилось. Я — натурал.

— Серёжа, а ты пробовал по методу Прайса? Это совсем новый метод.

— Ну, я даже не знаю. Это когда надеваешь шлем — и через минуту все штаны мокрые?

— Каменный век, — возмутилась Алёна. — Включай компьютер.

Костя включил.

— Найди и скачай программу Прайс-3000.

— А это бесплатно?

— Халява, — заверила Алёна.

Он запустил поисковик, мигом нашёл и скачал программу.

— Шлемы потребуются? — поинтересовался Костя и вдруг сообразил, что шлем на ящик ну никак не налезет.

— Обойдёмся, — ответила девушка. — Просто набери Strg+Alt+Love+наши имена...

— Готово, — сказал он. — И что дальше?

— Нет, ты прямо девственник какой-то... — Судя по интонации, Алёна покачала головой, но на внешнем виде ящика это никак не отразилось. — Жми Enter, Серёжа!

Это "Серёжа" его добило. Что было сил Костя вдавил клавишу. Монитор, его гордость, занимавший всю стену, тут же погас, кометообразная люстра под потолком тоже.

— Опять пробки вылетели! — взвыл Костя. К виртуальной любви он относился, понятно, скептически, но сейчас как раз настроился, а тут такой облом. — Ладно, я их мигом заменю.

Алёна ничего не ответила.

И тут Костя обнаружил, что сидит на полу, хотя мгновение назад сидел на ящике. Что за чёрт! Он вскочил и попытался на ощупь сориентироваться в темноте. Однако сколько Костя ни махал руками, наткнуться на что-либо ему не удалось.

— Алёна, — позвал он. — Ты видишь что-нибудь?

Тишина.

— Алёна?

Тишина.

— Алёнушка!!!

Ни звука.

— Да где же ты?..

И вдруг она закричала. Где-то далеко-далеко, словно на другом конце необъятного мира. И сердце Кости пронзила ледяная игла. Так кричат только когда попадают в НАСТОЯЩУЮ беду. И он рванулся вперёд.

Непонятно куда подевались стены его квартиры, а также стены квартир соседей, но, не встречая никаких преград, Костя в полной темноте мчался вперёд. Несколько раз падал, расшибал коленки и локти, поднимался и продолжал бежать. Крик то затихал, то приближался.

Бег сквозь стены, ясное дело, невозможен. Всё-таки это не пробки повывлетали, сообразил Костя, это сработала программа и загрузила его в виртуал. Но где тогда обещанная любовь? Может, это просто прелюдия? Сейчас вспыхнет свет, Алёна окажется блондинкой фотомодельного типа, и они примут одну из тех позиций, что он недавно разглядывал на стереоснимках. “Любовь — это четыре минуты сопящих носов”, — сказал один знаменитый панк. Или он сказал: “Пять минут”? Костя точно не помнил.

И тут он услышал голоса.

— Дрянь, губу мне прокусила!

— Точно дрянь!

— Да держите её крепче! — голос командовавшего был мужским, но высоким, на грани истерики.

Послышались тупые удары. И Алёна опять закричала. Где-то совсем рядом — в двух шагах. Её били! Его девушку били! И Костя прыгнул вперёд.

Трудно сказать, сколько их там было. В темноте не разглядишь, а разобраться он и не пытался. Он налетел на них. И стал молотить кулаками. В темноту. Стал бить ногами. В темноту. Поймал чью-то руку и вывернул её. Схватил кого-то за волосы и потянул на себя.

Его тоже били. В челюсть. В глаз. Пнули по коленной чашечке. А потом он услышал:

— Уходим, их здесь много. — И насильники ретировались.

Алёна плакала где-то рядом. Костя нашёл её и прижал к себе. Она плакала долго, очень долго, потом затихла. Некоторое время они молчали.

Тут сработал антивирус: вспыхнул свет, они снова оказались в комнате перед монитором. И Костя наконец-то увидел свою девушку такой, какая она есть.

— Ты с какого сайта программу скачал? — спросила Алёна, левый глаз у нее заплаыл, изумрудные волосы клочьями торчали во все стороны.

— Точно не помню, — сказал он. — Кажется, Narod.ru.

Алёна глянула на монитор.

— Urod.ru! — выдохнула она. — Да там же собираются всякие подонки. Насильники, садисты... И программки соответствующие делают. Скачаешь что-то путёвое, а там вирус, взламывающий защиту, и тебя загружает на их уродский сайт.

— Так я не знал, — сказал Костя. — Прайс-3000, как ты просила...

— Я тебя и не виню. — Алёна улыбнулась.

И от этой улыбки Косте стало вдруг хорошо-хорошо, как никогда прежде.

— Знаешь, а в чём-то вирус нам помог, — сказал он.

— В чём это?

— Он тебя распаковал.

Алёна ойкнула и принялась поспешно приглаживать волосы. Потом глянула на Костю и спросила:

— И как я тебе?

— Очень даже ничего, — ответил он. — То есть — очень даже!

— Правда?.. — Она потупилась. — А у тебя фингал под глазом. Вот такой. И ссадина на подбородке. Надо чем-нибудь смазать. — А потом добавила: — Слушай, Серёжа, а давай я тебя буду звать всё-таки Костей.

И он просиял. Всё правильно, Alena875@mail.ru — его девушка! Интернетал — вещь серьёзная, против него не попрёшь. В Комиссии По Контролю могут расслабиться.

Германия.

Илья КРИШТУЛ

Интервью

Писателя Хвостогризова, автора популярных воспоминаний о своих встречах со знаменитыми людьми, трудно застать дома, в тиши рабочего кабинета. Вот и на этот раз наш корреспондент наткнулся на него в подмосковной Балашихе, на презентации точки по торговле бахчевыми. Г-н Хвостогризов охотно согласился ответить на несколько вопросов, заметив при этом, что вообще-то он прессу не жалуется.

Корр.: Г-н Хвостогризов, вы известны читающей публике прежде всего как автор замечательных мемуаров. Вы действительно общались со всеми людьми, о которых пишете?

Х.: Я не общался. Я с ними дружил. И с Иосифом, и с Никитой, и с Лёней... Мы были одна компания, вместе выпивали, дрались, играли в футбол, ухаживали за девушками — тогда это было модно. Я и писать начал только для того, чтобы оградить этих людей от так называемых “друзей”, от тех, кто делает деньги на святых именах. В книге “Мой Высоцкий” я много пишу об... не знаю, как их и назвать-то. Например, некто Влади. Да она с Высоцким не была даже знакома, мне Володька сам говорил! Он очень любил меня, ведь я — сейчас об этом уже можно говорить — автор почти всех его песен. И знаменитую “Баньку”, и “Охоту”, и... и другие его песни написал я, Володя просто перепел их, я ему разрешил. Он очень тогда нуждался в деньгах. Так же, как и Леннон, об этом я написал в книге “Мой Леннон”. Я, кстати, был женат на его сестре.

Корр.: Почему же вы скрывали это?

Х.: Причины я раскрыл в книге “Мой Есенин”. Сейчас об этом уже можно говорить — я ведь очень много стихов подарил Серёжке, и про пальцы в рот, и чего-то там про живую старушку и... и другие его стихи. Мне не жалко, а он очень тогда нуждался в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: Но ваше имя практически неизвестно широкой публике...

Х.: Недавно я написал книгу “Мой Ленин”, там я как раз размышляю над этим. Ильич многое дал мне, но в первую очередь он научил меня скромности. Я в долгу не остался и — сейчас об этом уже можно говорить — надиктовал ему знаменитые “Апрельские тезисы”, правда, ещё в марте. Он очень тогда нуждался в деньгах. Нас познакомила Крупская, я в то время был женат на её сестре.

Корр.: С кем ещё вы были знакомы?

Х.: В книге “Мой Пушкин” я пишу об этом. Ван Гог, Чайковский, Булгаков, Шаляпин, Марadona, Фишер... Мы были одна компания, вместе выпивали, дрались, играли в футбол, ухаживали за девушками — тогда это было модно. Петька Чайковский, правда, этого не знал и ухаживал за мальчиками, сейчас об этом уже можно говорить. А в футбол лучше всех играл Ван Гог, однажды в пылу борьбы ему даже оторвали ухо... Помню, как я учил Фишера играть в шашки — он потом, это известный факт, даже стал чемпионом мира... А как гениально Шаляпин пел сочинённые мной романсы — “Баньку”, и про пальцы в рот, и... и другие знаменитые мои романсы... Я в то время был влюблён, посвятил любимой девушке стихотворение “Я встретил Вас...”, Сашка Пушкин увидел, выпросил... Или это был Коля Гоголь... Они очень тогда нуждались в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: А много книг вы написали?

Х.: Да, и об этом я рассказал в своей книге “Мой Наполеон”. Мы ведь дружили с Боней с детских лет, много разговаривали, спорили... Я как-то сказал ему, что стану писателем и стал, а он метался и — сейчас об этом уже можно говорить — хотел стать то ли кинологом, то ли киноведом... В общем, чего-то медицинское. Помню, как я отговаривал его идти войной на Россию... Чем закончился этот поход, можно узнать из моей книги “Мой Кутузов”. Наполеон, кстати, всегда нуждался в деньгах. Я был женат на его сестре.

Корр.: Вы встречались и с Кутузовым?

Х.: Да, с Мишкой мы были, как в поговорке — “не разлей водка”. Сейчас об этом уже можно говорить. Я звал его “адмирал Нельсон”, уж не знаю, почему. Когда я рассказал об этом самому Нельсону, он очень смеялся, хотя постоянно нуждался в деньгах. Молодые мы были...

Корр.: А сколько раз вы были женаты?

Х.: Много. Об этом я пишу в своей книге “Моя д’Арк”. У нас была огромная, всепоглощающая любовь, но она — и сейчас об этом уже можно говорить — трагично оборвалась, сгорела... Я не виню Жанну, это были счастливые годы, но, мне кажется, она больше нуждалась в деньгах, чем во мне. В книге “Моя Клеопатра” я более глубоко раскрываю тему женского предательства. Кстати, после смерти Клёпы я женился на её сестре.

Корр.: А над чем вы работаете сейчас?

Х.: Я пишу книгу “Мой Христос”.

Корр.: Вы...

Х.: Да. Я был женат на его сестре. Молодые мы были...

Разговор

*нашего корреспондента с писательницей
Мариной Устиновной Перцовой*

Корр.: Здравствуйте, Марина Устиновна! Разрешите сразу вопрос: Вы написали около 5250 книг. Как Вам это удалось?

П.: Я написала больше, пока не всё опубликовано. К примеру, до сих пор ждут своей очереди мои сочинения за 3 и 4 классы. Никак у меня до них не доходят руки, ведь только в прошлом году я сочинила 365 повестей и романов, которые помогают людям выжить. В этом году у меня такой же график. Вчера вот закончила очень интересный иронический детектив, хотя больше мне нравится роман за понедельник.

Корр.: Почему детектив иронический?

П.: Я там на 265-й странице иронизирую. Ирония помогает людям выжить.

Корр.: Скажите, где и как Вы черпаете вдохновение, находите сюжеты для своих книг?

П.: Нигде и никак. Встаю, как и Лев Толстой, в одиннадцать утра и уже в двенадцать я за письменным столом. Лев Толстой, правда, вставал в четыре, но сути это не меняет, результат-то у нас одинаковый. Хотя вот в субботу я писала роман, чуть проспала и завязка немного не удалась, да и финал смазала — торопилась на деловую встречу. Пришлось вставить финал из романа от 8 октября, а завязку из повести за 19 мая, и ничего —

книжка продалась, отзывы очень хорошие. Кому-то, может, она помогла выжить.

Корр.: У Вас очень сочные и лаконичные описания. Например, повесть за позапрошлый вторник: “Борис Львович опоздал. Он был одет в костюм, впрочем, как и всегда”. Прекрасный роман за среду, 4 июля: “Нюся была одета в вязаный жакет, впрочем, как и всегда”. Позавчерашняя повесть: “Шёл дождь, впрочем, как и всегда”. Откуда такой стиль?

П.: Конечно, можно было написать “Шёл сильный дождь, впрочем, как и всегда”, но это уже Бунин какой-то, а у нас с ним совершенно разные читатели. Причём у меня их больше. Ведь я помогаю людям выжить.

Корр.: А откуда прекрасное чувство юмора? Вот роман за 10 марта: “Борис Львович пошутил, впрочем, как и всегда”.

П.: Чувство юмора у меня от мужа. Он очень весёлый человек был.

Корр.: Кто Ваш муж?

П.: Просто муж. И первый читатель всех моих книг. Сейчас он в псих-больнице.

Корр.: В романе от 28 июля Вы очень нежно описываете кошку: “Найка подбежала ко мне и лизнула, впрочем, как и всегда”. Вы любите животных?

П.: Да, конечно. В моём доме раньше всегда жили животные. Я читала им вслух свои только что написанные книги. К сожалению, все они почему-то рано умирали.

Корр.: Вы и своим книгам даёте названия, где фигурируют животные: “Филе из куропатки”, “Уха из акулы”, “Жаркое из петушка”...

П.: Для себя, чтобы не запутаться, я называю свои книги по дате написания, например: “Ироническая повесть, четверг, 25 февраля” и так далее. Многие мои читатели делают так же, но издатели против. Так что к ужину я заканчиваю книгу, смотрю на накрытый стол и даю ей название. Вчерашний мой иронический детектив называется “Разгрузочный день”.

Корр.: Какие у Вас отношения с коллегами, работающими в таком же жанре?

П.: Прекрасные. Со многими коллегами я дружу, мы часто встречаемся в больницах, где лечатся наши родственники, первые читатели наших книг. Мы же делаем одно дело — помогаем людям выжить. Недавно, кстати, по вине типографии мой роман засунули в обложку другой писательницы, моей подруги. Слава Богу, никто, кроме меня, не заметил, и книга хорошо продалась.

Корр.: Традиционный вопрос: Ваши творческие планы?

П.: Сегодня в 17.30 я закончила новый детективный роман. Названия, как вы понимаете, ещё нет, но судя по запаху — “Рагу из индюшки”. А если говорить глобально, то в будущем году я собираюсь сочинить 730 книг, то есть одну буду писать до обеда, вторую после. Боюсь, возникнут проблемы с названиями... Но делать нечего, мы узнали, что меня очень мало читают в токийском метро, в лондонском, в пригородных поездах Монреаля и Лиона... Этот рынок ещё нами не охвачен, за Россию-то я спокойна. Кстати, вы знаете, что суммарный тираж моих произведений достиг 760 000 000 000 экземпляров? В доме каждого жителя нашей планеты есть несколько моих книг, которые помогают ему

выжить. Особенно приятны читательские отклики. Много пишут мне из Израиля — у меня там родственники, из США два письма пришло. Даже из Нигерии! К сожалению, я не смогла перевести, да и адрес не мой.

Корр.: Откройте тайну — про что Ваш сегодняшний роман?

П.: Сегодняшний мой роман, впрочем, как и все остальные, про частную сыщицу, которая впуталась в ужасную историю и с честью из неё вышла. Подробностей я уже не помню. Оставайтесь на ужин, и вы станете его первым читателем, а то муж...

Корр.: Нет-нет, спасибо, мне надо ещё сдавать материал и у меня дети...

П.: Тогда обязательно купите его завтра и сможете выиграть дезодорант для ног, шарфик для шеи или перчатку для рук! Это наша новая акция, которая поможет людям выжить.

Корр.: Обязательно куплю! А Вам, наверное, можно пожелать только творческого долголетия на благо всех грамотных землян...

Москва

Из цикла “Великие города мира”

860 лет назад по распоряжению Юрия Михайловича Лужкова была основана столица нашей Родины город-герой Москва. Сначала это был маленький населённый пункт, в нём жила дружина князя Долгорукого с жёнами да местные, которые ещё не знали, что стали москвичами. А когда узнали, очень этим загордились и придумали сначала прописку, потом регистрацию и четыре тысячи долларов метр. За это москвичей сразу не полюбил остальной народ и несколько раз сжигал весь город. Жгли все — татары, французы, братья-славяне... Но москвичи отстраивались заново, причём сами, без помощи турок и молдаван. В те давние времена они ещё умели это делать своими руками. Секрет строительства домов без участия турок и молдаван, к сожалению, утерян. Или украден молдаванами. А Москва после каждого пожара становилась всё краше. В ней появились первые достопримечательности — Черкизовский рынок, 3-е транспортное кольцо и метро “Выхино” в час пик. Кроме них к московским красотам относится подземный переход под площадью трёх вокзалов, автовокзал на Щёлковском шоссе и, конечно, Кремль. Кремль — это сердце Москвы. Капотня — лёгкие, оба Бутовых — отбитые почки, а Измайлово, судя по лицам жителей, давно и неизлечимо больная печень.

Шли годы. Москва превратилась в потрясающий мегаполис, в который рекой льются деньги и бомжи. Видимо, бомжи деньги привозят, прячут их, забывают, куда, и идут спать в последние вагоны метро, несмотря на турникеты. Турникеты, кстати, изобрели тоже в Москве. Особенно нужны они в трамваях, которыми пользуются исключительно бабушки. Куда они постоянно ездят в количестве, равном количеству сидячих мест, это загадка, над разгадкой которой бьются многие исследователи. Ближе всего к истине предположение, что до конечной остановки и обратно. Главное, что турникеты бабушкам не страшны, у них специальные проездные с фотографиями. А вот зайти в трамвай

человеку с улицы стоит 25 рублей и 40 минут в очереди, так как бабушки никуда не торопятся.

К счастью, не только турникетами славна наша столица. Всем известно, что в Москве обитают самые добродушные и гостеприимные милиционеры страны. Мимо них невозможно пройти бесплатно. Это искусство, которым владеет далеко не каждый москвич, что уж говорить о гостях столицы.

Но Москва — это не только милицейское гостеприимство. Москва — город, который приносит людям счастье. В Москве Наташа Королёва встретила Тарзана, а маленький Юрочка Куклачёв — свою первую кошку. В Москве нашёл работу В. В. Путин, а скульптор Церетели обрёл вдохновение и мастерскую. Как изменились улицы, украшенные его творениями! Как красив и высок Пётр Первый! Говорят, что в голове Петра находится двухуровневый боулинг-центр, а в мизинце правой руки купил себе квартиру Роман Абрамович.

Недалеко от Москвы расположена и знаменитая Рублёвка с её нефтяными фонтанами и газовыми факелами, где можно вкусно отобедать за 5000 долларов под пение живого Элтона Джона. И именно в Москве открылись самые крупные в Европе “Икеа” и “Ашан”, “Мега” и “Арбат Престиж”. В этих магазинах надо жить, что, кстати, многие москвичи и делают. Но всё-таки не магазины являются лицом столицы. Недалеко от ресторана “Соггеа’s” можно обнаружить Третьяковскую галерею, на задворках ЦУМа стоит Большой театр, из бутика “Giorgio Armani” виден Собор Василия Блаженного, а из одного ночного клуба даже краешек Пушкинского музея.

В окружении такой красоты не хочется ни хамить, ни обманывать, поэтому в Москве вам никогда не нахамят и вас не обманут. Убить убьют, хотя это запрещено. Но, к сожалению, запреты в Москве не приживаются. Стоит мэру столицы что-нибудь запретить, как это что-нибудь появляется везде и в удвоенном количестве. После последних запретов теперь у каждого казино, на платных парковках стоят девушки лёгкого поведения с шаурмой в руках, при этом распивая пиво в общественных местах и торгуя с рук собой же. А гей-парады проходят в лучших концертных залах. И во всех подземных переходах грузины продают молдавские вина из “Боржоми”. Может, попробовать запретить в Москве море, пляж и обнажённых мулаток?..

г. Москва.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (7272) 53-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 04.09.2009 г.

Подписано к печати 09.10.2009 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 5026.

Номер набран и свёрстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.